

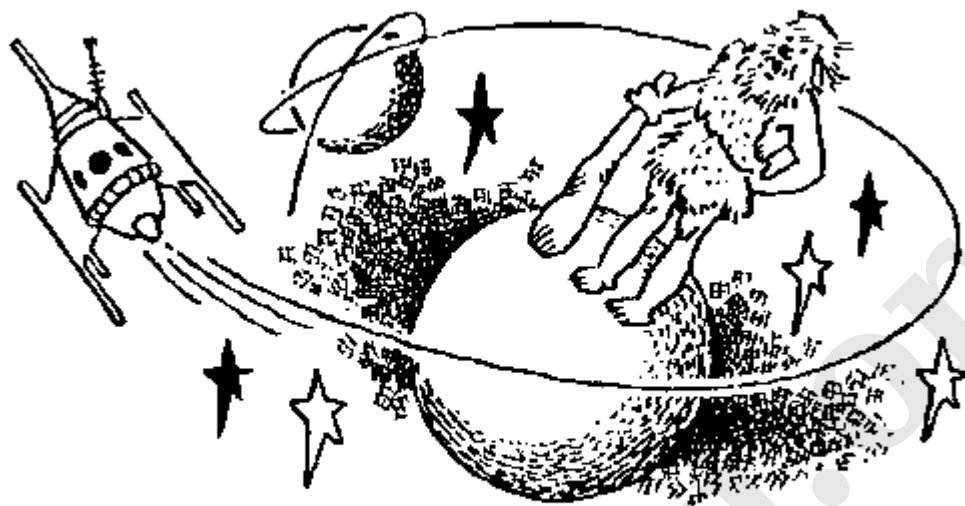
"Заблудившийся звездолет. Семь дней чудес"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Анатолий Иванович Мошковский

Заблудившийся звездолет. Семь дней чудес

АНАТОЛИЙ МОШКОВСКИЙ

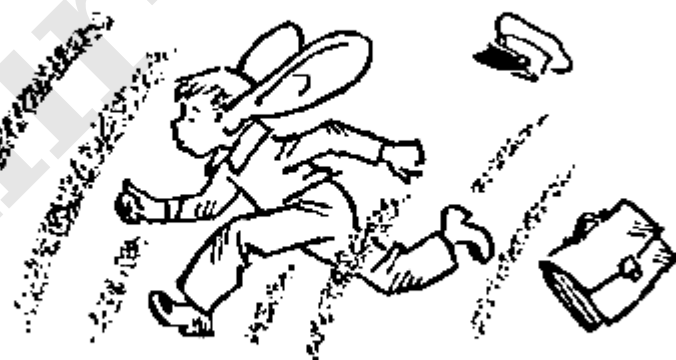

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЗВЕЗДОЛЁТ

СЕМЬ ДНЕЙ ЧУДЕС

ПОВЕСТИ

Рисунки Г.ВАЛЬКА

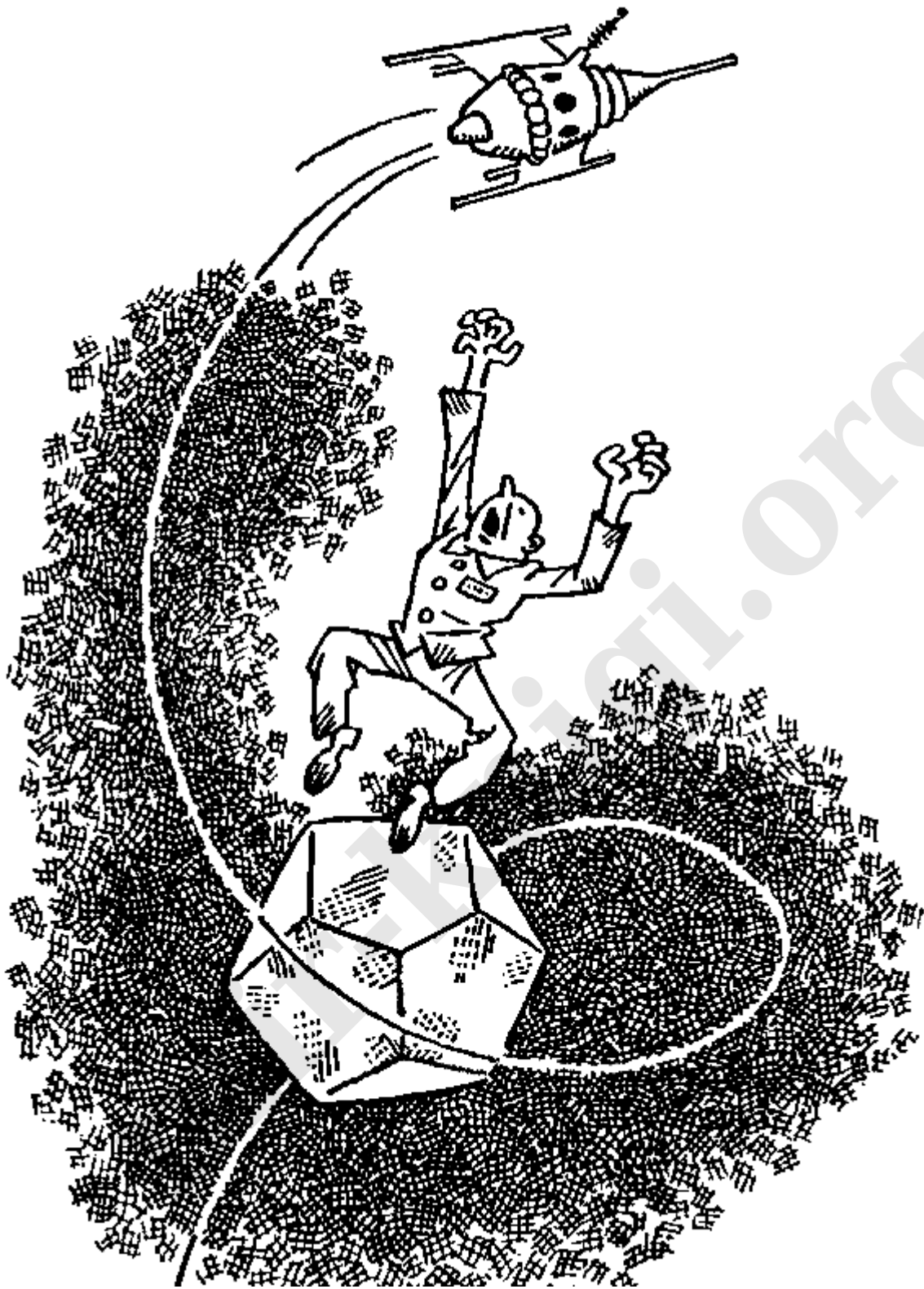
МОСКВА

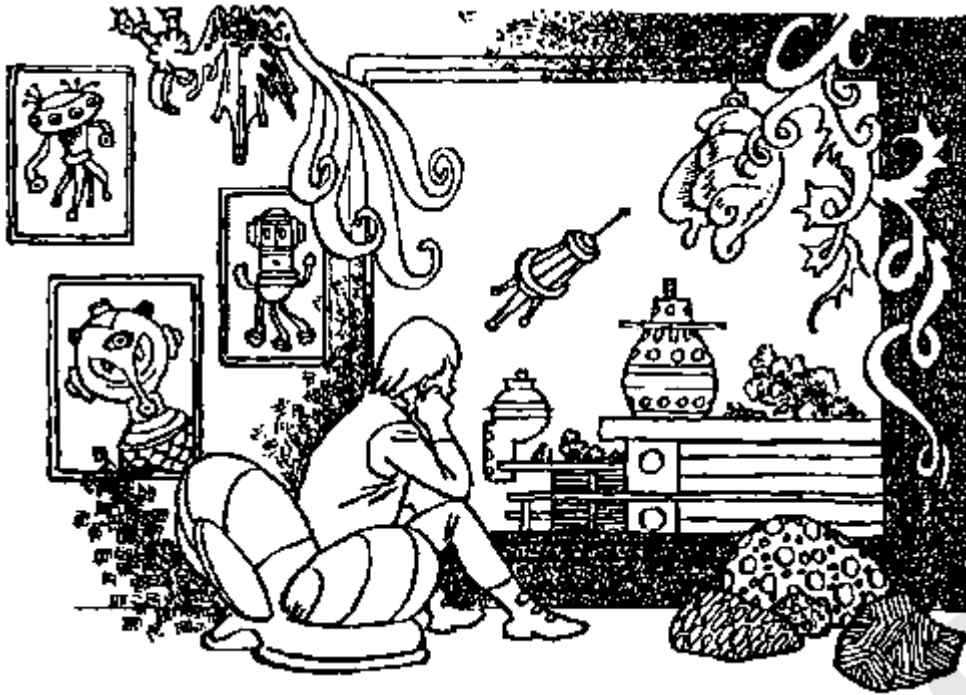
•Детская литература•

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЗВЕЗДОЛЁТ

Повесть
почти
фантастическая
в
Поле Звездине
и
четырёх
его
товарищах

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЗВЕЗДОЛЕТ

Глава 1. ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Толя стоял нахмутив лоб.

Все было напрасно... Все-все!

Отцу и дела не было, что он целый месяц готовился к этому разговору.

В этот день перед приходом отца Толя сидел в своей комнате и в последний раз обдумывал, с чего лучше начать разговор. Со стен на него смотрели разноцветные лица жителей других планет, нарисованные его другом Алькой: длинные, широкие, круглые, с одним, двумя и даже десятью глазами; с потолка свисали фиолетовые лианы, привязанные к проволочкам огненно-красные раковины и чучела невиданных птиц с расправленными крыльями; у стен лежали голубые, золотистые и черные инопланетные камни, большие, но такие легкие, что их запросто можно было отбросить через всю комнату щелчком; на полках стояли книги с очень тонкой бумагой — тысяча и больше страниц в каждой! — и с маленькой стрелочкой на переплете: поверни — и страницы сами листаются с нужной тебе скоростью.

Все это привез отец из космических командировок и подарил Толе, который с тех пор, как научился ходить, бредил иными мирами, ослепительными, неведомыми, диковинными...

И вот Толя стоял в огромном кабинете, и отец повторял:

— Нельзя, сынок... Разве ты не знаешь, что детям до семнадцати лет строго-настроено запрещено вылетать за пределы Солнечной системы?

— Но почему, пап? Ты можешь сказать почему?

— Как будто сам не знаешь, не читаешь газет, не слушаешь радио, не учишься в школе, где...

— Слушаю! Понимаю! Учусь! И поэтому знаю, что этот запрет устарел... Может, еще раз

показать тебе книгу «Научные открытия, сделанные детьми за последние три года»?

— Не надо...

Толин отец был знаменитый ученый, автор многих книг, вице-президент Академии чешуекрылых. Он с детства был так увлечен своими бабочками, что никогда не расставался со складным сачком и даже дома изучал их. Самые редкие бабочки, известные на Земле всего в двух-трех экземплярах, красовались в прозрачных коробочках, висевших на стенах отцовского кабинета. Они были причудливо разрисованы природой, и отец всегда с гордостью показывал их гостям. В шкафах и на полках его кабинета хранились коробочки с десятками тысяч бабочек Земли и разных планет, где побывали земляне; здесь же стояли сотни книг на разных языках Вселенной, посвященных все тем же бабочкам. И дня, казалось, и часа не мог прожить отец без них!

Вот и сейчас он отвечал Толе и одновременно поглядывал в окуляр маленького электронного микроскопа, чтоб получше рассмотреть зубчатое крыло бабочки необыкновенно яркой фиолетовой раскраски. А Толя, бледный, тихий, большеухий, с блестящими глазами, стоял у стола и смотрел на отца.

— Толя, — сказал отец, — нельзя так! Ну хочешь, я посажу тебя в звездолет, который завтра в семь пятнадцать летит на Луну?

— Не хочу я на Луну! Десять раз был там! Каждый камень и цирк знаю наизусть! Скоро там детские сады открывать будут и придумают скафандры для грудных... Там даже наш Жора был...

— Надо было отправиться с Сережей Дубовым и его отцом на Марс, они ведь звали тебя.

— Не хочу я на Марс! Я хочу на сверхдальние...

— Я тебе уже ответил. Как будто на Марсе скучно или даже здесь... Ох, сынок, сынок!

— Папа...

— Я сейчас кончу, сынок... Всему свое время, не торопись, ничего от тебя не уйдет. И на нашей Земле еще много неоткрытого и загадочного... Уверен, что твой Андрюша Уваров не сидит сейчас сложа руки в лагере археологов; сам знаешь, они уже наполовину раскопали город инков; говорят, он почти целиком сохранился. И ты бы мог поехать с Андрюшей и его братом. И город Хрустальный тебя не заинтересовал, а ведь он в самом центре Антарктиды... Ну признайся, сколько получил радиограмм от Пети Кольцова с приглашением прилететь к нему хотя бы на неделю?

— Десять, — угрюмо уронил Толя.

— Ну вот видишь! Все твои друзья разъехались на каникулы кто куда, а ты... Толя, ну полови мне бабочек. Полови! Это ведь так важно...

— Я поймаю тебе миллиард бабочек, но не здесь, а там, только...

— Нельзя, сынок, — повторил отец и вздохнул. — И не просись, не настаивай, учись быть терпеливым... Прощу тебя.

— Но ты ведь даже за своими насекомыми летаешь на самые далекие планеты...

— Верно, меня туда командируют, и еще я летаю туда по просьбе этих планет в качестве консультанта. Но и для меня существуют законы Высшей Дисциплины, Высшей Совести и Высшего Терпения, и есть планеты, на которые по разным зависящим и не зависящим от меня причинам я не имею права летать. А ведь я взрослый. И я не могу нарушить параграфа о детях «Инструкции межзвездных полетов». Она написана добрыми и мудрыми людьми...

— Но почему они забывают, что дети...

— Толя!... — Отец в изнеможении откинулся на спинку кресла. — Ну что у тебя за характер! Ты даже не представляешь, что это такое — полет туда...

— Представляю! Я ничего не боюсь! Папа, прости меня, но ты... Ты сверхосторожный! Сверх...

— А ты в таком случае сверххрабрый, сверх-странный, сверхмальчик! — Отец встал из-за стола, засмеялся и дернул его за ухо. — Рвешься на сверх дальние, а научился нырять на двадцать метров? А прочитал все пять тысяч страниц «Книги океанов»? А веснушки на своем собственном носу сумеешь сосчитать?

Толя выбежал из кабинета.

Опять эти веснушки! Эти насмешки насчет глубины его познаний... Толя бросился к маме — она уже вернулась из своей Академии облаков, где занималась проблемами их буксировки в засушливые районы Земли... Но тут же он отскочил от двери: мама ведь тоже была против его полета на сверх... — ах опять это проклятое «сверх»! -...дальние планеты. И брат его, тоже ученый, посвятивший свою жизнь жизни крабов, не поддерживал Толю. И сестра, писавшая стихи...

Толя вылетел из квартиры, нажал на зеленую, светящуюся на черной дощечке кнопку, и к нему тотчас бесшумно примчался лифт. Толя вошел в кабину. Что ж это получается? Он, Толя, рвется к необычному, к загадочному и высокому, а им это...

Толя шмыгнул носом, сдержал слезы и шагнул из лифта. И вышел на широкий солнечный двор. Здесь росли платаны и цвели розы — алые, белые, желтые. У одного дерева стоял Жора, прозванный за свой неслышанный, за свой прямо-таки ужасающий аппетит Обжорой. К тому же он был весельчак и отъявленный бездельник. Второго такого мальчишки не было во всем Сапфирном, и, как уверял первый Толин друг Сережа Дубов, находившийся сейчас на Марсе, скоро в их двор будут водить большие экскурсии: пусть все знают, что еще встречаются ребята, которые часами могут сидеть развалившись на скамейке и ничего не делать и так много есть.

Однако сейчас Жора не бездельничал и не ел. Он нюхал розу и одновременно глядел в окно, за которым... Конечно же, ни в какое другое окно смотреть он не мог! Он мог смотреть только в окно, за которым жила Леночка...

Здесь бы Толе прибавить шагу, чтоб его не заметил Обжора, но Толя шел медленно, и у желтой будки с двумя роботами-дворниками, которые по утрам подметали и поливали двор, его настиг хохочущий голос Обжоры:

— Толь, ты чего кислый? Плакал?

Из окон их большого дома стали высовываться ребячьи головы, и это еще сильнее раззадорило Жору-Обжору, и он хотел что-то добавить, как вдруг послышалось: — Обжора, хочешь банан? Это сказал Алька Горячев, сын известного художника и сам немножко художник, Толин друг, не самый первый, но тоже очень хороший. Худенький, быстрый, ловкий, он выскочил из

подъезда со связкой желто-зеленых, кривых, как бумеранги, бананов.

— Хочу! — крикнул Жора-Обжора, и Алька, оторвав от связки, кинул один банан.

Жора поймал его, тремя полосками содрал шкуру, сунул в рот влажно-белый, мучнистый плод и снова глянул на окна своими крошечными, лениво-веселыми глазками, утонувшими в полном, щекастом лице, и с большим аппетитом принялся жевать, потом швырнул за платан кожуру и попросил у Альки еще один.

— Ешь! Жуй! Наслаждайся! — Алька с чувством провел рукой по Жориной голове против шерсти и дал ему еще один банан. И опять полетела за платан кожура...

Всех выручал Алька: чего ни попроси у него — поможет, сделает, отдаст.

— Скажи отцу, чтоб получше смазал дворников, — напомнил он Жоре, — им после тебя всегда много работы...

Жорин отец был механиком, следившим за роботами, которые убирали пыль и грязь на их улице. Однако Жора пропустил Алькины слова мимо ушей.

Глава 2. КОЛЕСНИКОВ

Между тем Толя вышел на бульвар Открытий. Под его ногами — пока их не успели убрать роботы — шуршали сухие, желтые лепестки акаций, мимо него с тонким мелодичным свистом проносились остроносые многоцветные автолеты.

Из них высывались желтые лица японцев, индианок с Огненной земли, белозубых негров из окрестностей африканского озера Чад, белокурых спокойных норвежцев... Во все глаза смотрели они на город Сапфирный, который лежал у красивейшей Сапфировой бухты с золотистыми песчаными пляжами. Вода бухты была прозрачная, прохладная; она ласково подхватывала и несла купальщиков и, говорили, в один день снимала годовую усталость. И, наработавшись, люди всех континентов Земли спешили сюда хотя б на недельку.

И были еще в этом городе, на его зеленых холмах, развалины легендарной Генуэзской крепости незапамятных времен, когда на Земле было рабство; тогда здесь шумел невольничий рынок, и за медные, серебряные и золотые монеты с властными профилями римских и византийских императоров богачи могли купить красивую девушку или юношу, взятых в плен во время разбойничьих набегов. Сейчас в их городе и на всей Земле ничего не продают, деньги остались только под стеклом музеев, и приезжающие сюда люди с грустью и недоумением смотрят на эти высокие, позеленевшие зубцы выветренных, крошащихся стен крепости, на некогда грозные бойницы, которые теперь приступом берут веселые ласточки... И еще люди приезжают в их город, чтоб сходить в удивительный, пока что единственный в мире музей Астрова — прославленного художника, уроженца этого города, который писал на тонких металлических листах особыми, несмываемыми, вечными красками подводные пейзажи Сапфировой бухты с морскими звездами на тускло-зеленых скалах, с таинственным мерцанием глубин, с бликами проникающего сверху солнца, с загадочной тенью полуразрушенного, громадного черного Вулкана, стоявшего на берегу, — из него который уже век море вымывает редкостные по красоте драгоценные камешки, о которых мечтают девочки, девушки, женщины и даже старушки всех континентов Земли...

Но Толя шел по этому великолепно зеленому городу, и ему было не до его пляжей и синевы его Сапфировой бухты. Он шел потупясь, и время от времени над ним раздавался жаркий, скользкий свист, и тогда он резко вскидывал голову: с окраины города, где был космодром,

один за другим стартовали и уходили во Вселенную звездолеты...

Вдруг Толя заметил Леночку.

Она шла навстречу ему в коротеньком серебристом платье и, склонив голову, читала какую-то книгу. При этом ее длинные светлые волосы сжимались и разжимались, как тугие пружинки, и касались страниц раскрытой книги.

Толя остановился.

Леночка, конечно, не замечала его.

Между тем прямо на Толю, негромко жужжа моторами, двигался невысокий треугольный робот из красной пластмассы и тщательно подбирал с асфальта лепестки акации: терпеливо постояв возле Толи, поморгал зеленым электроглазом, чтоб он отошел и разрешил роботу втянуть в себя лепестки, лежавшие под Толиными подошвами. Толя разрешил ему, и робот, сказав «спасибо», деликатно двинулся дальше. Ребята в их городе привыкли к роботам, и Толя не обратил на него ни малейшего внимания. Но он по-прежнему не мог оторвать глаз от Леночки.

Значит, она не дома, и Жора напрасно вел наблюдение за ее окнами...

Толе хотелось броситься к ней, спросить, как дела в балетной школе, где она училась, рассказать ей что-нибудь смешное, позвать к причалу, забитому бело-голубыми прогулочными подводными и надводными ракетоплавами, или сходить к Стеклойной башне рыбной фермы «Серебряная кефаль», которой заведует ее мама...

Но броситься к Леночке и куда-нибудь позвать ее было невозможно. Невозможно потому, что нос и большие Толины уши были отвратительно усеяны мелкими рыжими веснушками, и было

их столько — отец прав — не сосчитать! Они были только на носу и ушах, и больше нигде, и это было ужасно. Нос и уши поэтому резко выделялись, и, конечно, это видели все, и особенно девчонки...

Леночка прошла мимо, а Толя поплелся дальше. Он не услышал, как рядом с ним остановился маленький, сверкающий синим лаком автолет. И лишь когда Толю окликнули из кабины, он прямо-таки подпрыгнул от неожиданности.

— Ты чего один? — Колесников поднял на лоб зеленоватые очки.

Толя шел дальше. Он не хотел объяснять, что лучшие друзья его разъехались в разные точки Земли, а Сережа — за ее пределы.

— А нос почему повесил? Смотри, поцарапаешь об асфальт!

Толя даже не улыбнулся.

— Значит, не скажешь?

Толя промолчал. Он не хотел говорить с Колесниковым еще и потому, что тот был резок, грубоват и держался надменно. Что по сравнению с ним добродушный и веселый Жора-Обжора! И было непостижимо, почему Колесников такой... Чего ему не хватало?

Во дворе его звали только по фамилии или, когда он чем-то досаждал ребятам, обзывали Колесом. Он был на два года старше Толики его приятелей, но чрезвычайно мал ростом, и, наверно, из-за этого он недолюбливал всех, кто выше его хоть на сантиметр. А выше его были почти все ребята, даже девчонки.

Однако он здорово разбирался в технике — запросто ремонтировал любые домашние машины и роботов и даже переделывал их, заставляя работать по своей программе: один ходил и чистил двор и при этом хрипло и страшно ругался:

«Найду и сожру я ленивца Обжору

оставлю от Жоры я косточек гору!»;

другой робот, в обязанность которого входила поливка двора и цветов, незаметно подкрадывался к сидевшим во дворе на скамейках и почти в упор пускал в них тугую струю холодной воды. Колесникову сильно влетало за это, и Жорин отец брал расшалившихся роботов в свою мастерскую, гаечным ключом, отвертками и паяльником «выбивал из них дурь» и заново учил заниматься полезной деятельностью. Кроме всего, Колесников был отменным автолетогонщиком, трижды завоевывал кубок Отваги и Скорости на детских автолетных гонках в Сапфирном. У нескольких ребят из их дома были свои маленькие автолеты, но лишь у Колесникова был особый — сверхскоростной — и права на вождение его...

Колесников вылез из машины. Коренастый, в кожаных штанах с «молниями» на карманах, в безрукавке из плотной серой ткани, он подвигал затекшими ногами, точно не один час уже носился по улицам города, и спросил:

— Ленку не встречал?

Так вот почему Колесников рыскал по всему городу!

Толя не захотел помочь ему, но и соврать не мог. И поэтому он угрюмо молчал.

— Значит, не видел? Я вчера обещал ей...

Толя отвернулся от него и быстро пошел по тротуару.

— Могу подвезти... Садись! — Колесников, прихрамывая, пошел за ним. Шел он неуклюже, потому что редко ходил пешком, но серые глаза его были хитрые и лихие.

— Спасибо. Как-нибудь сам... — Толя пошел еще быстрее.

Он, как и все ребята из их дома, сторонился Колесникова, но полгода назад тот просто поразил его... Нет, не победами в гонках — к ним Толя был равнодушен. Случилось вот что: Колесников тайком пробрался в звездолет, уходивший за пределы Солнечной системы, в складской отсек, и, наверно, единственный из всех мальчишек Земли — а о девчонках и говорить не приходится — зайцем посетил сразу пять отдаленных планет и привез оттуда много сувениров! Правда, за этот полет он по прибытии на Землю был сильно наказан: ему запретили год бывать даже на ближних планетах. Но Толя готов был принять в сто раз более строгое наказание, лишь бы побывать там... Но разве мог он осмелиться на такое?...

У Толи даже не было своего автолета, потому что он был рассеян и никак не мог заучить всех правил вождения, назначения всех циферблатов и клавиш на приборном щитке, и ему поэтому не выдавали права...

Колесников вернулся к машине, сел в нее, догнал Толю и поехал у края тротуара, опережая Толю на каких-нибудь полметра. Его маленькие крепкие руки со следами смазочного масла и старых порезов легко и небрежно сжимали штурвал.

— Ты что, обиделся? — мягко, почти ласково спросил Колесников.

— Нет.

— Ну так садись. Съездим искупаемся... Жарища-то какая!

Толя кинул на него взгляд: глаза у Колесникова, сидевшего за штурвалом, смотрели еще более ласково. Что с ним? Подобрел? Но из-за чего? Ведь Толя за ночь не стал ниже ростом и по-прежнему не был силен в технике...

— Я не хочу купаться, — сказал Толя.

— Как знаешь... Вчера, между прочим, мы с отцом были у дяди Артема, и он рассказывал нам о планете П-471...

Толя сразу забыл обо всем на свете. И пошел совсем тихо. И даже незаметно приблизился к краю тротуара, чтоб лучше слышать все, что Колесников скажет дальше.

Глава 3. ВОТ ЧТО ОН СКАЗАЛ ДАЛЬШЕ

Ведь планета П-471 была вся в извергающихся вулканах, в раскаленной лаве и горячем пепле, и о том, что его дядя, Артем Колесников, знаменитый космический пилот высшего класса, сел на нее, писали газеты всей Земли и сообщало радио. И его, одного из немногих на Земле, наградили орденом Мужества.

— Значит, были у него? Ну как он? Как экипаж? Все в порядке?

— Ну не совсем... — Колесников многозначительно прищурил глаза и замолчал. — Влезай, расскажу.

Задняя дверца отворилась, и Толя без раздумья прыгнул в автолет.

Дверца плавно закрылась, машина отошла от тротуара и помчалась посередине дороги.

— Нашел среди лавы твердый островок и сел? Ну говори же! Говори! — Толя вытянул к нему свою худую длинную шею.

— А как же иначе? — Колесников улыбнулся. — Он даже кое-что привез мне оттуда...

— С планеты П-471?! — вскричал Толя. Колесников снял одну руку со штурвала, сунул в маленькую дверцу под щитком с приборами, что-то вынул оттуда и через плечо протянул Толе:

— Можешь посмотреть.

Толя взял тяжелый лиловатый кусочек какого-то металла. Он слегка светился и приятно жег пальцы.

— Не бойся, он не опасен... Уже определили. Наоборот, он действует успокоительно на слишком нервных...

Металл с других планет был не в новинку Толе, потому что давно уже специальные грузовые звездолеты привозили из космоса руды редких или неизвестных на Земле металлов, однако этот лиловатый кусочек Толя держал с особым волнением — его привез дядя Артем, и с такой далекой горячей планеты. И он так таинственно и красиво светился...

Колесников прибавлял скорость и все время озирался по сторонам.

— Так куда поедем? Купаться? Или к Вулкану за камешками? Я обещал...

— Купаться! — выдохнул Толя, потому что сразу понял, куда и зачем тот звал Леночку.

— Купаться так купаться! — Колесников резко повернул машину влево, еще накинул скорости, и в это время пронзительно и грозно завыл сигнал улично-воздушной регулировки.

— Колесников! Ты слышишь? — закричал Толя, и сердце его заколотилось.

— Сбавь скорость!

— И не подумаю. — Колесников добавил скорости. Но и этого ему показалось мало: он нажал особую кнопку, от боков корпуса, как у всех автолетов, откинулись маленькие крылышки, и машина, оторвавшись от асфальта, со свистом понеслась по воздуху, в двух-трех метрах от дороги.

Сигнал службы безопасности заревел еще громче, из динамика приемника прозвучал приказ — синему автолету немедленно остановиться. Но Колесников, не сбрасывая скорости, зигзагами мчался то по одной, то по другой улице, и скоро сигнал ослабел и замолк.

— Нарвешься когда-нибудь! — сказал Толя, приходя в себя.

Наверно, так же он ездит с Леночкой, а то и быстрее... Даже фамилия у него скоростная, техническая — от «колеса». Видно, ей все это нравится, иначе б не ездила с ним. Или, может

быть, она подружилась с Колесниковым потому, что однажды он починил ее любимую электронно-кибернетическую игрушку — Рыжего лисенка? Ни одна мастерская не бралась оживить, а он оживил.

Наверно, и этот кусочек породы предназначен для нее.

А может, нет?

— Колесников, подари... — попросил Толя, ощущая на лице прохладные струи ветра от огромной скорости.

— Не проси, не могу... — Колесников опять стал глядеть по сторонам.

Конечно, хочет подарить его Леночке!

Наконец Колесников погасил скорость, коснулся шинами асфальта и подкатил к пляжу, где было по очень много загорающих. Ребята переоделись в машине, побежали по мягкому, тепломu песку к морю, бросились в воду и вынырнули далеко от берега.

— Слушай, какого ты мнения о Ленке? — неожиданно спросил Колесников.

— Самого прекрасного! — воскликнул Толя, стараясь не смотреть на него.

— А почему? Чем она тебе... Ну, то есть я хотел спросить, что, по-твоему, ей больше нравится в ребятах и как...

— В ребятах ей правится прекрасное! — выпалил Толя. — И сама она — прекрасная! Понял?

Колесников чуть смутился, вздохнул и недоверчивым взглядом посмотрел на Толю.

«Вот и хорошо, — подумал Толя, — больше не будешь ко мне обращаться с такими вопросами», — и спросил, отфыркиваясь от соленой, попавшей в рот воды:

— Скажи, неужели тебя никуда не тянет?

— А куда меня должно тянуть? — Колесников лег на спину и, покачиваясь на воде, подставил лицо солнцу.

— Ну куда-нибудь... — Толя замялся. — Ты доволен собой и не хотел бы ничего другого?

— А чего... Мне не плохо... Чего ж еще хотеть? — Колесников зажмурился от солнца. — Скверно вот, что большей скорости из моей керосинки не выжмешь и служба безопасности не дает развернуться...

— Слушай, ты видел далекие планеты! — загорячился Толя. — И тебя ничего не поразило на них? Ну хоть чудеса своей техники ты там видел?

— Это сидя в тесном складском отсеке? — с иронией спросил Колесников. — Я ведь не мог вылезти со всеми... А когда меня обнаружили и выпустили на одну из планет, ничего интересного там не было, наша Земля ушла гораздо дальше...

— Но ведь сам знаешь, какие есть во Вселенной планеты!

— Возможно. Читал... А что? — вдруг спросил Колесников и, рывками выбрасывая вперед руки,

поплыл к берегу.

— Ничего... Скажи, а на каком звездолете летал дядя?

— Да я уж говорил тебе: на новейшем корабле марки «Звездолет-100», и летел он без космического эскорта — ни у одного корабля не хватило бы топлива, чтоб его сопровождать. Ни один еще звездолет не залетал так далеко, как этот. И никто не видел тех планет, которые видели они... Ты понимаешь, что это? Чтоб показать нам свой звездолет, дядя Артем специально повез меня с отцом на космодром... Ух и корабль! Картинка! Дух захватывает! Самый совершенный из всех существующих. Маленький, в десять раз меньше обычных кораблей, и вся аппаратура уменьшена во столько же... Комфортабельный, из сверхпрочного легкого металла и быстрый, как мысль: миллион километров проходит в минуту, и от радиации надежно защищен...

Толя плыл вслед за Колесниковым к берегу: космические корабли и их двигатели мало волновали его. Но тот не мог уже остановиться.

— Он очень легок и удобен в управлении, — прямо-таки пел Колесников, — в нем устранена невесомость и запаса ядерного топлива хватает на год... — Они коснулись пальцами ног мягкого волнистого песка. — И все в нем так упрощено... Знаешь, что сказал дядя?

— Что? — Толя прилег на горячий песок.

— Он сказал, что это такая современная машина — даже грудной младенец смог бы управлять ею...

Толя рассмеялся.

— Ну да, так бы и смог! А выверять курс по карте? А старт? А посадка? Ведь легко промахнуться и врезаться в землю...

— Много ты знаешь! — возмутился Колесников. — Этого не может случиться! Всем управляет электронный мозг, он самостоятельно проделывает множество операций, держит радио- и телесвязь с Землей и другими планетами, убирает и выпускает шасси, уклоняется от встречных астероидов и метеоритов. Правда, иногда случается...

Толя оторвал от песка голову:

— А сколько человек в экипаже?

— Всего пятеро... А что?

— А то... — сказал Толя. — А то... — Он вдруг замялся, страшно смутился и покраснел, потому что ему внезапно пришла в голову совершенно сумасшедшая или, точнее, совершенно фантастическая мысль, и ему даже стало немножко страшно от нее — такая она была неожиданная, ослепительная, ужасная. — А то, — растерянно бормотал Толя, — то...

— Ты что, спятил? — спросил Колесников.

— Да... кажется... — признался Толя, потому что хотя он и прожил уже двенадцать лет, а так и не научился говорить неправду, и сейчас ему было трудно не рассказать Колесникову все, что он задумал, а говорить этого нельзя было ни в коем случае. И он мямлил и заикался: — Я... я... Я подумал... Я хотел...

И он в конце концов сказал бы ему правду, если б Колесников не прервал его:

— Ну что ты хотел бы? Что? Терпеть не могу мямлей!

Толя, минуту назад распаренный и красный, внезапно побледнел и, к немалому удивлению Колесникова, уткнулся лицом в песок и пролежал так несколько минут, потом медленно приподнял голову, и с его губ, носа и щек посыпались приставшие песчинки.

— А если звездолет сядет на море? — спросил он. — Или в болото? Или в лес? Что тогда делать?

— Да не может он туда сесть! — закричал Колесников. — Сложнейший электронный мозг не разрешит ему посадку в такие места, он контролирует все действия пилота и штурмана. Но если пилот сам хочет вести или сажать звездолет, он должен сесть за штурвал...

— Ты так говоришь, будто уже был в этом «Звездолете-100».

— Конечно! Как же я мог там не побывать, если дядя Артем возил нас на космодром? Я облазил весь корабль: отсеки, салон, отделение двигателей, осмотрел все его электронно-кибернетические устройства. Дядя Артем показал мне и объяснил, а в рубке управления даже позволил нажимать на...

— Дай честное слово, что все это правда! — Толя сел на песок.

— А зачем мне врать тебе?

Потом они сели в автолет и помчались к своему дому, и опять сзади, с боков и по радио раздавались сигналы и предупреждения улично-воздушной регулировки. Однако Толя уже не очень пугался их. Он сидел, прижатый скоростью к спинке сиденья, и думал: «Нет, Колесникову нельзя даже намекать об этом! Вот если б рядом были Сережа и Петя с Андрюшей, тогда другое дело: им бы можно было рассказать обо всем...»

Глава 4. ОТОБРАННЫЕ ПРАВА

Дела у Жоры были из рук вон плохи. Он опять проспал. Что уж тут делать — любил он поспать. Недавно отец привез домой взамен устаревших роботов, помогавших по хозяйству, двух новейшей марки, и в то время, когда отец с матерью были на работе, они старательно пылесосили и убирали квартиру, стирали, гладили и готовили еду. Так что Жоре нечего было делать, и он целыми днями шатался по городу или по двору. Спать он мог до полудня. А так как слишком много спать вредно, отец приказал одному из роботов будить его в восемь утра — пластмассовым крючком стаскивать одеяло.

Робот и сегодня аккуратно стащил с него одеяло, тоненько пропищав:

«Подъем, лежебока!» — однако Жора не проснулся, а только досадливо лягнул ногой и продолжал спать без одеяла. А когда он вскочил с постели и спросонья уставился на часы, было уже девять.

Жора буквально впрыгнул в штаны, сунул руки в рукава рубашки и, не помывшись и даже не поев — а уж этого почти никогда не случалось с ним! — бросился к лифту. Нажал синюю кнопку вызова и стал заправлять рубаху в штаны, застегивать пуговицы. И те три секунды, в течение которых он спускался вниз, он лихорадочно действовал: глядясь во все три зеркала кабины, поправлял ворот рубахи и, хорошенько плюнув на ладонь, приглаживал торчащие во

все стороны жесткие, как щетина, волосы. И когда лифт доставил его вниз, вид у Жоры был что надо: щеки блестели, как подрумяненные, щедро смазанные маслом блины, глаза радостно сияли, и ремень на тугом животе был аккуратно затянут — даже кончик его не торчал, как обычно, и сторону...

И не скажешь, что недоспал! И не скажешь, что совсем не завтракал... Он суматошно выскочил из лифта, хотя почти безошибочно знал, что и сегодня все потеряно. Конечно же, Леночка опять уехала на репетицию...

И ведь сам же виноват во всем! Две недели назад он прочел в городе объявление, что скоро на их Центральном стадионе состоится Большой Праздник Южного Лета, что в нем могут принять участие все желающие, начиная с семи лет, — певцы и певицы, гимнасты и гимнастки, танцоры и танцовщицы... Прочел это Жора и тут же подумал: а знает ли об этом Леночка? Надо сказать ей... Вдруг она подойдет и будет танцевать в балете перед всем городом? Жоре стало очень хорошо. С этим настроением он на ходу прыгнул в автолет. И хотя дверь сзади сильно прищемила его штаны, и Жора не мог повернуться, и пассажиры посмеивались над ним, он особенно не огорчился: сейчас расскажет Леночке... Однако во дворе ее не оказалось; а вообще-то она частенько появляется возле цветов, любит ими, наблюдает, как роботы старательно поливают их реденьким дождиком; и недавно она даже попросила Жору сказать отцу, чтоб он привез еще одного механического поливальщика, потому что лето стояло очень жаркое.

Итак, Леночки во дворе не оказалось и был прекрасный предлог ворваться к ней прямо домой. Это он и сделал, и в первый раз без всякого стеснения.

— Лен... Праздник!... Слышала? — сразу выплеснул он из себя, сильно запыхавшись.

Леночка играла на маленьком электронном пианино. Услышав его, она недовольно встряхнула длинными волосами и слегка повернула к нему голову:

— А помедленней ты можешь говорить?

— Могу... — И, мучаясь, Жора стал тянуть, как неживой, но когда наконец добрался до главного — до сути объявления, Леночка нетерпеливо вскочила с вертящегося стула и замахнулась на него нотами:

— Ты что как мертвый? Скорей говори!

Ну, Жора и сказал. Слово в слово запомнил объявление.

— Жорочка, спасибо! — Леночка так подпрыгнула, что ее коротенькое голубое платье на мгновение встало колоколом, крутанулось вокруг нее, а потом опустилось. Жора был счастлив, что доставил ей столько радости.

Кто же думал, что все обернется по-иному?... Жора выскочил из лифта и своей тяжеловатой походкой побежал во двор. И посмотрел на ее окно. Конечно же, оно, как и вчера, было пусто! А прежде, до того как Жора сообщил ей про объявление, и главный балетмейстер Праздника посмотрел, как она танцует, и одобрил, включил ее в отобранную группу и сказал, что, возможно даже, ей будет поручена центральная роль в балетном спектакле, — до всего этого Леночка ровно в девять утра любила расчесывать свои волосы у окна, и Жора всегда глядел из-за платана, как из-под ее синего гребня выбегают длинные светлые струйки и ложатся на плечи...

Окно ее было пусто, и Жора в какой уже раз клял себя, что проспал.

Внезапно он почувствовал страшный приступ голода и поплелся к дому. И здесь он увидел Толю, который вышел из своего подъезда. Вид его поразил Жору. Жора никогда не мог понять, как можно быть грустным, унылым, когда в мире все так ясно, приятно, беззаботно и столько солнца, радости, игр; когда на каждом углу города в киосках можно взять великолепное ананасовое или клубничное мороженое, которое так и тает на кончике языка, и когда город завален вкуснейшими бананами — ешь сколько влезет! — и когда магазины полны большими кокосовыми орехами: пробей дырочку и пей; когда можно решительно ничего не делать: не бегать высунув язык, как Алька, в изобразительную студию Дворца юных, чтоб научиться рисовать и писать масляными красками; не спешить в астрономический кружок того же дворца, как Толя, чтоб рассматривать в телескоп далекие звезды и планеты — как будто это самое интересное; не мотаться по разным раскопкам, как Андрюшка-археолог; не рваться в ледяную тоскливую Антарктиду, где создано несколько оазисов-городов... Зачем вся эта суета, когда можно жить, как живется, легко и весело, и взрослые при этом не очень будут тебя ругать...

— Эй, Толька, а моль относится к бабочкам? — крикнул Жора. — Могу принести отцу!...
Поймал вчера и спрятал в коробочку.

— Оставь ее себе... Ты Колесникова не видел? Его машины нет в гараже?

И не успел Жора ответить, как в гараже — огромном подземном, с плавным выездом вверх гараже, расположенном в конце двора, взревел двигатель. Не Колесников ли?...

Мимо Толи в красном автолете проехал Андрей Михайлович, Алькин отец, ученик прославленного подводного живописца Астрова. У него была короткая черная бородка и черные, умные и зоркие, какие и должны быть у художников, глаза. На заднем сиденье машины лежал плоский металлический этюдник.

Каждое утро уезжал художник к морю — за триста километров отсюда, нырял с аквалангом у белого буйка и писал картину...

Толя бывал на выставках художников, прилетевших с Марса, он восторженно разглядывал ярчайшие, ослепительные картины, посвященные жпзна других планет, он видел и подводную живопись. И давно мечтал посмотреть, как такие картины пишутся.

— Возьмите меня! — крикнул Толя, бросившись за красным автолетом. — Я свой акваланг захвачу!

— Не могу! Глубина большая — не выдержишь. — Андрей Михайлович улыбнулся, прибавил газу и умчался со двора.

— Не огорчайся по каждому пустяку, — сказал Жора, — бери пример с меня: ни на кого не обижаюсь, не мечтаю о несбыточном...

— Ну и не мечтай!

— Слушай, — дружелюбно сказал Жора, — завтра утром Алька поедет с отцом — он сам говорил мне, — попросись...

Толя покачал головой.

— Какой же ты все-таки... — сказал Жора. — Возьми меня — всегда веселый, радостный, а ты... Ох, как я хочу есть! Ой, Алька!

И правда, во двор вошел Алька с двумя большими прозрачными сумками на колесиках, наполненными разными кулками. В носу у Жоры так и защекотало от тонкого аромата земляники, от острых запахов копченой рыбы и ананасов...

— Дай куснуть чего-нибудь! — попросил Жора. — Со вчерашнего вечера ничего во рту не было!

— Жуй. — Алька достал из сумки самый большой ананас.

Жора тут же разделал его перочинным ножичком, нарезал на равные ломти и стал есть. Ел он всегда необыкновенно: не жадно, не фырчал и не чавкал. Он вонзал в сочные круглые ломти зубы и жмурился — так было вкусно и приятно, и лицо его толстое и добродушное, прямо-таки преображалось и даже становилось красивым... Вот как он умел есть!

Толя изумленно смотрел на него. Он тоже любил ананасы, но, кажется, только сейчас, глядя на лицо жующего Жоры, понял, какие они замечательные.

И не один Толя. Алька тоже загляделся на Жору. И улыбался.

— Еще? — спросил Алька.

Жора кивнул и принялся за второй ананас. Потом он запросто съел килограмм абрикосов, несколько больших гроздьев винограда с крупными, как куриное яйцо, прозрачными ягодами.

Вокруг Жоры собрались ребята. Все ему что-то предлагали, и Жора не отказывался. Во рту его исчезло три пирожных, кусок очищенной репы, два огурца, огромный пунцовый помидор, нежный, влажный — прямо масло капает! — пончик... И все с улыбкой смотрели на Жору, а он весело хвастался:

— Я еще не то умею! Все, что ни принесете, съем! Не верите? Давайте устроим конкурс — кто больше съест... Вот увидите, всех переем и переблю!

— Ну и хвастун! — сказал Алька. — Я тебе сейчас принесу такое, что и за день не съешь! — и помчался к подъезду.

Внезапно Жора насторожился.

И все, окружившие его, насторожились. Послышался дробный стук туфель: во двор вошла Леночка. Она не потряхивала, как обычно, волосами и смотрела под ноги.

Жора уставился на нее, продолжая машинально жевать, и оттого, что он уже не ощущал вкуса пищи, лицо его постепенно утрачивало вдохновенность и красоту.

Увидев ребят, Леночка ускорила шаг и скрылась в своем подъезде.

И не успела за ней прикрыться дверь, как послышался свист двигателей, и во двор, один за другим, въехали два автолета: синий Колеснякова, но из него вылез не он, а работник службы улично-воздушного регулирования, и желтый — из него вылезли второй служащий и Колесников, угрюмый, бледный, с опущенными руками.

Первый служащий громко сказал:

— Мы на месяц отнимаем у тебя права водителя высшего класса... Будешь ездить со скоростью не более ста километров в час... Пусть об этом знают все! — Он посмотрел на ребят, потом радировал из своей машины на ракетно-ремонтный завод, где работал мастером отец Колесникова, и через десять минут голубой служебный автовертолет повис над двором, опустил, и из кабины вылез Колесников-отец, низенький и коренастый, как и его сын.

Первый служащий и ему повторил все это, а второй тем временем возился в моторе авиолета Колесникова-сына, — наверно, что-то переставлял в нем, чтоб не мог развить скорость выше той, к которой его присудили.

— Дождался! — сказал Колесников-отец Колесникову-сыну. — Сколько раз я тебе говорил! Ты должен отвечать за свои действия!

— К тому же он ехал не один, а с какой-то девочкой, — добавил второй служащий. — Он развил скорость до трехсот километров и в зоне города пользовался крыльями; мы едва догнали его. Это могло кончиться аварией.

— Тебя нельзя даже близко подпускать к машинам! — сказал отец. — Ты недостоин их. Я скажу обо всем дяде Артему, и он...

— Ну и говори! — закричал вдруг Колесников-сын, и лицо его из бледного стало красным, как ломоть арбуза. — Говори, всем говори! Меня нельзя подпускать к машинам, к технике? Меня? Как ты можешь... Да я же, я... — Колесников-сын задыхался от обиды. — Я знаю ее, я все умею, все могу... Я люблю скорость и не допущу ни одной аварии, у меня три кубка Отваги и Скорости! А вы... все вы... вы...

Толя даже зажмурился, боясь того слова, которое вот-вот сорвется с губ Колесникова-сына.

— Успокойте мальчика, — сказал первый служащий, — одно дело спортивные гонки, а другое — нарушение «Инструкции езды по городу».

— Я — чемпион, и для меня не существует этих правил!

— Ты глубоко ошибаешься, — сказал служащий, — инструкция существует для всех... Через месяц приезжай за старыми правами, а вот — новые, на сто километров в час. (Колесников-сын

отдернул руку и не взял серую книжечку.) Твое дело... — Служащий кивнул отцу и ребятам, сел вслед за вторым служащим в желтый автолет, и они унеслись со двора.

— Иди домой. — Отец хотел поймать руку сына, но тот отскочил от него.

— Не пойду! Не хочу! Они неправы! — Лицо Колесникова-сына слегка полиловело.

— Прав, как всегда, один ты... Так?

Однако сын не удостоил его ответом.

Колесников-отец махнул рукой и пошел к голубому автовертолету. И когда тот поднялся над двором и улетел, Жора увидел, как к Колесникову-сыну подбежал Толя.

Глава 5. ПОИСКИ ЖЕЛАЮЩИХ

— Не огорчайся так, успокойся, — шепнул ему на ухо Толя. — У меня есть идея, и очень важная... Мы... Мы с тобой отважные и решительно ничего не боимся! Мы... Мы должны сами улететь, чтоб все увидеть своими глазами и на деле доказать, какие мы... Улетим? Улетим, а?

— Куда? — не поняв его, тоже шепотом спросил Колесников и, подчиняясь Толиной руке, полуобнявшей его, пошел в угол двора, к гаражу.

— К другим планетам и мирам! — задыхаясь от волнения, прошептал Толя.

— То есть... улететь с Земли?

— Ну конечно!

— А на чем? — трезво прервал его Колесников. — И кто же нас просто так пустит?

— А мы и спрашивать не будем! Ты ведь уже улетал за Солнечную систему, у тебя есть большой опыт... — Толя оглянулся, наклонился к нему и горячо зашептал: — Я уже давно все продумал и только... только боялся. Не мог же я один!... Ты ведь сам говорил, что даже грудной младенец сумеет...

— На «Звездолете-100»! — вскричал Колесников. — Ты гений! Идет! Он стоит на космодроме и готовится к новому рейсу. Я возьму у дяди Артема ключ от него, изготовлю для нас другой, и, когда корабль целиком заправят всем, что нужно для полета, мы в него и влезем... — Его глаза прямо-таки полыхали от радости. — И тогда все узнают, на что мы способны!

— Узнают! — подхватил Толя. — Мы им докажем! Мы залетим дальше всех и увидим удивительные, невиданные планеты... Правда? — И, не давая Колесникову ответить, сказал: — Но ведь нас только двое, а экипаж, как ты говорил, должен состоять из...

— ...пяти человек, — подтвердил Колесников. — И не меньше. Надо, чтоб это были ребята — высший класс! Храбрые, знающие, спокойные...

— Первого берем Альку, — сказал Толя. — Он ничего не боится, очень добрый и хороший товарищ.

— А ты в этом уверен? — заметил Колесников. — Он очень нервный и даже не сумеет разобрать и собрать самого простого робота...

— Ну и что? — возразил Толя. — Зато он великолепный художник!

— А кому от этого польза?

— Да ты в своем уме?! — Толя с недоумением уставился на Колесникова.

— Это нужно всем... И он замечательный, он преданный! И его дедушка работает на космодроме...

— Вот это важно! — сказал Колесников. — Впрочем, нет, обойдемся без его дедушки и без Альки... А что, если Ленку? — внезапно спросил Колесников, с трудом сдерживая улыбку.

Леночка, кажется, была единственным человеком, к которому он неплохо относился, хотя она тоже была выше его ростом. Где там неплохо! Похоже было, что, крутясь вокруг нее и катая ее на своей технике, уводя, отвлекая ее от других ребят, он хотел подрасти, возвыситься хотя бы в собственных глазах и доказать всем, что и при маленьком росте можно быть ловким, удачливым и понравиться красивой девочке.

— Девчонку? Нет, я против... — заявил Толя, отводя глаза. — К тому же она теперь...

— Что она теперь? — быстро спросил Колесников.

— Ни на кого не смотрит.

Губы Колесникова вдруг разошлись в широкой улыбке.

— Уж если Алька не подходит, — начал Толя и запнулся от этой неожиданной улыбки, — так она... Она...

— Хорошо, я согласен на Альку, — сдался наконец Колесников. — Но чтоб и ее включить в экипаж...

— Включим, — сказал Толя. — А кто пятый? И захотят ли они полететь?

— Пятого найдем... Поговори пока что с этими... Ты человек вежливый, обходительный, тихий, а я только напорчу...

«Уж это точно», — подумал Толя и стал размышлять, как завести с ребятами разговор, с чего начать. Он даже ночью проснулся и все думал о том же. Вот если б Сережка был сейчас не на своем Марсе, а Петя Кольцов, весельчак и насмешник с вечно растрепанными волосами, не в Хрустальном, а добрый и мягкий Андрюша Уваров не на своих дальних раскопках, — все было бы легко...

Не нужно было б их уговаривать: сразу б согласились лететь с ним! А вот в Альке Толя не был уверен до конца...

Утром он пораньше встал и вышел во двор. Он хотел перехватить Альку с отцом. Однако, выйдя из подъезда Толя смутился, увидев у платана Жору. Жора время от времени позевывал и поглядывал вверх. Волосы его были тщательно расчесаны набок, рубаха аккуратно заправлена. Вдруг Жора перестал зевать, и с лица его исчезли даже остатки сна...

Конечно же, в окне появилась Леночка. Ну как Жора не понимает: она всегда посмеивается над ним, над его аппетитом и бездельем, а он...

Толе вдруг стало неловко: еще подумают и про него...

И Толя, незамеченный, отошел к воротам. Минут через десять у гаража взревел двигатель автолета, и Толя, увидев в нем Альку с отцом, загородил ему путь и раскинул руки:

— Возьмите и меня!

— Я же говорил тебе, Толя, что там очень большая глубина, — сказал Андрей Михайлович. — И Алик будет на берегу, нельзя вам...

— И я с ним! — крикнул Толя и прыгнул в откинувшуюся дверцу.

Минут через двадцать автолет остановился у берега, возле пустынных, диких скал. Андрей Михайлович перелез с этюдником в маленький, видимо постоянно стоящий здесь катерок и двинулся на нем в море.

— Сегодня он хочет закончить картину, — сказала Алька, — положить последние мазки, а это самое трудное... Отцу кажется, что эта картина лучшая из всего, что он написал, и я всю ночь не мог спать и хочу первый увидеть ее!

— Ну хорошо, тогда я отвернусь и посмотрю ее после тебя...

— Какой ты, Толька! — захохотал вдруг Алька и потряс Толю за плечи. — Ну что с тобой делать?! Нельзя же быть таким... Вместе увидим!

Катер уходил все дальше, уходил в открытое море, туда, где на морском дне с незапамятных времен лежал непонятно каким образом сохранившийся эсминец — так когда-то назывались довольно большие суда, обшитые толстой броней, вооруженные пушками и торпедными аппаратами, которые предназначались для уничтожения людей, кораблей, самолетов и обстрела береговых укреплений. Этот эсминец, судя по некоторым уцелевшим в архивах документам, отважно защищал берега от кораблей и самолетов фашистской Германии и был потоплен. Алькин отец случайно обнаружил его во время поисков интересных подводных пейзажей. Эсминец готовились поднять, чтоб превратить в музей, и художник хотел написать его на морском дне.

Толя оторвал глаза от бескрайнего моря и сказал:

— Когда-то люди убивали друг друга... Не верится, что все это было.

— Было, но очень давно... — ответил Алька, глядя на уменьшающийся катерок с отцом. — Сейчас он нырнет к эсминцу и будет писать, пока хватит в баллонах кислорода.

— Слушай, Алька, — внезапно сказал Толя, — можно с тобой поговорить как с другом?

— А почему ж нет? Конечно.

— Я знаю, тебе на Земле хорошо, и мне на ней хорошо... Но ведь нельзя ни на минуту забывать, что мы не одни во Вселенной, что есть там планеты, на которые еще не ступала нога землянина, на которых все не так, как у нас...

— А я и не забываю, — едва успел вставить Алька. — Нет двух одинаковых планет, но ведь на Земле и даже в нашем Сапфирном работает немало консультантов оттуда по обмену межпланетным опытом, и они рассказывают нам...

— Мне мало этого! — Глаза Толи сверкнули. — Я сам хочу увидеть тех, кого никто не видел, побывать там, где никто не был, почувствовать то, чего никто не чувствовал!

— Ого! — сказал Алька и прошелся вокруг автолета, раскидывая туфлями легкий, сыпучий, еще прохладный песок, потом взял свой маленький этюдник.

Однако он так и не открыл его, потому что Толя продолжал этот не совсем понятный ему разговор.

— А тебе, значит, не хочется всего этого, да?

— Почему не хочется? Очень хочется! Но ведь мы с тобой еще не готовы ко всему такому... И потом, Луна, например, мне уже порядком надоела!

— Зачем Луна! А сколько есть планет! — задыхаясь, быстро заговорил Толя. — Представь себе, Планета Говорящих Деревьев: они все понимают, любят звезды и засыпают, а по утрам просыпаются и переговариваются с соседями и шепчутся с травой... Или вообрази: есть во Вселенной Планета Красных Птиц; это очень умные, мыслящие птицы, и они создали свою высокоразвитую птичью цивилизацию...

Алька весело засмеялся.

— Ты что, не веришь? — спросил Толя. — Скажешь, не может такой быть?

— Почему не верю? Наверно, есть планеты и необычной...

— Да конечно же, есть! — обрадовался Толя. — Помнишь, какие рисовал мультфильмы — мой сценарий, твои рисунки — и мы показывали их во дворе? Особенно здорово у тебя получился фильм о Планете Добрых Змей и Планете Мужественных Кроликов... На тех планетах можно увидеть такие краски и перенести их на картины, что люди замрут от восхищения... Мы с тобой должны побывать там!

Алька посмотрел на Толю тихо и удивленно, потом осторожно заметил:

— А кто ж нас пустит туда? Ведь мы еще дети. Или нам специально предоставят космический корабль для такого путешествия?

«Предоставят! — хотел крикнуть Толя. — Держи карман шире! Мы сами его предоставим себе. Не надо только бояться, нельзя быть таким робким... Сережа с Петей сразу бы согласились! Сразу!» Но Толя не крикнул этого и не раскрыл перед Алькой своего секрета.

— Я вижу, ты не хочешь, — грустно сказал Толя — хотя ты и художник и должен дерзать...

— Хочу, но ведь нельзя же без взрослых!

— Я и не знал, что ты такой робкий, нелюбопытный и терпеливый! Боишься всего, не решаешься... Вот мы сидим здесь, а твой папа там, в глубине, у эсминца... Там сумрак, пузырьки воздуха, рыбки и — безмолвный, некогда грозный корабль... Увидеть бы это! Я уверен, что и мы с тобой могли бы нырнуть туда, и ничего бы с нами не случилось... А ты, ты даже попросить его не решаешься...

Толя вдруг почувствовал, как к горлу подступает комок: хотел убедить Альку, но только разжалобил себя. И Толя поспешно отвернулся от него и пошел к автостраде. Поднял руку, и

первый же красно-белый автолет остановился перед ним.

Толя сел в него, и машина помчалась к городу.

Ничего у него не получается со сбором экипажа! Не так, видно, надо предлагать и уговаривать...

Теперь оставалась Леночка. С какой стороны подступиться к ней?

Автолет подвез Толю к дому. Он вылез, взял себя в руки и пошел к ней.

Поднялся на лифте на ее этаж, с бьющимся сердцем нажал у двери золотистую кнопку — у каждого члена семьи была своя кнопка, — и на маленьком щитке зажегся золотой огонек. Это означало: входи, Леночка дома и ждет тебя...

Толя давно не был у нее. С тех самых пор, когда они год назад всем двором ездили к старому черному Вулкану собирать камешки. Ребята босиком бродили у берега, и среди них, нагнувшись, по щиколотку в воде, — Леночка. Ветер раскидывал ее волосы, закрывал лицо, и она отводила их руками, чтоб видеть усеянный галькой берег и синее море. Толя нашел редкостный прозрачный агат с волнистым дымчатым рисунком — даже с других планет редко привозят грузовые звездолеты такие камешки! — и подбежал к девочке: «Лен, посмотри!»

— «Какой прекрасный! — вскрикнула она. — Где ты его нашел? Как же тебе везет!» — «Возьми, возьми, если нравится...» Леночка благодарно посмотрела на него, взяла агат мокрыми от морских брызг пальцами, покатила по ладошке, любуясь им, и пошла дальше, тоненькая, легкая, с рвущимися на ветру волосами.

Огонек на щитке все приглашал его войти, а Толя стоял, стоял и, наконец, глотнув воздуха, шагнул через порог.

— А, Толя! Как я рада, что ты пришел! — Леночка забегала, запрыгала по комнате. — У меня счастье, большущее счастье! Элька, моя подружка по балетной группе, сказала мне по секрету, что наш балетмейстер, кажется, остановился на мне, и я буду танцевать главную роль в спектакле!

— П-поздравляю... — Толя проглотил слюну. — Я х-хотел спросить у тебя...

— Пожалуйста! Спрашивай! Хоть тысячу вопросов! Как все прекрасно сложилось! Мне так нравится там! И огромная сцена, и яркие декорации, и музыка... И там так хорошо, так легко танцуется!

Толя моргнул ресницами и уставился в ее левое ухо.

— Хочешь, покажу тебе на моих балеринах весь спектакль?

Леночка кинулась к желтой коробке, стоявшей на полке: в ней был набор маленьких танцовщиц с электронно-кибернетическим устройством, и они выполняли множество сложных программ. Толя знал, что у Леночки было много разных наборов и она могла часами наблюдать работу крошечных, почти живых фигурок.

— Лен, не надо... — пробормотал Толя. — А ты...

— Что я? — Леночка спрятала коробку. — Ну что ты хочешь спросить? Спрашивай! Смелей!

Как все удачно получилось! Ну, хочешь, я сама сейчас станцюю тебе самое начало?

— Не надо... Спасибо... Прости... Мне пора... Мне давно пора...

Толя выбежал из комнаты.

Колесникова он разыскал во дворе: тот возился в двигателе своей машины, стоявшей у гаража, и лоб его был деловито хмур.

— Как дела? — спросил он.

— Никак.

— Плохо, значит, говорил с ними. А я уж думал, ты... Мямлил, видно.

— Да нет, не мямлил.

— Слушай, Звездин, — сказал Колесников, — и это ты хочешь далеко улететь? Туда летают люди с железными нервами. Придется мне за это дело взяться.

— А что ты им скажешь? — спросил Толя.

— Сам не знаю еще... Сегодня, говоришь, его отец заканчивает картину?

— Да.

— Я пошел, всего! — Колесников отвернулся от Толи и, словно у них и не было тайного сговора о космическом полете и они даже не были приятелями, ушел в гараж.

Глава 6. ТРЕТИЙ ЧЛЕН ЭКИПАЖА

Между тем красного автолета с нетерпением ждала вся Алькина семья. Из окон его квартиры чуть не каждую минуту высовывались головы его братьев и сестер: вот-вот должен был приехать их отец вместе с Алькой.

Через несколько минут дети художника шумной гурьбой высыпали из подъезда в ярких платьях и костюмчиках, с блестящими пуговками и лентами в волосах и стали бегать и прыгать во дворе, время от времени посматривая на ворота. Однако не только они поджидали художника. Видно, многие в доме узнали о скором приезде Андрея Михайловича и хотели увидеть его последнюю работу; и дети, и бабушки, и дедушки — все, кто был не на работе, кучками толпились во дворе, горячо обсуждая какие-то свои проблемы.

Между группками ребят и взрослых одиноко расхаживал Колесников.

Неожиданно смех и крики замерли: во двор стремительно влетел красный автолет.

Когда Толя выскочил из подъезда, автолет обступили со всех сторон жильцы дома, и Андрей Михайлович с Алькой вылезли из него. Художник, увидев столько народу, покачал головой и сказал Альке:

— Столпотворение! Надо б и другие картины показать, а не только последнюю.

— Покажите, покажите! — раздались голоса.

— Хоть на минутку!

— На сколько угодно! — Художник с радостным удивлением оглядел жильцов.

— Аля, мчись домой, тащи... ну конечно, не самые худшие...

Алька побежал домой и через несколько минут принес большую стопку картин — тонких листов прочного легкого металла, на которых художник, как и его знаменитый учитель Астров, писал вечными, несмываемыми и не выгорающими на солнце красками. Андрей Михайлович еще раз оглядел жильцов, улыбнулся. И мягкие черные глаза его, и острая неуступчивая бородка, и даже крупный загорелый лоб в тонких морщинках — все улыбалось в нем.

mir-knigi.org

Андрей Михайлович сказал:

— Пожалуйста, только, умоляю вас: с последней картиной будьте осторожней — не просохла... Алик, расставь листы на скамейках и у деревьев... Спасибо, конечно, за такую встречу, но ничего особенного, уверяю вас... — И, смущенный таким неожиданным интересом соседей к своей работе, художник быстро скрылся в подезде.

«Какой молодец,... — подумал Толя, — такой и Альку пустил бы, если бы тот хорошенько попросил, не только в глубину моря, но и в любую точку Вселенной... Однако надо помочь

Альке...» Толя взял из его рук несколько листов, скрепленных специальными узкими полосками, и пошел через толпу к скамейкам; Алька же нырнул в машину и — с сияющим лицом, осторожно держа ладонями за края, — понес к деревьям большой лист, сверкающий еще не высохшими, густо наложенными красками. Толя расставил картины на скамейках, и Алька прислонил лист к стволу платана.

Люди отхлынули от картин, чтоб получше рассмотреть их на некотором расстоянии, и почти тотчас послышались возгласы удивления. И чем дольше смотрели люди на картины, тем громче ахали, тем глубже и сосредоточенней молчали. А кое-какие старушки, которым давно перевалило за сто, вытирали глаза краешками платков. Был тут и Жора, он тоже смотрел на картины, и на толстых, добродушных губах его блуждала улыбка, и относилась она, видно, к публике, с таким вниманием разглядывавшей картины... Неужели ему не нравятся?

Отойдя от Жоры, Толя встал около Альки и стал смотреть на картины.

Он смотрел и не мог оторваться от них, словно они втягивали его, как омут, вбирали в себя, и ничего нельзя было поделаться, чтоб не поддаться им, не погрузиться в них, не смотреть на них...

Особенно поражала последняя, большая сегодня законченная. Сквозь мерцающую зелень воды проступал завалившийся набок огромный эсминец, в слизи и водорослях, свисавших с орудий, которые торчали из проклепанных башен, — из этих орудий когда-то выпускали особые штуки из стали, называемые снарядами, начиненные взрывчатым веществом. Сейчас по этой броне в колеблющемся сумраке ползали, подгибая лучи, морские звезды, крабы, и грустно смотрела подводная мгла, а из узких щелей в надстройках вверх уходили длинные полосы света... Нет, это были не полосы — взглядишь получше! — это были искаженные болью и страданием человеческие лица, лица погибших моряков, и столько в них было благородства и мужества, тоски по непрожитой жизни, жалости к матерям и братьям... Лица погибших моряков чудились и в низких, приплюснутых надстройках, и в дулах орудий, и в странно изогнутых морских звездах и водорослях, и даже в самой мгле тяжелой воды, пронзенной тусклыми бликами; и она, эта вода, вся так и колыхалась, так и светилась, так и кричала этими лицами, этой тяжелой зеленью глубин, этой массивной древней броней, этим острым носом корабля, из отверстия которого торчал трехлапый, похожий на спрута якорь, этой вечной беззвучной тишиной...

Толя с трудом оторвал глаза от этой картины и перевел их на другую, стоящую рядом, — на ней прекрасными серебряными молниями плыли дельфины, на третью — на ней сверкали в чудесном искрометном танце легкие, изящные ставридки, на четвертую...

И опять Толя вернулся глазами к картине с потопленным эсминцем. Возле нее собрались почти все жильцы, и каждый хотел подойти поближе, чтоб получше рассмотреть. Подошел и Жора. Работая локтями, он стал неуклюже, но довольно настойчиво протискиваться к ней: видно, и его в конце концов разобрало любопытство.

А Толя все смотрел на картину, смотрел... И вдруг он понял — и его прямо-таки обожгло оттого, что он неожиданно понял: моряки были такие храбрые, сражались до последнего, а он даже рот раскрыть боится, боится прямо сказать обо всем Альке.

Толя вытянул его за руку из толпы, отвел в сторонку и, решив ничего больше не скрывать от него, в упор, немножко даже свирепо посмотрел в ясные, добрые Алькины глаза и негромко сказал:

— Алька, полетим с нами... Я прошу тебя... Ты нам очень, очень нужен...

— Туда? — Алька поднял вверх глаза и улыбнулся своим худеньким треугольным личиком.

— Туда.

— И есть на чем? — Глаза его понятливо и сочувственно светились.

Толя кивнул и чуть не крикнул от радости и благодарности:

— Ты не пожалеешь, Алька! Это будет прекрасный полет! Ну, иди к отцу. О подробностях чуть попозже...

Глава 7. ГДЕ ВЗЯТЬ ЧЕТВЁРТОГО И ПЯТОГО?

Толя быстро подошел к Колесникову и сказал:

— Есть третий член экипажа.

Колесников поморщился и еще раз заметил, что Алька очень незавидный космонавт, однако выбирать не приходится, велел действовать в том же духе и отошел от Толи.

Где же взять четвертого и пятого? Они нужны были как еще раньше объяснил ему Колесников, для того, чтоб соблюсти положенный вес звездолета и чтоб можно было управлять им в полете, меняясь: один сидит в рубке управления у штурвала и клавишей, четверо отдыхают и развлекаются, потом принимает вахту второй, потом — третий, ну и так дальше...

Толя пошел домой. Когда он обедал, раздался телефонный звонок: Колесников опять напомнил ему, что он должен со всей присущей ему мягкостью и осторожностью во второй раз поговорить с Леночкой: может, она все-таки вступит в их экипаж...

— Но она никуда не рвется! — выдохнул в телефонную трубку Толя. — Она так счастлива, что ее выбрали из множества девочек! Не нужны ей другие планеты!...

— Ты в этом уверен? — чуть насмешливо спросила трубка голосом Колесникова.

— Уверен, — сказал Толя не очень уверенно. — Не могу же я...

— Слушай, — неожиданно прервал его Колесников, — а ты говорил ей, что есть такие планеты, где девочки ходят в волшебных платьях, сотканных из тончайших нитей — золотых, серебряных или платиновых, и стоит шепнуть приказ, и такое платье, благодаря особому, микроскопическому, спрятанному в ткань кибернетическому устройству, меняет цвет и фасон и даже само может автоматически надеваться и сниматься; и что на тех планетах столько таких платьев — входи в магазин и любое снимай с вешалки!

— Не говорил, — признался Толя. — А что, есть планеты с такими платьями?

— Должны быть! — слегка рассердился Колесников. — Если не говорил, так скажи... Для того и летим, чтоб найти такую планету.

Говоря по совести, Толя хотел отправиться в полет совсем не для того, чтоб разыскать планету, где можно получить такое волшебное-кибернетическое платье из серебряной, золотой или даже платиновой нитки. Да и вряд ли Леночка согласится полететь только из-за таких платьев... Она не тряпичница!

— А говорил про планету, где есть волшебные туфельки, осыпанные изумрудами и с алмазными каблукками? Что есть там туфельки с крошечными колесиками и моторчиком в каблуках; стоит сказать им: «Несите меня, туфельки!», они и понесут, и никакого транспорта не нужно.

— А разве могут быть такие планеты, на которых до этого додумались? — прямо-таки изумился Толя, но опять у него мелькнула мысль: вряд ли Леночка захочет полететь из-за этих туфелек, пусть и волшебных; Колесников плохо понимает Леночку, если так думает о ней...

— А почему ж нет? Есть такие планеты! — ответил Колесников. — Техника стала куда сильнее и надежней человека: не болеет, не ошибается и не требует еды...

— Да, но создал ее человек? Что без него техника?

— Ерунда! — возразил Колесников. — Она стала куда сложнее, гибче, тоньше человека, она решает в минуту задачи, для решения которых человеку нужны месяцы... И вообще, что ты завел об этом? Я вижу, ты похож на Альку, каши с тобой не сварить. Ни капли фантазии! А говорят еще — мечтатель... Не смог поговорить как надо с Ленкой! Психологии не понимаешь, а еще Звездин! Сын вице-президента! Видно, придется мне и за это взяться...

— Я... Я еще раз попробую... — пообещал Толя, услышал в трубке частые гудки и вздохнул.

Что ж теперь делать? Дождаться, когда Леночка придет с репетиции, и фантазировать про разные такие планеты, где изобрели невиданные туфли и платья? Нет уж. Ни слова не скажет он ей об этом... Надо сказать о чем-то большом, важном, необычном...

Толя вышел из квартиры и, не зная, что делать, стал расхаживать по двору.

Вот-вот должна была явиться Леночка. Но что сказать ей, чтоб согласилась совсем добровольно, чтоб ее по-настоящему потянуло посмотреть иные миры?...

Думая об этом, Толя пошел к воротам и здесь чуть не столкнулся с Леночкой.

И едва узнал ее. Она уже не летела, как обычно, в легких туфельках со сверкающими синими камешками на пряжках, а просто шла. Камешки на ее туфельках были, но почему-то совсем не сверкали. И лицо слегка припухло от слез, и волосы потряхивались не в такт ее шагам, и плечи опустились.

Толя оробело смотрел на нее и не посмел даже открыть рот, чтоб спросить, в чем дело.

«Ну и день сегодня!» — думал он, шагая к Колесникову.

— У нее что-то случилось, — сказал ему Толя, — ни на кого не смотрит, никому не улыбнется...

— Вот и надо развеселить ее. Предложил бы полететь с нами, — ответил Колесников. — Скорость будет такая — дух захватит! Не до грусти будет...

— Мне было жаль ее, неловко и предлагать.

— Жалостью делу не поможешь! — сказал Колесников. — Нам пора улетать, и она должна быть с нами. Хорошо, я сам с ней поговорю...

— Не надо, Колесников! — вдруг загорячился Толя. — Я еще раз попробую...

— Ладно, только не тани. Завтра в десять утра я зайду к ней.

Толя проснулся ни свет ни заря, вышел во двор, уселся на скамейку и стал потихоньку посматривать на окно Леночки. Прошел час, однако она не появилась в нем, не напевала, не расчесывала волосы.

Минут через тридцать должен был появиться у нес Колесников, и тогда Толя набрался храбрости и громко позвал Леночку. Она выглянула из окна, непричесанная, грустная.

— Спустишь на минутку! — попросил Толя. — Или я к тебе забегу.

— Ладно.

Забыв, что в доме есть лифт, Толя помчался вверх по лестнице, нажал на золотую кнопку возле ее двери и вошел.

Леночка сидела у маленького столика и смотрела в угол. Толя уставился на нее и не знал, с чего начать. Чтоб успокоить себя, он присел на упругий диванчик и, моргая, стал усиленно искать нужные слова.

— Лен, — сказал он, — Лен... Пошли на улицу, к морю... И ребят позовем... Искупаемся...

— Не хочу я к морю!... Ничего я не хочу... И в этом спектакле не буду участвовать! — Из ее больших синих глаз неожиданно брызнули слезы.

У Толи перехватило дыхание.

— Почему?

— Другую выбрали на главную роль, другую, а не меня... А мне так хотелось выступить. Моя мама говорит, что ничего страшного не случилось, что не нужно спешить и рваться на главную роль, что...

Леночка опять заплакала.

— Ну не надо, Лен... Правильно говорит мама... Сегодня та девочка в главной роли, завтра — ты... А вообще-то насчет родителей... Хорошие они и желают нам только добра, но я иногда обижаюсь на них... Не пускают, куда хочу, считают, что я ничего не умею мало что понимаю и должен покорно ждать, пока вырасту. А я не хочу ждать! Я хочу сейчас все видеть, все знать! Я, например, скоро улетаю в далекое космическое путешествие: увижу планеты, где все так непривычно, неожиданно, ослепительно! Где живут совсем иные разумные существа, совсем иные животные и растения и у мыслящих существ совсем иные мечты...

В глазах Леночки зажглись удивление и зависть:

— А меня бы ты не взял с собой?

Толя задумался и угрюмо сказал:

— Но этот полет рискованный...

Леночка мгновенно вскочила с кресла:

— Меня ничто не пугает!

— И там может не оказаться таких планет, на которые ты хотела бы попасть...

— Окажутся! Я слышала, что...

В это время дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился Колесников.

— Ну как тут у вас дела? — спросил он, поглядывая на Толю.

— Леночка, кажется, хочет лететь...

Глава 8. СРОЧНО НУЖЕН БАЛЛАСТ

Когда Леночка захотела присоединиться к ним и осталось только одно свободное место, Колесников сказал, что «Звездолет-100» может взлететь и без пятого члена экипажа. Он сказал это, когда все по его просьбе собрались на следующий день на скамейке бульвара Открытый, неподалеку от их дома.

— А корабль не будет слишком легким? — спросил Толя. — Не случится авария?

— Вместо пятого члена экипажа, — пояснил Колесников, — возьмем балласт: каждый захватит с собой по десяти килограммов каких-нибудь вещей, только не очень объемных...

— Книги! — выпалил Толя, но тут же спохватился: — А может, лучше взять добавочное топливо?

— Тише! — попросил его Колесников. — Спокойней! Все, что касается технического оснащения и питания звездолета, я беру на себя; я уже изготовил второй ключ от корабля и точно высчитал, когда его заправят топливом, пищей и всем необходимым и он будет готов к полету, и вот здесь-то мы с вами... Ну, в общем, понимаете... Это будет завтра вечером... Итак, берите с собой груз.

— Я захвачу побольше красок и листов для живописи; вот попишу там, вот порисую! — обрадовался Алька, и Колесников не возражил ему.

— И я постараюсь ничего не забыть, — улыбнулась Леночка. — Ой, смотрите, Обжора!

И правда, возле низкой ограды бульвара медленно прошел Жора; одно ухо его, как радиолокатор, было чутко направлено на ребят, и оба глаза настороженно косились на их скамейку. Когда он проходил возле них, все умолкли: не хватало того, чтоб он пронюхал об их завтрашнем рейсе! По лицу Жоры, несчастному и унылому, было видно, что ему страшно хочется подсесть к ребятам и узнать, о чем они секретничают. Но у них были такие замкнутые, отчужденные лица, что сразу было видно: они не испытывают ни малейшего желания подпустить его к себе даже на пять шагов...

Наконец Жора не вытерпел и спросил:

— Ребята, можно мне к вам?

— Ни в коем случае! — сказал Колесников. — Чтоб и духу твоего не было здесь! Даю тебе минуту и пятнадцать секунд.

Жора жалобно посмотрел на Леночку. Однако Леночка даже не подняла на него глаз, и тогда Жора-Обжора отпрянул от них, чтоб уложиться в отпущенное Колесниковым время.

Впрочем, ребята и сами оставались на этой скамейке не больше десяти минут; Колесников сжато и точно дал каждому задание — что захватить, что написать в оставленной на столе записке, в какое время выйти из дому незаметно и порознь, где встретиться, какой дорогой добираться до космодрома, ну, и тому подобное. На себя он взял самое трудное: принести из магазина детские космические скафандры и особые комбинезоны для высадки на планеты и другое необходимое в полете оборудование.

— Мальчики, — сказала Леночка, перед тем как Колесников разрешил им разойтись, — а если я не донесу своего чемодана?

— Я тебе помогу! — отозвался Толя, на полсекунды опередив Альку, который произнес точно те же слова.

— Никакой помощи, — проговорил Колесников. — Идти по одному. Иначе нас могут обнаружить.

— Что ж мне делать? — со вздохом спросила Леночка.

— Выбрось что-нибудь из чемодана, — был ответ: при всех Колесников и с ней разговаривал сурово. — Все. Расходимся тоже по одному... Строго держать язык за зубами! Встретимся завтра в двадцать один ноль-ноль возле музея художника Астрова...

Алька вышел в сумерках и старался держать себя так, как сказал Колесников: не вращал по сторонам головой, ни с кем из встречных во дворе не заговаривал и на вопросы, куда это он отправляется, беззаботно отвечал: «Да тут в одно местечко поблизости, скоро вернусь...»

Для каждого из членов экипажа Колесников придумал ответ.

И хотя Алька не вращал головой, но все-таки успел заметить, как с промежутком в две-три секунды из соседнего подъезда выскочил Толя с чемоданом, а из следующего — Леночка, и несла она в руках такой чемоданище, что Альке стало страшно: не дотащит его и полет не состоится!...

Однако вел себя Алька в точности так, как сказал Колесников, и так же вел себя Толя: никто из них не кинулся на помощь девочке. Ребята, как незнакомые друг другу, быстро удалялись в сторону ворот. Первым неся Толя, за ним — Алька. И когда Алька, немножко нарушая правила побега, на какую-то долю секунды кинул прощальный взгляд на родной двор с платанами и желтой будкой с двумя роботами, он увидел прячущегося за деревом Жору.

— Куда ты с таким чемоданищем, Лен? — спросил он, подбежав к девочке, и Алька подумал: вряд ли они теперь оторвутся от Земли и взлетят.

— А тебе что? Иду куда хочу! — ответила Леночка, и ответила совсем не по правилам, потому что по правилам, разработанным Колесниковым, она должна была сказать встречному: «Я к бабушке на два дня».

— Леночка! — увязался за ней Жора-Обжора. — Разрешите мне помочь... Я запросто донесу твой чемоданище!

— Не разрешаю!

Остаться у ворот было опасно, и Алька быстрым шагом пошел дальше и тут же наткнулся на Толю, который, оказывается, тоже все видел и слышал.

Ребята прошли вперед и услышали сзади топот Леночкиных ног и голос Обжоры.

— Но куда ты? Куда? — выпрашивал он.

— Там тебе никогда не бывать! — уже совсем безрассудно, вопреки всем правилам, расхвасталась Леночка. — Там прекрасно! Ослепительно! Туда таких не берут!

— Каких? — сильно стуча ногами, спрашивал Жора, и голос его звучал довольно жалобно. — Каких туда не берут?

— Туда берут таких, кто...

— Я исправлюсь... Возьми меня!

— И не думай! Нельзя! — непреклонно отвечала Леночка. — Уйди, а не то сейчас Колесников увидит тебя!

Алька с Толей прямо-таки зажмурились от страха: она забыла обо всех предупреждениях и почти выдала их!

— Значит, и он с тобой? И он? И он? — замирающим голосом спросил Обжора.

— Да! — твердо ответила Леночка. — И не дергай за чемодан, я и так едва тащу!

— Давай же его мне! Сколько можно просить! И ребята, обернувшись, увидели, как Жора выхватил из рук Леночки чемодан, водрузил на правое плечо и такими шагами кинулся вперед, что Леночка едва успевала за ним, а Алька с Толей побежали изо всех силенок, чтоб он не догнал их.

Вот наконец и большое стеклянное здание музея Астрова и Колесников с туго набитым мешком возле него.

— Что это? — Колесников каким-то образом разглядел во тьме Леночку с ее носильщиком. — Как вы допустили это!

— А что мы могли сделать? — стал оправдываться Толя. — По правилам...

Колесников опустил мешок, бросился навстречу приближающимся голосам — оттуда донесся шум возни — и вынырнул из темноты: в одной руке он легко нес громадный чемодан, другой — вел Леночку.

— Быстро! — сказал он. — Быстро!

А сзади с криком бежал Жора:

— Леночка, куда ты? Ребята, и я с вами! Огромными шагами, можно сказать бегом, мчались ребята по Марсовой улице, а за ними катился его крик. Прохожие то и, дело останавливались и удивленно глядели на бегущих с чемоданами. Колесников тащил на одном плече мешок и по-прежнему вел за руку Леночку, Толя, обливаясь потом, нес ее и свой чемоданы, а рядом бежал Алька и, как заведенный, просил дать и ему понести Леночкин чемодан.

А за ними гнался Жора-Обжора и упрашивал взять его с собой.

— Что ж нам делать? Как мы сядем незаметно в звездолет? — спросил Алька.

— А кто виноват? — совсем рассердился Колесников. — Есть один способ избавиться от него... Ленка, скажи ему что-нибудь крепкое.

— Что? — моргнула ресницами Леночка.

— Что-нибудь такое, чтоб он не шумел, не гнался за тобой, не выдавал нас, не...

— А что сказать? Я уже многое говорила ему...

— Ну, если ты не знаешь, — ответил Колесников, — остается самое плохое...

— Что, не полетим? — прямо-таки всполошился Толя. — Нет-нет, это невозможно!

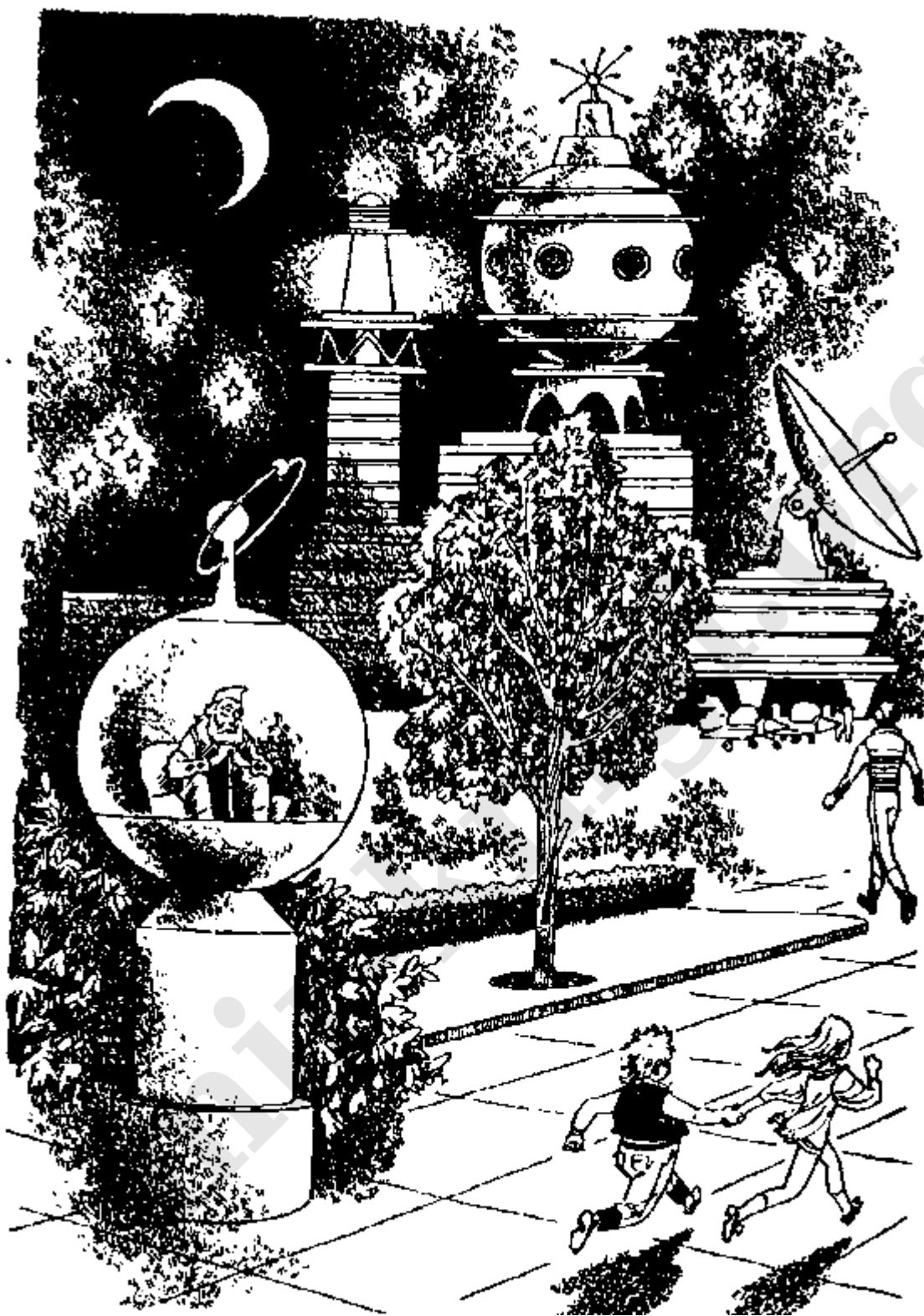
— Считайте, что свой балласт вы взяли напрасно, — сказал Колесников уже у самого космопорта, видя, что Жора не отстает. — Сейчас услышат его и...

Колесников попросил Леночку привести к ним Жору при условии, что он немедленно замолчит.

— Скажи, что мы возьмем его с собой. — Колесников покрутил на длинной цепочке узкий серебристый ключ, сделанный в виде рыбки, — длинной он сделал цепочку для того, чтоб носить ключ на шее, иначе его легко потерять.

Леночка бросилась назад и привела Жору, тихого и довольного, готового слушаться и подчиняться.

Легко и быстро прошли они возле Алькиного дедушки, дежурившего в этот день на космодроме. Он кивнул им. Никто из других служащих не обратил внимания на ребят, и они быстро зашагали по бетонированному полю. Пока они шли, вверх взлетело несколько кораблей, оставляя за собой огненные хвосты — то красные, то голубые, то фиолетовые...

— А куда вы, ребята? — спросил Жора, когда они подошли к темно-синему остроносому кораблю.

— Туда. — Колесников кивнул на небо, шагнул на трапик, вставил куда-то в дверцу люка ключ, открыл, пропустил в корабль Жору-Обжору, и тот, простучав ногами по трапу, исчез внутри звездолета.

И оттуда донесся его голос:

— А зачем вы летите, ребята?

— Некогда сейчас объяснять, в полете узнаешь! — ответил Колесников и посмотрел на трех членов экипажа. — А теперь вытряхивайте из чемоданов лишний балласт, у нас теперь живой балласт есть!

Глава 9. СТАРТ

Алька открыл свой чемодан и, вздохнув, стал выбрасывать прямо на бетон лишние ботинки, рубахи и несколько больших плоских камней с красивыми прожилками. Толя последовал его примеру, но не так быстро и решительно: он принялся выкладывать из своего чемодана кое-какие толстые книги. Колесников приподымал каждый чемодан, прикидывал на вес и кивал: теперь сойдет... Одна Леночка так в не коснулась своего чемодана. Она неподвижно стояла над ним, склонив голову.

— Лена, даю тебе минуту, — сказал Колесников. — Через три минуты старт. Выбрасывай лишнее...

— У меня нет ничего лишнего...

— Алька, помоги ей, — проговорил Колесников. Алька кинулся к ее чемодану и раскрыл его. Чемодан был туго и очень аккуратно набит всевозможными, сверкавшими в лучах яркого электрического света платьями, кофтами, свернутыми лентами, туфлями и... и, конечно же, разноцветными пластмассовыми коробками: в них были ее любимые игрушки-роботы!

— Леночка, нужно что-то вынуть, — сказал Алька. — Нужно. Что выгружать в первую очередь?

— Платья и туфли... — ответила Леночка.

— Но они ведь ничего не весят! — крикнул Алька. — А коробки очень тяжелые.

— Толя, проводи ее наверх! — сказал Колесников. — И поторопитесь! Через две минуты взлет...

Леночка молча ступила к люку и полезла по узкому трапу вверх, а Толя двинулся следом, отставая от нее на две ступеньки и держа на всякий случай перед собой руки, чтоб она, оступившись, не упала.

— Проследи, чтоб все разошлись по отсекам, привязались и соблюдали хладнокровие! — раздалось за Толиной спиной, и тотчас он услышал за собой громкий стук коробок: Колесников торопливо выбрасывал из Леночкиного чемодана все, что считал лишним. Потом сзади что-то щелкнуло — наверно, закрылась дверь, — Колесников крикнул: «В темпе!» — и Толя, поднявшись за Леночкой по трапу, очутился в узком коротком коридоре с плотно закрытыми белыми дверями. И увидел возле одной из них Жору с расширенными от недоумения глазами.

— А-а-а... взрослые тут есть? — с трудом выдавил он из себя, не двигаясь с места.

— А ты кто — младенец? Несмышлениш? Иди в отсек и привяжись! — Толя подтолкнул Жору в ближайший отсек, в другой проводил Леночку и помог привязаться.

Не успели ребята разойтись по крошечным отсекам, как по коридору пробежал Колесников, и через секунду заревели где-то внизу двигатели.

Звездолет вздрогнул, из динамика раздался громкий голос Колесникова: «Взлет!», и вслед за

тем корабль плавно качнулся, оторвался от бетонных плит и почти вертикально ушел в небо.

— Ур-ра! — послышался из динамика ликующий голос Колесникова.

Толя огляделся. В его отсеке была узкая подвесная койка, вмонтированные в стенку экран и столик с пустой, прикрепленной к нему вазочкой, маленькое уютное креслице, привинченное к полу, дверцы в стенке — наверно, шкафчики — и большой продолговатый иллюминатор, в котором был виден стремительно удаляющийся, проваливающийся вниз, сверкающий огнями родной город Сапфирный с его знаменитой Сапфировой бухтой, окаймленной золотыми пляжами, с развалинами древней крепости, с бульварами, садами и проспектами...

Звездолет шел вверх, шел легко, без толчков. Толя расстегнул ремень и выглянул в коридор. Он был пуст. Только сейчас Толя заметил, что внутри корабль красив, как и снаружи: строг, ровно освещен мягким светом; глаза ласкала матовая белизна стен и потолка. Держась за стенки, Толя прошел вперед и очутился в маленьком салоне. Салон буквально ослепил его в первое мгновение красотой узорчатого пластика стен, большим светящимся экраном, разноцветной обивкой пяти кресел и необычной картиной в тонкой темно-зеленой рамке: среди таинственного леса водорослей толчками плывет ярко-серебристая медуза. Уж не Алькин ли отец написал ее? В одной из стен была прозрачная дверь, за ней находилась рубка управления: перед огромным носовым иллюминатором на вращающемся пилотском кресле, сильно подвинченном вверх, сидел Колесников с белым штурвалом в руках — весь нацеленный, собранный, внимательный, и перед ним на светлом щитке виднелись десятки кнопок, клавишей, переключателей, приборов с двигающимися стрелками, с горящими глазками лампочек; сбоку светился еще один экран и висела звездная карта, а на полочке рядом лежали какие-то книги — возможно, справочники и космические лоции, которые могли понадобиться в полете. Толя отодвинул дверь в рубку.

— Как самочувствие? — спросил Колесников, не оборачиваясь. — Как Ленка? Узнай.

Толя постучал в дверь No 1.

Ему никто не ответил, он потянул дверь в сторону и очутился в отсеке.

Леночка сидела в желтом креслице, грустно смотрела в лежащий перед ней на полу раскрытый и на две трети опустошенный чемодан.

— Ну что ты, Лен! — сказал Толя. — Зачем тебе в полете игрушки? Нам будет не до них... Вот когда вернемся...

— Одного Рыжего лисенка оставил!... Он всегда дает мне хорошие советы, но ведь... ведь...

— Лена... Иначе нельзя было, мы б не взлетели из-за такого груза... Кто ж думал, что придется взять и Жору?

У нее от возмущения даже высохли слезы.

— Если бы он не побежал за нами, ничего б не надо было выбрасывать...

В это время изо всех динамиков звездолета, в каждом отсеке, раздался такой спокойный, твердый и уверенный голос, что Толя с Леночкой невольно притихли.

— Говорит космопорт Сапфирного! — звучал голос. — «Звездолет-100», измените свой курс и вернитесь назад. Вы слышите нас? Вы можете сбиться с пути, заблудиться во Вселенной,

столкнуться с другими кораблями...

— Не столкнемся, не заблудимся на таком корабле! — бросил в микрофон Колесников.

— Полет без разрешения запрещается! — продолжал голос. Слышимость была прекрасная: двигатели работали почти бесшумно.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке! — ответил Колесников, и его голос тоже вылетел из всех динамиков.

— Вы не прошли медосмотра и спецподготовки, необходимых при дальних полетах! — по-прежнему настаивал голос. — А главное, вы не достигли возраста, когда допускается самостоятельный полет...

— А мы докажем, что имеем право на полет! — прямо-таки захлебнулся от переполнивших его радостных чувств Колесников, и Толя представил на миг его счастливое, самоуверенное лицо. — Корабль-то отличный!

Глава 10. ПРОЩАЙ, ЗЕМЛЯ!

Неожиданно в динамиках что-то щелкнуло, и голос с Земли оборвался. Но минуты через три в дверь отсека постучали, Леночка крикнула: «Войдите!» — и в дверь просунулась Алькина голова.

— Ребята, — сказал он прыгающими губами, — идемте в салон, там Артем Колесников...

— Откуда он здесь? — испугался Толя. Они вошли в салон и увидели на большом светящемся экране лицо всемирно известного пилота. Он смотрел на них совсем не сурово, не гневно, он даже вроде бы улыбался.

— Эй, племянник! — сказал он. — Как там у тебя дела?

— Нормально! — отозвался из рубки Колесников: он тоже видел на своем небольшом телеэкране дядю Артема.

— Внимательно следишь за приборами? — Лицо пилота пристально смотрело на ребят.

— Слежу! Не беспокойтесь. Здесь полная автоматика!

— Полная, да не совсем... Вижу, ты плохо слушал меня и не все понял... Итак, вы решили тайком, под покровом ночи, улететь на «Звездолете-100»...

— Решили! — подтвердил Колесников. — Я рожден для скорости не на сто километров в час, а на тысячу, на две, на три и четыре, на сто тысяч!

— Если б я знал, что ты безнадежный хвостун и способен на такое, — сказал дядя Артем, — не позвал бы тебя тогда на этот звездолет и ничего бы не показал на нем, и вообще...

— Не уговаривайте — не вернемся! — ответил Колесников.

Лицо пилота исчезло, и на экране появилось служебное помещение космонавта.

— Ребята, вы улетаете без Планетного справочника — сказал начальник, — его нет на корабле; в этом справочнике даны краткие сведения обо всех известных нам обитаемых и необитаемых

планетах; не зная их, садиться на планеты рискованно, потому что...

— Как-нибудь сядем! — ответил Колесников. — На корабле есть книга поважнее, книга ярко-красного цвета, в ней описаны все возможные непредвиденные неполадки в «Звездолете-100» и советы, как их устранить, — мне дядя Артем говорил... И еще есть на корабле автомат, разрешающий выход наружу...

— Ребята! — строго сказал начальник космопорта. — Если вы сейчас же не измените курс и не вернетесь в Сапфирный, мы будем вынуждены вернуть вас магнитным арканом или даже выслать на перехват специальные звездолеты.

— Не беспокойтесь за нас, мы справимся!

Колесников, очевидно, нажал какую-то кнопку, потому что телеэкран неожиданно погас.

В салоне стало необыкновенно тихо, и в этой тишине послышался робкий, сдавленный голос Жоры:

— Что ж с нами будет? Ведь они же... Они же предупредили... Ой-ей-ей! И без справочника...

— Все будет нормально! — сказал Толя и вспомнил, как Жора иногда подтрунивал над ним на Земле. — Не хнычь! Тебе это не к лицу...

— А скоро мы вернемся? Скоро? — Жора с надеждой посмотрел на Леночку, потом на Альку.

— Там видно будет, — ответил Толя.

— Что, не очень скоро? Вы... вы что, правда? — спросил Жора. — Я ведь и дома никому не сказал, что улетаю...

— И мы не сказали ответил Алька. — Только записки оставили.

— А что мы будем здесь есть? — неожиданно спросил Жора. — Тут имеется какая-нибудь пища?

Толя, признаться, ни разу об этом не подумал: еда мало заинтересовала его, и он неуверенно сказал:

— Должна быть...

И тут из динамика, висевшего в салоне, раздался громкий и радостный голос Колесникова:

— Кому нечего делать, смотрите на Землю, она сейчас хорошо видна. В салоне под картиной есть окуляр электронно-оптического устройства.

Алька первый сорвался с места, нашел в стенке, возле откидного столика, приборчик с закрытым окуляром, нажал белую клавишу под ним, прильнул глазом к открывшемуся отверстию и увидел вдали Землю — небольшую, с яблоком, плывущую в густой темноте космического пространства, с одной стороны освещенную солнцем. Он видел ее, удивительно похожую на уменьшенный школьный глобус со всеми его материками и океанами, видел ее и не верил себе. Земля тускло мерцала в серебристом свете, и на ней явственно был заметен с малых лет знакомый контур Африки, пересеченный волокнами облаков Мадагаскар и тускло-белая шапка Южного полюса...

Отсюда, с корабля, Земля казалась совершенно необитаемой, нежилой и очень-очень красивой.

— Дай и мне посмотреть! — попросила Леночка, и Алька оторвался от окуляра.

— И я хочу, и я! — заерзал, засуетился Жора и оттолкнул Альку, приставил глаз и долго с тоской смотрел на удаляющуюся Землю, потом встал, вытер рукавом лоб и тяжело вздохнул: — Исчезла... Пропала... Не видно больше... Прощай!

Глава 11. УРРРРА!

Звездолет уходил от Земли; притяжение ее все уменьшалось; ее уже почти не было видно — такой она стала маленькой и темной.

Немного освоюсь, привыкнув к легкому скользящему свисту корабля, сидели четверо в салоне перед погасшим телеэкраном. А рядом с ними, за прозрачной дверью, восседал у пульта управления Колесников и уводил их звездолет все дальше от Земли.

Неожиданно плавное движение корабля прекратилось. Он пошел медленней и стал отклоняться носом то вправо, то влево.

— Что это? — спросил Жора. — Двигатели не исправны?

— Все в порядке! — заверил из рубки Колесников. — Земля пытается притянуть нас к себе магнитным арканом. Ничего у них не получится!

— Но они вышлют в погоню специальные звездолеты! — сказал Жора. — Они повернут нас к Земле!

— Так я и дамся им! Нет корабля быстроходней «Звездолета-100»! — донеслось из рубки.

Звездолет продолжало бросать из стороны в сторону, рев и свист двигателей усилился: видно, чтоб преодолеть сопротивление и силу магнитного аркана, Колесникову приходилось гнать больше топлива в двигатели.

Толя напрягся в ожидании.

Глаза у Альки и Леночки были тревожные, и сидели они неподвижно, скованно. Лишь в глазках Жоры-Обжоры светилась надежда и радость: он мечтал, чтоб их поскорее захлестнул магнитный аркан, пересилил мощь двигателей и повернул звездолет к Земле.

Разве мог Жора подумать сегодняшним вечером, карауля у платана Леночку, что все так кончится. Земля! Прекрасная, добрая, уютная Земля! На ней было так спокойно, радостно, безопасно...

Вдруг звездолет затрясло, забило. Скорость резко упала. Вот он остановился, клюнул носом, упал набок... Ребята затаились, сжались в комочки. Но больше всех испугался Жора: вот-вот, подумал он, произойдет авария и все погибнут. Ребята готовились к полету, знали, на что идут, а ему-то из-за чего рисковать?

Какое-то время, сбившись с курса, звездолет летел наклонно, а потом помчался в обратном направлении — вниз, туда, откуда только что стартовал... Толя ахнул: вернули?

Колесников, вскочив с пилотского кресла, метался по рубке — возле штурвала, возле сигнальных лампочек и кнопок, возле окуляра второго оптического устройства...

Вбежал в салон и, возбужденно крикнув: «Земля включила на звездолете неизвестный мне автоматический механизм возвращения!», бросился назад, лихорадочно стал перебирать на полке инструкции и какие-то толстые технические справочники, листать их, разглядывать надписи над кнопками...

Звездолет со все возрастающей скоростью мчался к Земле.

Ребята замерли. Колесников опять выскочил в салон и сердито закричал Толе, точно он был виновен во всем:

— В библиотеку! Неси ярко-красную книгу!... Отсек N 6... Живо!

Толя кинулся в коридор, влетел в небольшой отсек со столиком, двумя креслицами и полками, тесно уставленными разноцветными книгами, сразу увидел маленькую книгу со светившейся, как сигнал опасности, обложкой, схватил и, прижав к груди, бросился в рубку.

Колесников стал с бешеной скоростью листать ее, читать разглядывать чертежи и схемы. При этом тонкие губы его вздрагивали от нетерпения и напряжения.

Жора уже не мог — или не считал нужным? — скрывать свою радость: толстое, кругловатое лицо его стало совсем как арбуз.

— Доволен? Идешь против всех? — спросил Алька.

— Сами виноваты! Я ведь у вас как пленник, как заложник.

— А кто бежал за нами и умолял взять с собой?

Пока Жора с Алькой препирались, Колесников что-то нашел в ярко-красной книге, прыгнул к пульту управления, нажал в правом углу какую-то светящуюся синюю кнопку, и почти в ту же долю секунды звездолет круто изменил направление и со скользящим стремительным свистом пошел вверх прежним курсом...

— Урр-рра! — закричал Колесников, и Толя с Леночкой и Алькой поддержали его.

Там, в рубке, перед носовым иллюминатором, в окружении циферблатов, клавишей, светящихся лампочек и переключателей, Колесников до неузнаваемости преобразился: с его лица исчезло выражение сухости и превосходства и появилось выражение одержимости, азарта, вдохновения...

Внезапно из динамика опять раздался спокойный голос начальника космодрома:

— Ну что ж, не хотите — не будем больше вам препятствовать... Летите! Только уговор: не ссориться, не трусить и смотреть в оба. И еще вот что: никогда не выключайте энергосистему корабля... Запомнили? Счастливого пути!

Однако Толя почувствовал не облегчение, а беспокойство:

— Странно... Выходит, разрешили?

Часа через три Колесников вышел к ним, усталый до изнеможения, и ровным, четким голосом сказал:

— Все! Оторвались... Спасибо, Толька, за помощь.

— Не за что, — ответил Толя, — дядю Артема поблагодари и начальника, пожелавшего счастливого пути... — И блестящими, совершенно влюбленными глазами Толя посмотрел на Колесникова. Кто же знал, кто же думал, что он окажется таким?!

— Звездолет летит автоматически, — объяснил Колесников, присаживаясь в кресло. — И мы теперь можем спокойно разместиться по отсекам, установить график дежурств в рубке управления и поужинать...

Предлагаю вам расположиться по отсекам так, — начальственным голосом продолжал Колесников. — В отсеке N 1, самом близком к рубке, буду я, Колесников; в отсеке N 2 будет жить Толя Звездин, который будет моей правой рукой и может понадобиться мне в любую минуту; в отсеке, N 3, как самом тихом, разместится Елена Снежинкина; отсек N 4 предоставляется Александру Горячеву; отсек N 5 будет временно занимать Обжора...

— У меня есть имя и фамилия! — обиделся Жора и поглядел на Леночку. — Я что, хуже других?

— А есть ты сейчас хочешь? — спросил Колесников.

— Ну хочу, а что?

— А то, что раз хочешь, не обижайся, что я тебя так назвал... Никто ведь еще, кроме тебя, не хочет есть в такой момент, правда?

Толя бесшумно проглотил слюну, но промолчал. Жора надулся и помрачнел.

— Итак, Обжора будет временно занимать отсек N 5, он находится у двигателей; у Обжоры здоровый сон, и шум их не повредит ему.

Леночка тихонько хмыкнула, а Толя подумал, что Колесников стал еще больше задаваться. Больше, чем на Земле.

— Занимайте свои отсеки, переносите туда вещи и через десять минут сюда, на ужин...

Глава 12. КОСМИЧЕСКИЙ УЖИН

Толя помог Леночке перетащить чемодан из первого отсека в третий, сам занял отсек N 2 и пошел в салон. Там уже сидели вокруг низенького столика все, кроме Леночки. Она была в душевой кабине.

Ее ждали минут десять. Наконец она явилась, причесанная и умытая.

Колесников ушел в коридор вернулся, положил на стол и открыл небольшую пластмассовую коробку.

— Вот вам ужин, разбирайте...

В коробке лежали небольшие тюбики в красную полоску, точно такие же, в каких выпускаются кремы для лица, краски для художников или паста для чистки зубов. Толя, хотя и прочитал тысячи книг о космических полетах и сам летал на близкие планеты, все же был слегка огорошен и не сразу протянул руку. Первой бросилась к коробке пухлая рука Жоры и ухватила сразу два тюбика.

— Брать только по одному! — сказал Колесников.

Жора огорченно бросил второй тюбик в коробочку, и его взял Алька.

Жора покрутил тюбик в руках:

— Так ведь он... Его ж и цыпленку не хватит!...

— А тебе должно хватить, — весело сказал Толя. — Ты же не птица, которая с утра до вечера должна что-то клевать. Ну и...

— Ну и дальше понятно, — рассмеялась Леночка, отвинтила крышечку тюбика, поднесла ко рту, выдавила желтую колбаску и попробовала на вкус. — Ничего! Есть можно.

Тогда Жора решительно сунул в рот свой тюбик и так нажал пальцами, что все содержимое его мгновенно исчезло.

— Прекрасно! — Он зажмурился от удовольствия. — Удивительно! Мне бы еще один, я ведь крупный... Нельзя же мне давать столько, сколько и Тольке...

— Можно, — сказал Колесников, — они очень питательные: в них и витамины, и белки, и жиры, и углеводы. Через неделю Толя от них поправится и примет нормальный вид, ну, а тебе, Жора, давно пора остановиться в весе... Следующий получишь на завтрак.

— Ой сколько ждать! А чай на звездолете полагается?

— Потерпи. — Колесников ушел с пустой коробкой в коридор, вернулся, поставил на столик ту же коробку, уже не пустую, и подчеркнуто вежливо сказал: «Пожалуйста». И ребята взяли по крошечному кувшинчику с какой-то густой бурой жидкостью.

И опять Жора не вытерпел:

— Ну что это? Мне одному мало выпить все эти кувшинчики... Взяли меня, так кормите как человека! Когда я однажды летал на Луну, нам давали по хорошей порции осетрины, черную икру, жареную перепелку и торт с...

— Ты до сих пор не можешь понять, — сказал Колесников, — что мы летим не на Луну, а в тысячи раз дальше, и складские отсеки нашего звездолета загружены очень легкой и питательной пищей, чтоб хватило на всю дорогу.

— Не горюй, Жора, — сказала Леночка. — Вот прилетим на первую планету и так там наедемся... Вдосталь! Верно, ребята?

— Нет, не верно! — вспыхнул Жора: до него вдруг дошло — нельзя так больше, нельзя! Они ведь смеются над ним! Нельзя даже думать о пище, потому что стоит только подумать о ней, ребята каким-то непонятным образом сразу догадываются; наверно, его мысли отражаются на лице. — Сами можете наесться! Можете хоть лопаться! А мне что? Плевать мне на еду!

— И давно это? — любопытствовал Алька. — Это же величайшая новость: наш Жора, человек

грандиозного, астрономического, а точнее, космического аппетита стал равнодушен к еде!... Ты не шутишь? Не оговорился?

Жора покачал головой, надулся и опустил глаза. Ребята мгновенно осушили свои кувшинчики, и Колесников объяснил, что этот чай, вернее, эта жидкость, заменяющая чай, прекрасно утоляет жажду и по своему действию равна чуть ли не целому самовару, из которых в древности пили чай, и что над изобретением состава этой жидкости, бодрящей и питательной, несколько лет работала большая группа ученых Академии питания...

— А теперь, — сказал Колесников, — слушайте приказ по звездолету: телеэкраны в салоне и в отсеках не включать!

— Почему? — спросил Алька.

— Потому, — ответил Колесников. — Я не могу каждому все объяснять... Давайте условимся, ребята: не будем задавать лишних вопросов.

— Это почему же? — спросил Толя.

— Опять «почему»? Слушайте меня, я все знаю и не желаю вам плохого... С Колесниковым вы не пропадете!

— Ты в этом так уверен? — опять спросил Толя.

— Ага! — Колесников подмигнул Леночке. — Вам ребятки, сильно подвезло со мной...

— А по-моему, нисколько! — не унимался Толя.

— Скажи, ты знаешь, что такое тумблер? — Колесников улыбнулся, а Толя слегка нахмурил лоб.

— Нет... А что это?

Колесников расхохотался:

— Ну вот, не знаешь элементарных вещей, а набрасываешься на меня!

— Быть бы мне главной у вас! — вмешалась в разговор Леночка. — Уж я распорядилась бы, замучила бы вас приказами: Колесников, немедленно полить цветы! Звездин, прочитайте лекцию об умственной деятельности комаров и сороконожек! Горячев, протереть иллюминаторы и написать маслом портрет неустрашимого Колесникова в пилотском кресле! Жора, пока другие выжимают свои обеденные тюбики, станцевать и спеть что-нибудь веселое!... Ничего? Согласны?

В салоне раздался хохот.

— А теперь, ребята, всерьез, — сказал Колесников. — Надо еще договориться о графике вахт в рубке управления. Лена освобождается и может идти отдыхать, а мужчины останутся...

— Ой, я и правда устала... — Леночка зевнула. — Сегодня столько было всего! Только не ссорьтесь. Ну пока, мальчики...

Она вскочила с кресла, махнула им рукой и скрылась в отсеке N 3. Толя исподлобья посмотрел в маленькое деловое лицо Колесникова; тот кратко разъяснил, что с завтрашнего дня он

откроет краткие «Курсы по обслуживанию и вождению звездолета», что, хотя корабль идет к любой намеченной ими планете автоматически и сам уклоняется от встречных метеоритов или каких-нибудь других попадающихся по пути небесных тел, но при ручном управлении надо многое знать: разбираться в кнопках, клавишах, в сигналах и, при необходимости, уточнять или даже резко менять курс...

— А я? Я тоже буду стоять на вахте? — внезапно спросил Жора.

— А почему ж нет? — посмотрел на него Колесников. — Или хочешь увильнуть?

— Ничего я не хочу, но ведь я...

— Точка, — прервал его Колесников. — По отсекам, спать! Сегодня моя вахта до утра...

Глава 13. РАЗГОВОР В РУБКЕ

Все разошлись. Жора, едва волоча ноги от усталости и переживаний, ввалился в свой отсек N 5, не раздеваясь свалился на койку и мгновенно уснул. А Толя зашел к Альке.

— Вот мы и летим! — сказал он. — Сами летим, ты понимаешь? И — куда хотим! Скоро увидим разные планеты... Спасибо тебе, Алик, за все...

— Не за что... Мне ведь тоже хочется побывать на них... Ух как хочется!

— Думаешь, одному тебе?

— Не думаю... Колесников, конечно, молодец, но... Но...

— Толь, не принимай его всерьез и не обижайся. Он ведь всегда был зазнайкой и считал себя выше и умнее всех... Что бы мы сейчас делали без него?

Толя махнул рукой и вышел из отсека. Мягкий он парень, Алька, добрый, жалостливый и все оправдывал и прощал. А Толя не хотел быть таким. Он подошел к рубке управления и встал в дверях.

— Ты чего? — спросил Колесников. — Не спится? По мне уже соскучился?

— Колесников! — сказал Толя. — Кто мы — твои товарищи или нет? Разве мы выбрали тебя командовать нами?

— А зачем выбирать? — Колесников неожиданно рассмеялся. — Я и не собираюсь командовать вами, а вот... — Он оборвал фразу. — Слушай, а не хочешь ли ты сесть за штурвал? Хочешь? Пожалуйста!

Колесников слез с кресла и широким жестом предложил Толе занять место возле десятков горящих сигнальных лампочек, круглых и квадратных циферблатов с двигающимися стрелками, кнопок и клавишей.

— Не хочу, — ответил Толя и все-таки он неожиданно подумал: как это, оказывается, важно — знать устройство двигателей, всю эту хитрейшую электронику, автоматику, кибернетику и... Ну, в общем, все такое, без чего в их время и шагу не ступишь.

— И правильно, что не хочешь, — с улыбкой сказал Колесников. — Ты ведь — да и все твои друзья, — вы ведь и гаечку без меня не привинтите, транзистор не смените, звездную карту не

прочтете и заблудитесь в космосе, как в трех соснах...

— Заблудимся, — тихо сказал Толя.

— Ну тогда лучше помолчи... И вообще, чего тебе надо от меня? Я ведь сделал тебя своим первым помощником на корабле...

— Мне не нужно этого! — сказал Толя. — Я о другом... Да, ты лучше нас разбираешься в двигателях и умеешь пилотировать корабль, но не забывай, что мы все в звездолете товарищи и равны...

— Нет уж! — перебил его Колесников. — Обжора мне не равен, и Алька не равен... Что они смыслят в устройстве... Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать... А вот ты... ты... Ты — ничего. Голова у тебя соображает, хотя занимается не тем, чем нужно... — Колесников вдруг радостно посмотрел на него, оттого, наверно, что пришла ему на ум какая-то замечательная мысль. — Здорово ты меня уговорил на Земле улететь на этом великолепном звездолете... Молодец!

Толя молчал, не зная, что ответить: все это было правдой и абсолютной ложью! Он, Толя, позвал его в этот полет не просто так, не из мальчишеского озорства, не потому, что хотел кому-то насолить, а потому, что ему не терпелось узнать — не из книг, а увидеть своими глазами, — как там, за пределами Солнечной системы.

— Скажешь, не так? Скажешь, я вру?

— Да, — проговорил наконец Толя, — я хотел, чтоб мы полетели вместе, но ты должен быть человеком...

— А кто же я? — весело смотрел на него острыми глазами Колесников.

Однако Толя упрямо гнул свое:

— И если у нас возникнет спор и несогласие по каким-то вопросам, будем голосовать...

— Хорошо, так уж и быть, — улыбнулся Колесников.

Толя ушел в свой отсек N 2, натянул до шеи легкое одеяло и туго сжал ресницы, чтоб скорей уснуть. Но чем крепче сжимал их Толя, тем хуже шел к нему сон. А звездолет все мчался и мчался в холодные глубины космоса меж звезд и планет Вселенной...

Глава 14. ЛЕНОЧКА

К завтраку Толя вышел из своего отсека и увидел Леночку: она сидела в салоне в синей светящейся кофточке, расчесывала волосы и смотрелась в зеркальце, которое старательно держал перед ней Жора. Толя глянул на нее и застыл, прямо-таки замер в изумлении, точно ни разу не видел ее, — такая она была красивая.

За Толей в салон вошел Алька. И словно споткнулся обо что-то, увидев Леночку с Жорой; дернул Толю за рукав куртки и с силой потащил назад, в коридор.

— Что это он? — Алька кивнул головой в сторону Жоры. — Сама не может справиться? Он что, полетел с нами для того, чтоб держать перед ней зеркальце?

— Не знаю, спроси у него сам, зачем он полетел, — сказал Толя и хотел уйти, но в это время из рубки управления высунулась маленькая голова Колесникова.

— Ну как он, справляется с работой? Не напрасно взяли? Старайся, а не то есть много охотников заменить тебя! — весело сказал Колесников, заметив в коридоре Альку с Толей, и добавил: — Лен, а ты видела мою рубку?

— А что там смотреть? — отозвалась Леночка, однако тут же передумала, шагнула в рубку, и до ребят донесся ее громкий смех.

На Жору, внезапно лишившегося своей работы, жалко было смотреть: он еще больше надулся, покрутил в руках зеркальце, вздохнул, спрятал его в карман и тяжело опустился в кресло.

Альки уже не было в коридоре — убежал в свой отсек. Ушел за ним и Толя, достал с полки толстую, но очень легкую книгу со стрелочкой на переплете, включил самую малую скорость перелистывания страниц и большим усилием воли заступил себя читать о небесной механике Вселенной. От чтения его оторвал сигнал на обед.

— А где Горячев? — Колесников оглядел усевшихся за стол. — Что с ним? Жора, узнай!

Тот нехотя поднялся и скоро вернулся.

— Он просит, чтоб ему отнесли тубик в отсек.

— Вот еще новости! — сказал Колесников. — Дисциплина для всех одна.

Все должны обедать в салоне и в одно время. По «Инструкции внутреннего распорядка и поведения членов экипажа «Звездолета-100»!

Колесников окинул всех беглым взглядом, что-то сообразил про себя, пошел к отсеку N 3 и привел Альку.

Алька молча сел за стол, отвинтил крышечку своего тубика и принялся есть.

За столом стало очень тихо.

— Лен, хочешь? — прервал всеобщее молчание Жора и протянул ей свой тубик, из которого была выжата только половина обеда.

Леночка вдруг отчаянно покраснела.

— Сам ешь! Тебе ведь все время не хватало.

— Теперь хватит... Это я так, ради смеха...

— Никаких дележек, — перебил его Колесников. — Ешь все сам, а то обессилеешь, едва будешь ноги волочить. Скоро прилетим на планеты, и тебе придется поработать. Не так, как на Земле. Но если экипаж не возражает, я выделю Лене, как единственной девочке на звездолете, тубик со сладостями из запаса, рассчитанного на праздничные дни. Нет возражений?

— Я возражаю! — поднял свое круглое лицо Жора. — Ей надо дать не один, а два тубика!

— Спасибо, мальчики, мне и одного хватит.

— Голосуем? — спросил Колесников.

— Не надо, считай, что прошло единогласно, — сказал Толя.

Колесников принес тубик в зеленую полоску и торжественно вручил Леночке.

— Спасибо, мальчики... Должна вам признаться! на первом месте у меня танцы, на втором — музыка, а на третьем... на третьем — сладости... Знала бы, что здесь не будет конфет, взяла бы десять килограммов!

Она не стала есть при всех сладкую пасту, а убежала в свой отсек.

— Хорошо, что мы взяли ее в полет, — сказал Колесников. — Что б делали без нее?

Внезапно Алька вскинул голову и выпалил:

— А я не согласен! Совсем не хорошо! Все трое прямо подпрыгнули в своих креслах и недоуменно уставились на Альку.

— Ого! — выдохнул Толя.

— Что с тобой? — крикнул Жора.

— Ничего! — сказал Алька. — Я... Я считаю... И это надо немедленно поставить на голосование...

— Нельзя ли покороче? — Колесников озабоченно наморщил лоб.

— Можно! — Алька набрал воздуха и вместе с ним набрался силы и решимости и отрезал: — Я считаю, что этого не должно быть... Чтоб никто в нее... Ну, вы понимаете... У нас ведь очень трудный, ответственный рейс...

— А... а кто ж это самое... в нее? — посмеиваясь глазами, спросил Колесников; все опустили головы и стали рассматривать то свои руки, то колени, то блестящую поверхность пластикового стола. — Может, ты, Обжора?

— Н-нет, — мужественно выдавил Жора.

— Ты, Толя?

— Да что вы! Как ты можешь...

— Уж не ты ли, Алька?

— Да, немножко... — сказал Алька. — А это нельзя, ребята, нельзя!

— Точно, — пряча улыбку, проговорил Колесников. — Но раз это у одного тебя, значит, это никого больше не касается.

— Не у меня одного... — весь натянутый, взъерошенный, стал защищаться Алька. — У вас просто не хватает смелости признаться, а на самом деле вы, может, больше, чем я...

Лицо у Толи вспыхнуло ярче, чем у Альки.

— Л-ладно, х-хватит, — проговорил он заикаясь, — я считаю, что Алька прав... Она, конечно, очень хорошая, но мы ведь в космическом рейсе... Короче говоря, тех, кто согласен с Алькой, прошу поднять руку. — и сам первый поднял.

Его поддержали Алька с Жорой, и уж последним, нехотя, потащил вверх руку Колесников.

Вскоре он позвал ребят в рубку и открыл обещанные вчера курсы по управлению и обслуживанию в полете звездолета. Мальчишки слушали его вяло. Каждый хотя и делал вид, что смотрит на штурвал, на звездную карту, клавиши или кнопки или пытается вникнуть в пункты и параграфы «Инструкции по эксплуатации «Звездолета-100», на самом деле думал о недавнем разговоре. Мальчишек даже не очень обрадовала и весть, что на звездолете есть фоно- и фильмотека с сотнями коробок с магнитофонными записями и самыми интересными земными кинофильмами; нажми в рубке одну кнопку — и по всему звездолету раздастся музыка, нажми другую — и одна из пустых стен салона превращается в экран. И все это устроено для того, чтоб экипажу не было тоскливо и одиноко в длительном полете, чтоб легче переживалась оторванность от привычных условий жизни...

Глава 15. ПО КУРСУ — ПЛАНЕТА!

Одна Леночка ничего не знала о разговоре, касавшемся ее. В очень хорошем настроении вернулась она в свой отсек, с удовольствием съела содержимое полосатого тубика, потом достала из чемодана тяжелую белую коробочку и вынула из нее своего старого любимца — Рыжего лисенка. Сколько помнила себя Леночка, всегда он был с ней, и она доверяла ему все свои тайны. Посадив его на столик, она нажала маленькую, невидимую в густой шелковистой шерсти кнопку на плече. Сразу зажглись карие огоньки в глазах Рыжего лисенка, он ожил, провел лапками по боку, словно прихорашивался, присел, как котенок, на задние лапы, улыбнулся и спросил:

— Ну как идет полет, Леночка?

— Пока что прекрасно, Рыжий! У меня очень хорошие товарищи, нам весело, хоть иногда мы и спорим и даже слегка поругиваемся...

Леночка уснула с Рыжим лисенком в руках и опять позже всех пришла к завтраку. Подойдя к столу, она заметила, что мальчишки не смотрят на нее, прячут глаза и что вообще они какие-то вялые и неразговорчивые, не то что вчера.

— Простите, мальчишки! — сказала Леночка. — Я уж, видно, такая, что не могу иначе.

— Надо перестать быть «такой»! — буркнул Алька.

— Обязательно перестану, и в самом скором времени! — пообещала Леночка и засмеялась, думая, что Алька пошутил. — Но почему вы такие хмурые, такие унылые?

— А чего нам улыбаться? — набычился Толя. — Мы находимся в сверхопасном рейсе, и впереди нас ждут нелегкие испытания...

— Но это ж впереди, а не сейчас... Тогда и перестанете улыбаться. Не узнаю вас, мальчишки... Такие ль вы были на Земле?

Ей никто не ответил. Завтракали молча, Леночке стало обидно, и тогда она, чуть подумав, сказала:

— Жора, идем ко мне в отсек, я тебе кое-что покажу...

— Не надо мне ничего показывать! — тут же, и самым решительным образом, отверг ее предложение Жора. — Я очень, очень, очень занят сейчас.

— Ну тогда я поговорю с Аликом, он повежливей тебя... Алик, я хотела б...

Алька так стремительно отвернулся от нее, что едва не вылетел из кресла и не грохнулся об пол.

— Что с вами, мальчишки? — ничего не понимая, спросила Леночка. — Простите, что я опоздала... — И посмотрела на них; ребята, как по команде, потупили глаза. — Я больше не буду...

Она вздохнула и ушла в свой отсек. Однако не успела Леночка пожаловаться на мальчишек Рыжему лисенку, как из динамика послышался бодрый голос Колесникова:

— Внимание! Прямо по курсу перед нами планета! Через несколько минут, если получим разрешение, сядем на нее...

За дверью раздались радостные возгласы и топот ног: видно, ребята спешили к окуляру электронно-оптического устройства в салоне.

— Если на планете окажется воздух, — продолжал Колесников, — выйдем без скафандров, однако в этом случае прошу всех надеть специальные комбинезоны чтоб не путаться в штанинах и в юбках...

Сразу забыв о странной перемене ребят к ней, Лена сунула голову в тесный складской отсек. И фыркнула, увидев, что мальчишки прямо в нем сбрасывали штаны и в трусах, пританцовывая на одной ноге, влезают в комбинезоны и застегивают их на груди. Они были очень яркие, из светящейся ткани, чтоб, попав на незнакомые планеты, путешественники не потерялись, а даже на большом расстоянии могли видеть друг друга. И в каждый из них, возле воротника, был вмонтирован «КП-10» — крошечный кибернетический переводчик, переводящий землянину речь любого планетянина и наоборот.

— Мне, пожалуйста, фиолетовый! — попросила Леночка.

Жора снял с полки и протянул ей ярко-фиолетовый комбинезон и такого же цвета пилотку.

Леночка побежала в свой отсек переодеваться. Ткань комбинезона, мягкая, немнущаяся и легкая, не мешала движениям и в то же время, очевидно, предохраняла тело от ударов и возможной радиации. Леночка посмотрелась в зеркало — комбинезон сидел на ней хорошо. От радости она даже три раза подпрыгнула в отсеке и последний раз так высоко, что стукнулась головой о потолок и, крикнув: «Мам!», поморщилась.

«Наверно, вскочит теперь шишка», — подумала Леночка, но радость была куда сильнее боли.

— Внимание, внимание! — раздался торжественный голос Колесникова, и Леночка поняла, что сейчас, как принято у всех космических командиров, он обратится с просьбой к планете, и особый автомат, построенный по последнему слову электронно-вычислительной техники, переведет его слова на язык понятный разумным существам этой планеты. — Мы, люди с планеты Земля, летим к нам с самыми добрыми намерениями и просим разрешения на посадку...

Пока он это говорил, Жора, облаченный в ярко-желтый комбинезон, потягивался и разминался: хотелось поскорей выйти наружу; Алька, в ярко-красном комбинезоне, спешно доставал из чемодана чистый альбомчик и краски. И лишь Толя, кое-как натянув на себя самый неброский синий комбинезон, не суетился. Стараясь не показывать волнения, он

готовился к встрече с планетой, с первой планетой на их пути... С самой первой! Какие неожиданности ждут их на ней? Какие разумные или неразумные существа обитают там? Удастся ли установить с ними контакт?

Толя прильнул глазом к окуляру.

— Почему они не отвечают? — спросила Леночка. — Давно пора бы отозваться...

— Вода еще не научилась говорить! — ответил Толя, не отрывая глаза от окуляра. — Пока что вокруг одна вода... Кто хочет взглянуть?

— Я... Я... — откликнулись Леночка с Алькой.

Звездолет пошел на снижение. Внизу уже очень четко была видна безбрежная синева воды и остроносая, стремительно летевшая тень их звездолета.

— Эх, был бы у нас Планетный справочник! — сказал Толя. — Знали б, в чем дело, что ждет нас на этой планете...

— Тише! — прервал его Алька. — Я слышу их голос... Передают...

Ребята притихли. Из вмонтированных в стены динамиков донесся слабый голос:

— Не можем принять... Негде сесть... Мы в глубине океана...

— То есть как это? — спросил Алька.

— Разрешите мне. — Толя коснулся Леночкиной руки, и она уступила ему место у окуляра.

И сказала:

— Ничего, ничего, кроме воды и каких-то рыб! Их там очень много, они с розовыми плавниками...

— Но откуда же голос? — спросил Алька.

— Я вижу купола! — весь дрожа, сказал Толя. — Гигантские, прозрачные купола под водой! Наверно, здесь вся цивилизация ушла под воду! Почему? Внезапно опустилась суша или разумные существа этой планеты никогда не знали твердой суши?

— Дайте мне... Я тоже хочу посмотреть! — Алька оттащил Толю за руку и увидел сверху, с их медленно летящего корабля, сквозь толщу голубоватых вод сферические, правильной формы купола и внутри них игру серебристых бликов, острые вспышки, частую пульсацию сильного света — и больше ничего...

— Летим дальше! — подал команду Колесников. — Здесь кружить бесполезно, вся планета покрыта водой...

— Ой, постой, Колесников, не улетай! — взмолилась Леночка. — Здесь так красиво! Три минуты покружись над планетой...

— А я хочу запомнить ее цвет! Игру ее куполов! Их свечение! — закричал Алька. — Сейчас я возьму краски и нарисую...

— Обязательно! — поддержал его Толя. — Это ж удивительно: все ушло под воду... Облетим ее во всех направлениях, чтоб лучше...

— А я считаю, на нее жаль тратить топливо! — Колесников резко перевел рычаг скорости.

Звездолет дернулся. Леночка стукнулась головой о телеэкран, Толя свалился на пол, Алька ударился плечом о стенку, а Жора покатился по коридору.

— Какой же ты! — крикнул Толя Колесникову — На борту ведь люди!

— Он, простите, ребята, не рассчитал! — ответил Колесников. — Держитесь покрепче, когда я у штурвала! И не горюйте: далась вам эта мокрая планета!

— Лен, тебе не больно? — спросил Толя.

— Подойди ко мне, — сказал ей Колесников. Леночка подошла. — Где болит? — Леночка показала. Он сунул руку куда-то вниз, под пульт управления, и достал какую-то коробочку. — Сейчас все пройдет...

— Не может быть! — сказала Леночка.

— Все может быть. — Колесников набрал на кончик пальца мази из коробочки и помазал ушибленное место. — Нет ничего невозможного на моем звездолете.

— Ой, уже прошло! Не болит! — ахнула Леночка. — Ай да мазь!

— На Земле сделана, — буркнул Жора.

— С этого дня, — сказал Колесников, — ты будешь заведовать всеми мазями, пилюлями, таблетками, порошками... Всей аптечкой звездолета... Короче говоря, будешь врачом, главврачом нашего корабля! Согласна?

— Что ж мне еще остается делать? — ответила Леночка. — Хоть пилюлями заведовать буду на корабле. Надо же мне чем-то заниматься в космосе...

Все разбрелись по отсекам.

Глава 16. ПЕРВАЯ ПОСАДКА

Жора тоже заперся в своем отсеке. Он был грустен и голодноват. Да, он обещал ребятам и себе не думать больше о еде... Обещал! Легко обещать, но что делать, если на Земле он привык к совсем другому существованию... Жора сунул руку в карман, и пальцы его внезапно нащупали там тюбик. Ура! Видно кто-то, самый сознательный из ребят, подсунул ему еще один. Жора быстро достал его, отвинтил крышечку, сунул в рот, сильным рывком нажал на кончик и весь выдавил в рот. И — взвыл. Рот его наполнился чем-то густым, остро пахнущим, шипящим в нос... Ни глотнуть, ни выплюнуть — весь отсек испачкаешь! Швырнув на пол пустой тюбик, Жора с туго надутыми щеками бросился из отсека в туалет, дернул дверь — заперта, он ринулся в душевую, тоже дернул за ручку — и она на запоре. Как назло!

Жора кинулся назад, в свой отсек, — никто из ребят не должен ничего заметить!

Щеки его страшно жгло, холодило, острая, непонятная жидкость проникла в горло, душила, потекла по губам, и что-то густое, белое, как сметана, закапало на пол...

Жора нырнул в свой отсек и не успел закрыть дверь, как захлебнулся и из его рта хлынул на пол белый поток. Он весь содрогнулся, закашлялся и стал вытирать губы. Случайно он глянул на пол, увидел брошенный им тюбик, поднял и прочитал: «Специальная паста для чистки зубов».

Проклятье! Неужели нечаянно сунул в карман?

Весь пол его отсека да частично и коридор были залиты, закапаны пастой, и нужно было, пока ребята не обнаружили этого и не подняли его на смех, быстро вытереть тряпкой. Жора достал из кармана носовой платок, озираясь по сторонам, вышел в коридор и вытер, потом вернулся и, тяжело вздыхая и отдуваясь, стал вытирать пол в отсеке. Ну хоть бы одного робота догадались люди посадить в этот звездолет!

Пока Жора честно трудился в своем отсеке, Толя сидел в своем. До чего жаль было, что эта планета не сумела принять их! Был ли на ней кто-нибудь с Земли? Забирался ли под воду, в сферические купола? Вряд ли. Для этого нужна была б подводная лодка...

Впрочем, кажется, на Земле уже придумали звездолеты, умеющие не только летать, но и плавать и погружаться на большие глубины. Наверно, об этом можно найти какую-нибудь книгу...

Толя бросился в библиотеку, где уже был однажды, открыл дверь.

У столика сидела Леночка и читала. Толя стал шарить по полкам. Отсек был крохотный, не больше жилого, но книг в нем хранилось, наверно, с тысячу, так ловко и экономно были устроены полки.

— Посмотри в картотеке, — сказала Леночка. — Целый час будешь искать.

Толя послушался ее. Это была не детская библиотека, и не так-то просто было найти нужную книгу. А вот Леночка ухитрилась что-то отыскать.

— Ты чего читаешь? — Толя посмотрел на книгу в Леночкиных руках. — Какие-нибудь сказки с волшебствами?

Леночка показала ему книгу, и Толя с удивлением прочел: «Учебное пособие по управлению звездолетами».

— Зачем тебе это? Ты же, ты же...

— Глупая девчонка, сластена и освобождена от вахт? Так?

— Да нет, что ты, совсем не так! — сконфузился Толя. — Я хотел только сказать...

— Ничего мне не надо говорить! Я уже договорилась с Колесниковым, что тоже буду стоять на вахте и, если надо, управлять звездолетом...

Звездолет летел дальше, мчался в межпланетной и межзвездной пустоте. Одна вахта сменяла другую:

Колесникова, Альки, Жоры, Толи, Леночки... Да, да, и Леночки! Она сдала командиру короткий экзамен и получила «отлично». Она выходила на вахту в ярко-фиолетовом, светящемся комбинезоне с большими накладными карманами на груди и боках. Свои длинные волосы

Леночка каким-то образом сумела уместить, спрятать под пилотку.

Иногда во время ее вахты в рубку управления заходил Жора, удивленно смотрел на Леночку (но не так, совсем не так, как во дворе из-за платана или в то время, когда держал перед ней зеркальце) и спрашивал, для чего служат та или иная кнопка, клавиша или переключатель. И Леночка объясняла ему.

Целую неделю, наверно, летел звездолет на самой высокой скорости.

Несколько раз, когда Колесников включал радиоприемник, Земля устанавливала связь со звездолетом, он отвечал: «У нас все в порядке!», а Толя не переставал думать: «Все-таки странно получилось: то Земля решительно противилась их полету, а то вдруг: «Счастливого пути! Не трусьте!» Вроде бы разрешили им самостоятельный полет...»

На вахте был Толя, когда впереди по курсу появилась новая планета. Сердце его опять учащенно забилось, но, как и раньше, он старался сдерживать себя. Толя оповестил экипаж об этой планете и послал в эфир запрос — просьбу о посадке.

Ответа не было. Видно, планета не хотела отвечать или была необитаема. Она росла, увеличивалась, и Толя уже видел в окуляр мощного оптического устройства, расположенного в носу звездолета, дремучие непроходимые леса, редкие, едва просвечивавшие полянки, высокие рыже-бурые хребты...

Короче говоря, если б они и решились на нее сесть, выбрать для этого посадочную площадку было б не просто.

В рубке появился заспанный Колесников. Он потер кулаками глаза, зевнул, глянул в окуляр и сказал, что делать им на этой планете нечего: она совершенно дикая, нецивилизованная и вряд ли на ней живут разумные существа.

— Все равно надо сесть! — возразил Толя. — Представь себе, что на ней есть какие-нибудь очень ценные, нужные Земле руды, такие, о которых она и не догадывается!

Колесников тяжело вздохнул:

— Ну и что? Земля и без нас с тобой обойдется... Для этого мы улетели?

— И для этого тоже! — сказал Толя.

— Ну, это ты, мечтатель, полетел для этого, а я — нет...

— А для чего ж ты полетел?

— Сам подумай. Не хочу объяснять.

А и правда, зачем, собственно, отправился Колесников в космос? Чтоб отделаться от регулировщиков, которые справедливо наказали его за лихачество? Чтоб здесь на звездолете вдосталь наездиться, накататься на самой сумасшедшей скорости? Чтоб доказать им (а кому это — им? Регулировщиков здесь нет — значит, ребятам?), на что он способен?... И только ради этого он отправился в полет? Так это ж нелепо!

— А все-таки сядем на нее, — сказал Толя. — Полюбуйтесь ее красотой и отдохнем...

— Нечем там любоваться. — Узкие брови Колесникова переломились, и на лбу прорезалась

капризная морщинка. — Было бы что-либо стоящее, а то ведь одни деревья, гнилой бурелом и болота... Я считаю, что надо лететь дальше.

— Нет, Колесников, надо сесть... — сказал Толя. — Мы ведь условились в каждом случае голосовать, и ты обязан...

— А я считаю, что и на эту планету жалко тратить топливо... Считаю!

Толя еще раз глянул в окуляр оптического устройства и уже отчетливо различил мощные, в десять обхватов, стволы деревьев, рыжие осыпи на горных хребтах, плотную завесу листьев... Ах, как хотелось побродить по этой планете!

Но как уговорить, как переупрямить Колесникова?

«А что, а что, если...» — вдруг пришла на ум Толе одна догадка, и он, не отрываясь от окуляра, сказал:

— А пожалуй, ты прав, Колесников... Надо улетать от нее. И чем скорей, тем лучше!

— Почему? — слегка заинтересовался Колесников.

— Потому что ты можешь раздумать...

Колесников вдруг стал нервничать:

— Почему ты так думаешь? Что ты все крутишь да вертишь? Не люблю я этого. Говори прямо.

— Лети дальше! И ничего не спрашивай. И даже не пытайся посадить корабль на планету... Я тебя прошу!

Колесников встал у пульта, сбавил скорость и в упор посмотрел на Толю.

— Ну хорошо, скажу... Лишь отчаянная голова рискнет сюда опуститься! Ни тебе бетонированного космодрома со службами, ни даже полянки порядочной для посадки. Разбиться можно даже на «Звездолете-100»!

— А ну уходи с кресла! — тут же потребовал Колесников.

— Не смей... Это очень рискованно!

— Кому рискованно, а кому и нет... Уходи! Кому говорят!

Толя и ждал этого. Он медленно слез с пилотского сиденья и спросил:

— Подкрутить, чтоб было выше?

Колесников метнул на него гневный взгляд, сам подкрутил кресло, влез в него и, взявшись за штурвал, подал команду:

— Экипаж, привязаться! Здесь есть атмосфера, есть чем дышать, поэтому выходим не в скафандрах, а в комбинезонах.

Заработали тормозные двигатели, корабль пошел на спуск.

Колесников зорко оглядел сквозь иллюминатор местность, резким движением рук бросил корабль вниз и мягко посадил. Звездолет даже не вздрогнул.

Колесников спрыгнул с кресла и спросил у Толи:

— Ну как? Нужна мне бетонированная площадка?

— Отлично! — закричал Толя. — Не ожидал!

— Это для меня пустяк... — Колесников махнул рукой. — Я бы сел не на такую планету!

— А что, бывают посадки и потрудней?

— А почему ж нет? — Колесников улыбнулся, глаза его сразу потеплели, и со лба исчезла надменная морщинка...

Толя попросил у него ключ (Колесников с готовностью снял его с шеи и отдал), первым бросился по ступенькам трапа вниз, вставил ключ в скважину, повернул на четыре оборота. Дверь щелкнула, и динамик над дверью произнес четким человеческим голосом: «Выход нежелателен, хотя и возможен при соблюдении большой осторожности!» — повороты ключа включили сложнейшее электронно-решающее устройство, которое за какую-то долю секунды успело определить состав воздуха и даже помыслы и настроение живых существ планеты.

— Ребята! Что это значит? — поднял голову Толя.

— То что слышал, — кинул ему сверху Колесников, замыкавший цепочку ребят, спускавшихся по трапу.

— Ой мальчики, я б не рисковала! — поежилась Леночка.

— Лучше не выходить, — поддержал ее Алька. — Впрочем, я, как все...

— Отпирай, — сказал Жора, — сколько можно сидеть взаперти и ничего не видеть!

Глава 17. ДИКАЯ ПЛАНЕТА

Толя повернул ключ на последний оборот, замок щелкнул. Толя толкнул дверь люка, она открылась, и с порожка автоматически спустился трапик. Толя осторожно выглянул наружу. Прямо над дверью повисла ветка с какими-то бурыми плодами. Вокруг зеленела густая жирная листва и раздавался разноголосый птичий писк.

— Урр-ра, Колесников! — закричал Алька, выглядывая из-за Толи. — Как посадил! Как притер, втиснул корабль в эту полянку! Как только взлетишь?

— Так же, как и сел, — спокойно сказал Колесников. — Ну выходите или полетели дальше... Мне здесь делать нечего. Даю вам двадцать минут на прогулку, и — дальше...

И Толя спрыгнул на зем... Нет, конечно, не на землю, никакая это была не Земля, это была совсем другая, пока что неведомая планета. Вслед за Алькой из двери выглянул Жора, заметил перед носом бурый плод, похожий на земное яблоко, тут же за спиной Альки сорвал его и незаметно спрятал в карман комбинезона.

Затем вышла Леночка, и уже последним спрыгнул с трапика в траву Колесников. Он откровенно позевывал и скучающим взглядом осматривал громадные узловатые стволы

деревьев, стоявших неподалеку, глухую чащобу леса и совсем рядом гигантские толстые листья какого-то растения вроде земного лопуха; зелень лезла отовсюду, с каждого клочка почвы — деревья, кусты, трава...

Впереди двигался Толя, и его синий комбинезон отчетливо светился в густом сумраке листвы. Продвигались они очень медленно, потому что путь им преграждали упавшие, полусгнившие, скользкие деревья, крепкие лианы, свисавшие с сучьев.

— Тише ты! Осторожней! — то и дело просила Леночка, пробиравшаяся за Толей.

На минуту Толя остановился. Тогда Алька вытащил из кармана маленький альбомчик и стал быстро что-то набрасывать карандашом. Леночка стояла рядом и посматривала то на лист бумаги, то вокруг. Жора между тем не терял напрасно времени: он незаметно срывал с ветвей над головой какие-то круглые и плоские плоды, пробовал на зуб, и если плод был горьким, морщился и отбрасывал его, если же плод был с приятной кислицей или сладкий, быстро впихивал его в карман. В одном месте он заметил в густой жирной листве, у корней, какой-то желтый, продолговатый, похожий на земную дыньку плод, возможно, вполне съедобный. Жора попытался оторвать его от хвостика, которым тот был соединен со стеблем, но хвостик не поддавался. Тогда Жора стал крутить его, но не тут-то было. Пришлось ему встать на коленки и грызть этот неподдающийся хвостик зубами. Зубы у Жоры были крупные, крепкие, он довольно быстро перегрыз хвостик и, озираясь, поднял дыньку; она не вошла в карман, и тогда Жора опустил ее за пазуху.

Колесников шел сзади, рассеянно поглядывал по сторонам.

Вдруг впереди послышался крик. Алька вздрогнул, сунул альбомчик в карман, и ребята, прижавшись друг к другу, стали пристально вглядываться туда, откуда донесся крик. Потом Толя оторвался от товарищей и сделал несколько шагов вперед, спрятался за корявый ствол огромного дерева и жестом руки подозвал к себе ребят. Они подошли к нему и увидели то же, что видел он.

На узкой полянке, стиснутой густой чащей, находились какие-то непонятные сутулые существа. Одни из них стояли, другие сидели на траве. Они были в лохматых шкурах, с черными, длинными, спутанными, видно никогда не чесанными, волосами. Рядом с ними, на забрызганной кровью траве, лежало какое-то освежеванное, разрубленное на куски животное с откинутой рогатой головой, и эти существа жадно ели мясо.

— Ну и аппетит у них! — шепнула Леночка. — Дикари... А вон и дети их...

— Чего ж они не поджарят оленя? — спросил Жора. — Было б куда вкусней...

— А что, если они не знают огня? — ответил Толя, и всем это показалось ошеломляющим, абсурдным и не умещалось в голове.

— Значит, мы им поможем! — тоже шепотом, но довольно громким сказал Алька. — И пища будет вкусней, и у костра будет теплее.

— А знают ли они металл? — спросил Жора.

— Вряд ли, — предположил Толя. — Вон я вижу палку с заостренным камнем...

— Ребята, — радостно сказал Алька, — мы им поможем и в этом, наш прямой долг — познакомить их с металлом! Нельзя же такими камнями добывать себе пропитание...

— Бедные, — проговорила Леночка, — они живут еще в каменном веке... Научить бы их хоть самому простому, что знает у нас любой ребенок...

— Если они этого захотят, — заметил Колесников.

— Как же не захотеть! — возразил ему Алька. — Они что, враги себе? Не разберутся, что вкусней — сырое или жареное мясо? Что острее и тверже — каменный или стальной топор?

— Могут и не разобратся, — сказал Колесников.

— А я уверен — разберутся, — настаивал Алька. — И еще вот что мы сделаем: мы подзовем их к нашему звездолету и по очереди, одного за другим, будем вводить внутрь, мыть в душе, подстригать и кормить...

— Тюбиками? — спросил Жора.

Ему никто не ответил.

— ...Мы залечим их раны, которые нанесли им дикие звери, — продолжал Алька, — и, может, даже научим читать книги... Они, верно, и колеса еще не знают и таскают все грузы на себе, а мы им построим повозку на двух или четырех колесах... Верно, Колесников? Колесо — это по твоей части... Вот обрадуются! Это ж наш прямой человеческий долг!

— Советую ни на шаг больше не приближаться к ним, — тихо проговорил Колесников. — Они развиты не больше, чем их техника...

— Ошибаешься, — возразил Алька. — Они, конечно, еще не дошли до электроники и кибернетики, но сообразят и не откажутся от добра. Вот смотри!

— Алька внезапно бросился вперед и громко крикнул: — Слушайте! Не бойтесь нас! Мы с планеты Земля и хотим научить вас тому, чего вы еще не знаете!

Существа в шкурах вдруг повскакали со своих мест, отбросили недообглоданные кости и схватились за палки с принизанными к ним камнями. Один из них с криками отбежали за ствол большого дерева, а другие, схватившись за оружие, враждебно уставились на Альку.

— Вот смотрите — это нож! — продолжал Алька, стоя на месте и уже не рискуя идти вперед, и показал им блестящий складной ножик в вытянутой руке.

— Он из металла! Этот материал крепче любых камней...

Вдруг существа с палками сделали несколько прыжков к Альке.

Леночка взвизгнула. Толя с Жорой остолбенели, а Колесников коротко крикнул: «Назад!» Но Алька не стронулся даже с места. Он выхватил из кармана коробок со спичками, зажег одну — спичка ярко вспыхнула — и торжественно протянул ее как маленький факел, к ним, к этим существам. И крикнул:

— Это огонь! Он будет первым вашим другом! Он — все! С ним не холодно, и пища...

По лесу прокатился воинственный клич. С палками наперевес существа бросились на Альку, на ребят, стоящих у дерева. Алька замер на месте, парализованный страхом. Толя тоже не в силах был сдвинуться с места. Леночка заплакала. Вот-вот дикари схватят Альку. Вот-вот изрубят каменными топорами остальных...

Три выстрела оглушительно ударили навстречу им, и над головами взорвались и вспыхнули ракеты. Существа, как один попадали на траву, прижались к выпирающим из почвы корням.

Колесников спрятал в карман черный ракетный пистолет.

— А ну к кораблю! Быстро, пока они не очухались! — приказал он. — И без паники!

Ребята опомнились и, царапая лица о жесткий кустарник и свисающие сверху лианы, кинулись назад. За ними быстрым шагом шел Колесников.

«А ведь и правда, что б мы делали без него?» — подумал Толя. Вдруг Леночка споткнулась о корень и чуть не упала. Толя подхватил ее и поставил на ноги. Леночка сильно хромала, и Толя поддерживал ее за руку, пока они бежали к звездолету.

Сзади раздались крики: дикари очнулись от страха и снова начали преследовать их. Вдруг на звездолете заревела сирена. Она ревела, завывая, и так пронзительно, что преследователи опять попадали в траву. Экипаж благополучно нырнул в дверь. Колесников вставил в скважину ключ и повернул на пять оборотов. Расталкивая полуживых от страха и усталости членов экипажа, он крикнул: «Ни с места, держаться за поручни! Сохранять хладнокровие!», влетел в рубку управления и нажал пусковую кнопку.

Взревели двигатели, и звездолет плавно и стремительно, слегка задев листву деревьев, взмыл в синее небо.

Сирена сразу замолкла. «Кто же ее включил? — подумал Толя. — Ведь в корабле никого не было».

Глава 18. ПЛАНЕТА, КОТОРАЯ ИХ НЕ ПРИНЯЛА

— Молодцы! — сказал Колесников, сидя перед пультом управления.

Сзади в глубоком молчании стоял весь экипаж.

— Мм-мы молодцы? — не поверил своим ушам Толя. — Ты шутишь?

— Да нет, вполне серьезно. Уложились в пятнадцать минут, а я ведь дал вам целых двадцать... Молодцы!

Толя отвернулся от него.

— Хочешь посмотреть вниз? — спросил Колесников. — Смотри, а то скоро ничего не будет видно.

Внизу, там, где только что стоял их звездолет, кучей сгрудились дикари в шкурах и грозили каменными топорами небу, а трое голых, обросших детенышей рвали на мелкие клочки потерянный Алькин альбомчик.

— Что-то не очень они ценят искусство нашего прекрасного живописца... — сказал Колесников.

К нему подошел Алька. Он был очень бледен, точнее, сер, губы дрожали, лицо было в свежих царапинах; и без того худое, оно еще больше заострилось.

— Я хотел, чтоб им было лучше, — сказал он, — хотел помочь им, чтоб они скорей развились и вырвались из темноты и невежества...

— Мало ли что ты хотел... — проговорил Колесников. — Они-то не хотели этого!

— Не хотели себе добра? Я ничего не пожалел бы для них!

— Оставь свою жалость при себе, — ответил Колесников.

— Дело не в этом, — вмешался Толя, — видно, не все можно сделать сразу; есть вещи, до которых каждый должен дойти своим умом...

— Видно! — хитро блеснул глазами Колесников. — Значит, никто из вас, доблестные земляне, не желает вернуться и пожить на той замечательной планете?

Экипаж подавленно молчал.

— Лена, как твоя нога? — вдруг спросил Колесников.

— Ничего...

— Ну что ж, в таком случае... — из глаз Колесникова прямо-таки брызнули радость и самоуверенность, — в таком случае поищем что-нибудь получше! Планету, где всем понравится, где никого не нужно жалеть, развивать и торопить... Согласны?

Никто ему не ответил.

— Скажи, кто включил на корабле сирену и выручил нас? — спросил у Колесникова Толя.

— Видно, электроника. Я же говорил, наш звездолет новейшей марки...

Толя вышел из рубки, наступил на что-то круглое, скользкое, крутнувшееся под ногой, и упал. Встал, потер ушибленный бок и поднял какой-то странный, откатившийся в дальний угол продолговатый пятнистый плод.

— Что это? Откуда?

Колесников повернулся вместе с креслом и внимательно посмотрел на Жору.

— Первый раз вижу! — покраснел Жора. — Наверно, случайно закатился в дверь...

— И по трапу пробрался вверх? — удивился Колесников.

— И так бывает, — сказала Леночка. — Такая уж эта планета, и плоды на ней особые...

— Подвергнуть химическому анализу, и если он будет благоприятен, дать на обед, — распорядился командир. — И надо этот плод скорей съесть или выбросить, потому что стрелка показывает, что корабль перегружен на семь килограммов, а для такого точного летательного аппарата, как «Звездолет-100», это многовато. — Колесников кивнул на циферблат со стрелкой в левой стороне приборной доски. — Впрочем, это ерунда, сойдет... А ты, Горячев, — добавил командир, — на трое суток освобождаешься от вахт. Иди отдыхай; если нужно успокаивающее, попроси у Лены... За штурвалом остается Звездин.

Алька быстро ушел из рубки. Вслед за ним ушли Леночка с Жорой.

Колесников долго молчал, прислушиваясь к работе двигателей, потом сказал, просяив:

— Отлично работают! Приятно послушать, лучше всякой музыки. — И неожиданно добавил: — Помнишь, что я говорил тебе на Земле насчет этого члена экипажа? Бедняга, как он исцарапался...

— Нет, ты не прав, тысячу раз не прав! — бросился в спор Толя. — Эта планета не в силах нас понять, и виноват здесь не Алька, не его доброта, а ее отсталость...

— Ну хорошо, пусть будет так, — сказал Колесников. — Садись в кресло, а я пойду посплю немножко: надо укреплять нервную систему для новых планет...

Между тем Жора заперся в своем отсеке и поедал плоды, извлеченные изо всех карманов. Ел он в полном одиночестве не потому, что был жаден и ни с кем не хотел поделиться, а потому, что боялся насмешек. Ребята ведь едва не разоблачили его из-за этого продолговатого, похожего на дыньку плода, который нечаянно выскользнул у него из-за пазухи в коридоре. А что было б, если б они узнали, что он прихватил с собой не только эту дыньку?

Жора ел, презирая, ненавидя себя за слабость и безволие, за полное неумение справиться со своим аппетитом. Быстро доев кисловатые и кисло-сладкие плоды, оставив про запас лишь один, он вытер губы и с некоторой опаской потрогал свой тугой живот. И вдруг этот самый его живот начал болеть. С каждой секундой боль становилась сильнее, и Жора не на шутку встревожился: наверно, не следовало есть неведомые плоды с неведомой планеты; кроме того, он даже не помыл их...

Жора мрачнел, скрипел зубами, морщился, но мужественно терпел. И, как назло, в это самое время из динамика раздался Толин голос из рубки управления:

— Как самочувствие экипажа? Пусть ответит каждый отсек...

Жора, собрав последние силы, нажал кнопку включения крошечного микрофона перед столиком и, едва не теряя сознание от боли, проскрипел:

— Я... Жора... чувствую себя... о... от... лично!

Потом он выключил микрофон и, весь скорчившись от острой рези в животе, вызвал Леночкин отсек и спросил, нет ли в ее аптечке чего-нибудь от живота. Конечно же, у нее было! Жора слезно попросил принести ему лекарство и никому из членов экипажа не говорить об этом. И Леночка принесла. Он чуть-чуть приоткрыл дверь, взял из ее руки таблетки и, закинув вверх голову, проглотил сразу все. И вот чудо — боль мгновенно прошла. Маленькие Жорины глазки залучились счастьем: все-таки жизнь прекрасна! Конечно же, последний, сорванный на Дикой Планете буроватый плод, похожий на земное яблоко, он решил не есть, а выбросить.

Часа три мчался звездолет меж голубых туманностей и светящейся космической пыли. А когда пошел четвертый час, Толя увидел впереди новую небольшую планету: она сверкала, как ярко начищенная серебряная монета под музейным стеклом. Сердце у Толи екнуло и в который уже раз часто-часто забилось: может, вот она — долгожданная планета, на которую будет так интересно ступить!

Сдерживая нахлынувшую на него радость, Толя послал в эфир известие о себе и попросил разрешения на посадку. Не успел он оповестить об этой планете экипаж, как был получен ответ:

— А откуда вы?

— Мы с планеты Земля! — торжественно сказал в микрофон Толя; торжественно потому, что любая планета сразу должна понять, что звездолет летит с высокоразвитой, цивилизованной Земли и его прибытие сюда — честь для планетян.

Толя увидел в иллюминатор огромную, чуть выпуклую поверхность небесного тела, расчерченную прямыми линиями каналов, с подковами плотин, правильными квадратами полей, которые были засеяны ярко-красными, темно-синими и фиолетовыми растениями, неизвестными на Земле...

— Мы вас не сможем принять! — сказал ясный, чистый и очень мягкий голос.

Сердце у Толи похолодело:

— Почему? Мы летим в поисках неведомых цивилизаций и многое можем рассказать о себе...

— Вы нас не интересуете, — так же мягко и вежливо прозвучал в динамике голос. — Вы когда-то взорвали над городами две атомных бомбы и уничтожили десятки тысяч людей — наши приборы записали...

— Это не мы! — запротестовал Толя. — Не мы, а другие!... Мы не виноваты! Это было очень давно... Наши предки тоже возмущались этим варварством...

Однако голос в динамике не стал с ним спорить и доказывать свою правоту.

— Вы испытываете в чем-нибудь недостаток? — вежливо спросил он. — Можем выслать транспортную ракету с продовольствием и горючим, с запчастями, с картами и перегрузить все это в воздухе на ваш корабль.

Внизу распростерлись непонятные квадраты воды — то черной, то желтой, то белой как снег; потом появились поля с какими-то диковинными высоченными многоцветными гранеными конусами. «У них, наверно, очень своеобразная, сложная для контактов цивилизация! — подумал Толя. — Вот бы где нам побывать!»

— Спасибо, — ответил он, — у нас на борту все в порядке, но мы б очень хотели...

— К сожалению, это невозможно, — мягко ответил все тот же голос, и Толя резко повернул штурвал вправо.

Планета исчезла из иллюминатора. Звездолет мчался дальше.

Несколько минут Толя не мог опомниться: чего-чего, но этого он не ожидал. Оказывается, на других столь отдаленных планетах знают про Землю и даже про то, что было на ней в стародавние времена. И не хотят понять, что все это случилось не по вине их предков. Почему эту странную планету не интересует то прекрасное, что давно уже пришло на Землю, которая не знает войн и живет в дружбе и согласии?

Почему?

Глава 19. «СЧАСТЛИВОГО ПРЕБЫВАНИЯ...»

Несколько часов сидел Толя в рубке и не мог думать ни о чем другом. Потом сменить его пришел Колесников и спросил:

— Что новенького? Что-нибудь встретил на пути?

— Ничего. — Толя не хотел говорить с ним об исчезнувшей планете. И даже с Алькой не хотел — Алька и без этого был расстроен. И Жоре и уж давно Леночке не надо было знать о его неудачной попытке опуститься на ту планету...

Потом в кресло сел Колесников, а Толя пошел в свой отсек, прилег на койку и незаметно для себя уснул. Проснулся он от громкого голоса Колесникова, раздавшегося из динамика:

— Я вас понял, идем на посадку!

Толя вскочил с койки и ринулся к рубке, столкнулся в коридоре с Алькой, который сломя

голову тоже летел к рубке. Они гулко и больно стукнулись лбами, и Толя даже упал. Но тут же вскочил. Алька все же первый вбежал в рубку.

— Не нужно пока что планет! — крикнул он Колесникову. — Дай нам отдохнуть...

Колесников даже бровью не пошевелил — и, между прочим, правильно, по мнению Толи, сделал: успеют еще отдохнуть...

Колесников включил тормозные двигатели и повел звездолет вниз. Потом спокойно сказал, и, что там ни думай о Колесникове, тоже довольно правильно:

— Обжегся на одной планете, так, думаешь, и другие такие же?

— Опять что-нибудь случится! — выдохнул Алька.

— Исключено. — Колесников кивнул на иллюминатор. — Вы гляньте туда...

Внизу под ними открылся огромный, залитый мягким светом город с прямыми широкими улицами, обсаженными деревьями, с квадратами скверов, с фонтанами, с диковинной мозаикой на стенах зданий.

— Ясно вам, дорогие земляне, что здесь нам нечего опасаться? — спросил Колесников. — Все по местам! Привязаться!

Звездолет развернулся и пошел на посадку, и не на какую-то узенькую полянку в океане дремучих, первобытных лесов, а на ровные и гладкие голубые плиты космодрома.

— Захвати на всякий случай пистолет, — все-таки попросил его Алька. — Мало ли что...

— И не подумаю!

И в это время корабль на положенном от планеты расстоянии автоматически выпустил шасси и очень мягко сел на плиты.

— Не забудь альбом для рисования взять! — почти приказал Колесников. — Здесь ты его весь заполнишь...

И вот, как и прежде, уже во второй раз, двинулись они по люковому трапу к двери, в ярких, светящихся пилотках и комбинезонах. Колесников вставил в скважину двери ключ, повернул четыре раза, и экипаж замер в ожидании решения электронного устройства. С точностью до единой доли секунды устройство сработало и уверенно проговорило: «Выход разрешен и даже желателен... Счастливого пребывания на этой планете!»

— Bravo! — крикнул Жора. — Наконец-то! Леночка тоже облегченно вздохнула и заулыбалась:

— Я тоже соскучилась в этом звездолете... Так хочется размяться, попрыгать, потанцевать...

Один за другим ступили земляне с трапика на голубые плиты космодрома и тотчас услышали музыку: тихая, сдержанная, она висела в воздухе — он был непривычно синеват — и почему-то наполнила ребят чувством радости, близких удач и полной безопасности. И здесь же они увидели метрах в двадцати от звездолета двух мужчин и женщину с букетиками цветов. Они ждали их, пришельцев с другой планеты.

Они были очень похожи на людей Земли, и лишь волосы... Да, да, лишь одни волосы у них были

странные — красные, синие, голубые... И были эти люди очень молоды — лет на пять старше их, землян, — и очень стройны, высоки и, конечно же, красивы... Ах, до чего они были красивы и приветливы, эти трое, встречавшие их!

И когда они медленно шли к ребятам, улыбаясь и махая руками, их легкие, полупрозрачные костюмы мягко и таинственно искрились.

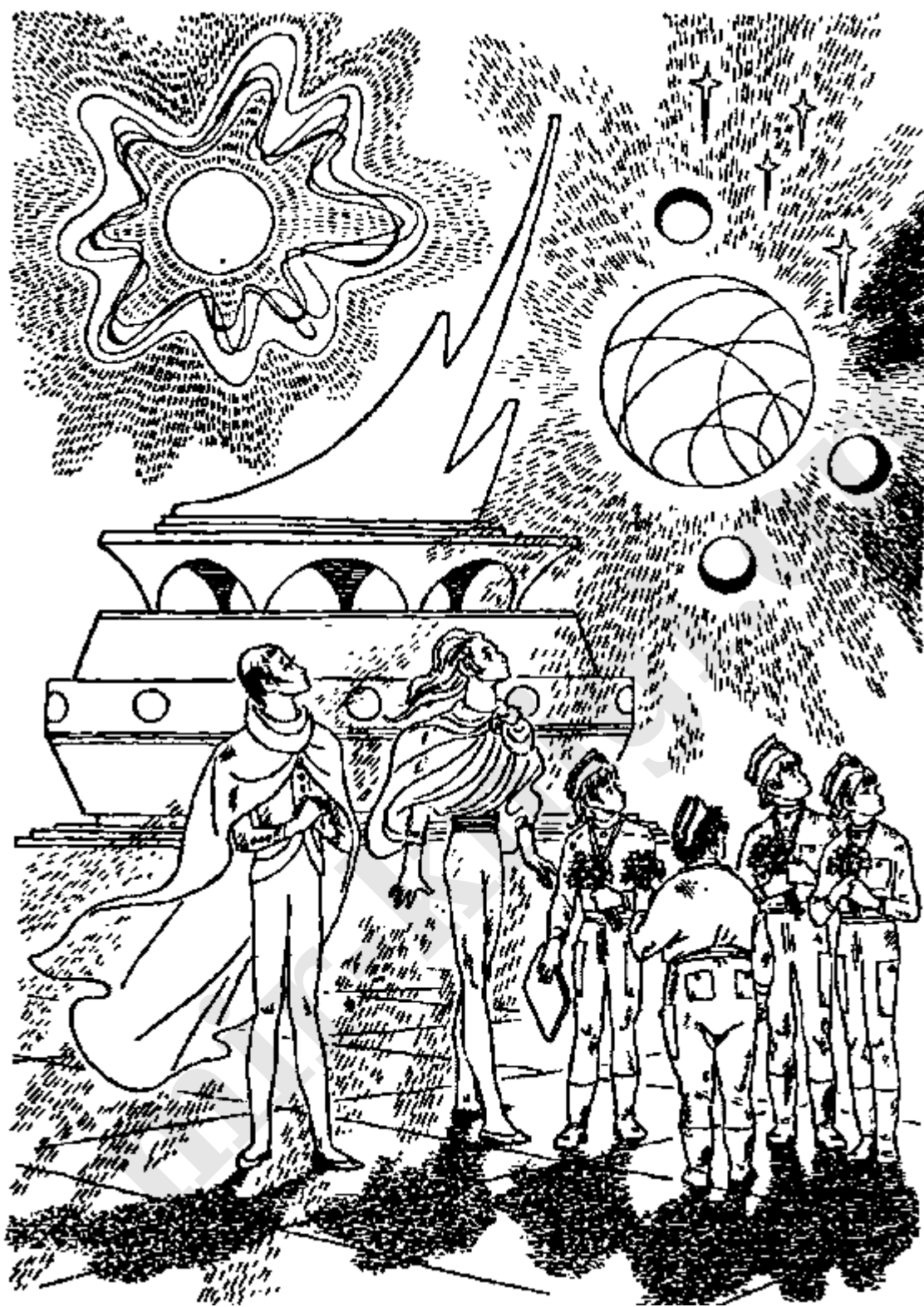
— Мы поздравляем вас с благополучным прибытием, — негромко сказал мужчина с короткими синими волосами. — Спасибо, что вы удостоили нашу планету своим посещением.

— Не за что, — слегка смутившись, сказал Толя. — Это вам спасибо за встречу и доброту.

В ребячьих руках появились тоненькие букетики. Мелкие звездочки цветков излучали тончайший аромат. Первый букет, как это бывает и на Земле, вручили Леночке, потом — остальным. И уж самый последний — Колесникову. Дело в том, что он вдруг вспомнил, что, вопреки инструкции по эксплуатации «Звездолета-100», он не закрыл на ключ дверь корабля и побежал к нему, встал на трапик и — маленький, плотный, в белом комбинезоне — потянулся к двери, вложил в узкую щелку ключ и громко щелкнул им. И здесь Толя заметил, как в глазах встретивших внезапно вспыхнуло недоумение, и спокойно разлитая в воздухе музыка как будто бы дернулась и стала слегка спотыкаться, и сам синий воздух чуть-чуть потемнел... В чем дело?

Наконец Колесников вернулся, получил свой букетик и стал вертеть в руках, не зная, как от него избавиться, и наконец незаметно сунул его в руку Леночке.

— Как прошел полет? — спросил синеволосый. — Нет больных на борту?

— Что вы, мы здоровы! Дай бог всем быть такими! — Жора провел ладонями по своим круглым щекам, и они заскрипели, как яблоки.

— Не стосковались по своей планете? — спросил человек с красными волосами.

— Вот это есть... — сказал Жора. — В космосе, как говорится, хорошо, а дома лучше.

— Да не слушайте вы его! — не вытерпела Леночка. — Ни капельки нам не грустно.

Она во все глаза рассматривала планетян, их лица, их глаза, такие внимательные, доверчивые,
Заблудившийся звездолет. Семь дней чудес

открытые, их удивительные неземные полосы. И конечно же, с особым вниманием смотрела Леночка на девушку, на ее легкое, искрящееся платье.

— Вы, наверно, хотите отдохнуть после полета? — спросила девушка.

— Нет, что вы! — сказал Толя. — Мы совсем не устали. Мы бы очень хотели познакомиться с вашей планетой.

— Пожалуйста... Что вас интересует в первую очередь? Наверно, после длительного полета вы хотели бы поесть?

Толя с ужасом посмотрел на Жору: вот-вот ляпнет что-нибудь! Но лицо того застыло, напряглось, покраснело; ох, как, видно, хотелось ему сейчас подзаправиться, но Жора героически боролся с собой. Одновременно с Толей бросил на него взгляд Алька и сказал:

— Простите нас, но хорошо бы... Стосковались мы в полете по жареной картошке и клубнике со сливками...

Жора благодарно блеснул в Алькину сторону глазами, и Толя вздохнул: Алька оказался добрей его...

— Просим... Сколько угодно! — весело, в один голос ответили планетяне. — Мы, признаться, тоже не прочь что-нибудь поесть...

— Пришлите, пожалуйста, машину на восемь мест, — негромко сказал куда-то в сторону мужчина с красными волосами, и через несколько секунд в небе что-то мягко прожужжало, возле них опустился вертолет — легкий, открытый, прозрачный, из неизвестного материала, с двумя такими же прозрачными винтами сверху.

У Колесникова прямо-таки глаза полезли на лоб.

— Как вы его вызвали?

— Очень просто, — ответил мужчина. — Позвал его, и он прилетел... Займите, пожалуйста, свое место.

Все уже сидели, кроме Колесникова; он стоял рядом с машиной и пытливо трогал руками прозрачную обшивку большой удобной кабины.

— А где же пилот? — недоумевал он. — А где помещается двигатель? В этой маленькой коробочке?

— Разумеется, — сказал мужчина. — Здесь он еще большой... Вы садитесь, а то все проголодались...

Но Колесников уже ни о чем не мог думать, ни о чем, кроме этого прозрачного чудо-вертолета. И когда он наконец влез в него, он не присел, а все ощупывал, оглядывал, прикидывал что-то в уме. И когда они прилетели к большому прозрачному зданию, Колесников сказал:

— Вот это я понимаю! Как у них все удобно и просто... Они довели свою технику до совершенства. Все так продумано и упрощено, что и техники никакой не видно... Даже непривычно как-то! Смотрю на нее, думаю — и ничего не могу понять. А мне казалось, мы всех обогнали...

— Вы с какой планеты, ребята? — спросила девушка.

— Мы с планеты Земля! — не без гордости сказал Алька. — А как называется ваша?

— Мы ее называем Планетой Добрых Стремлений, — ответил красноволосый, — а соседние с нами планеты называют ее Планетой Совершенства, но это не так: нам еще далеко до совершенства, да к тому же полного совершенства невозможно достичь, к этому можно только стремиться, что мы и делаем...

И Толя сразу понял: вот она, та планета, побывать на которой он мечтал!

Больше всего мечтал!

Скоро они вышли из вертолета. Одежда планетян, как заметил Толя, при движении не только легко и приятно искрилась, но и непостижимо каким образом рождала тихую, мягкую, добрую музыку.

Планетяне и пришельцы вошли в дом, уселись за легкие столики, и на них в ту же минуту неизвестно откуда появились четырехугольные прозрачные тарелочки с разными салатами и такие же прозрачные тарелочки с супом.

Планетяне, чтоб не мешать им, уселись в сторонке и принялись есть то же самое.

— Вот где мы проживем, правда? — шепотом спросил Толя у Колесникова. — Проживем, а там будет видно...

Командир, наверно, не принял еще твердого решения, потому что пожал плечами и потер крепким кулаком лоб.

— Возможно. При условии, что они не будут такими мудреными и странными. И еще: если я пойму, как у них все это устроено.

— Пойдем, — сказал Толя. — Постараемся понять...

— А какие они красивые! — проговорила Леночка. — А какая у них музыка!

Я нигде не слышала такой. Так и хочется танцевать под нее, да неловко... И где они, музыкальные инструменты, рождающие ее?

— Выясним, — уверенно сказал Толя.

— А как они одеты! — не умолкала Леночка. — Их одежда так мягко искрится, издает эту нежную музыку... Ничего похожего не видела и не слышала...

— Еще не то увидишь и услышишь во Вселенной, — заметил Толя.

— Но знай, — вмешался в разговор Алька, — и мы достигнем такого совершенства и, может, даже обгоним их, и они прилетят к нам учиться...

— Хорошо бы... — вздохнула Леночка. — Мальчики, не поднимайте меня на смех, но мне бы хотелось иметь платье, в каких здесь ходят...

— Попросим, авось дадут, — сказал Толя.

Они восхищались этой планетой и не забывали об еде. Съев свой суп, Жора сказал: «Еще хочу», и перед ним появилась новая тарелка, потом еще...

— Остановись, — попросила Леночка, — оставь место на второе и третье...

— На все хватит, я человек больших возможностей, — заявил Жора, продолжая есть.

— Но что они подумают о тебе и о нас?

— Пусть думают что хотят... Какие мы есть, Леночка, такие и есть, и нечего пускать пыль в глаза. Не надо думать, что подумают о нас, а надо думать, как остаться собой, никого не обижать и не обманывать...

Толя с изумлением слушал его: ну и Жора! Мудрец! Философ!

Жора между тем ел мягкое, нежное, прямо тающее во рту жареное мясо с ломтиками каких-то неведомых овощей, пил какие-то необыкновенно вкусные соки в узеньких невесомых стаканчиках — один такой стаканчик он на всякий случай прихватил с собой; плотное, круглое лицо его лучилось радостью и удовольствием.

Глава 20. «НЕ СПЕШИТЕ, ОСТАНЬТЕСЬ...»

— Ну и молодец он у вас! — сказала девушка, посмотрев на ребят. — Весельчак! С ним не соскучишься в полете...

— Что правда, то правда... — Жора поднял от тарелки лицо и подмигнул землянам. — Ненавижу пресных и унылых... Как суп без соли! И вы знаете, они еще не хотели брать меня с собой... А про вашу планету скажу — отличная!

Толя быстро встал из-за стола:

— Большое вам спасибо за прекрасный обед! Никогда не ели ничего вкусней! Теперь бы нам хотелось познакомиться... — Толя глянул на Леночку и вдруг сказал совсем не то, что хотел: — С вашими магазинами для девочек, если такие есть...

— Пожалуйста, — сказала девушка, — если вы уже сыты, прошу... Машина вас ждет...

Они летели низко, чуть выше плоских крыш, и видели, как диковинно сверкает на торцах домов великолепная, многоцветная, огромнейшая мозаика, как под негромкую, плавную, успокаивающую музыку, разлитую в чистом воздухе, высоко струятся, ниспадая вниз, фонтаны — фиолетовые, желтые, синие, красные и даже черные, но не мрачно черные, а задумчиво, углубленно черные; они видели, как быстро и бесшумно проносятся над домами легонькие одно- и двухместные вертолетики с горожанами. Эти машины здесь, видно, были распространены, как когда-то у них на Земле велосипеды.

В большом пятиэтажном здании находилась одежда: в особых отделениях висели тысячи разнообразных платьев, юбок, курток, шляпок, плащей, пальто, лент, тканей...

— Ой, — вырвалось у Леночки, — сколько всего! И каждая вещь искрится! У вас можно взять все, что хочется?

— А как же иначе? — улыбнулась девушка. — Пожалуйста, прошу.

— Только поскорей, — попросил Колесников, — здесь есть кое-что и поглавней, поинтересней...

— Нет, мальчик, вы ошибаетесь, — сказала девушка. — У нас все главное, все интересное... Разве можно без красивого платья или туфель хорошо себя чувствовать?

— Вот видите, мальчики... — обрадовалась ей поддержке Леночка. — Подождите меня, я мигом вернусь.

— Хорошо, — сказал Алька. Он очень хотел пойти с нею, но не посмел, потому что неожиданно вспомнил о суровом разговоре насчет Леночки. О нем давно забыли мальчишки, но все-таки...

— А мне можно с тобой? — спросил Жора, оглянулся на членов экипажа, застенялся и сказал: — Нет, я не пойду, иди одна и выбирай, что тебе хочется...

Планетяне улыбнулись, и Леночка исчезла в здании. Местные жители входили и так же быстро выходили из него с небольшими свертками или уже переодетые. Леночка пропадала в нем, наверно, полчаса. Наконец она появилась у выхода в своем ярко-фиолетовом комбинезоне. Руки у нее были пусты...

«Странно! — подумал Толя. — Ничего не понравилось?»

Однако лицо ее пылало от радости.

— Что ж вы ничего не взяли? — спросила ее девушка с голубыми волосами.

— Не нашли нужного размера и хорошей расцветки?

— Что вы! — сказала Леночка. — Нашла! Все нашла! Слишком много нашла, поэтому и не взяла ничего, чтоб не расстраиваться... Одна вещь прекрасней другой. И какие фасоны, тона! Какая ткань! Каждая излучает свою музыку... У вас везде музыка!

— А как же иначе? — сказала девушка. — Как можно жить без нее? Она всегда звучит вокруг нас и в нас, радуется и подсказывает все лучшее, до чего мы еще не додумались, напоминает о том, что мы уже забыли; без нее мир был бы пуст и беден. Нам очень лестно, что людям Земли понравились наша еда и наша одежда...

«Она что, всерьез? — слегка обиделся Толя. — Думает, что мы прилетели к ним только для того, чтоб оценить их пищу и одежду?... Она глубоко ошибается, если так думает...»

Между тем Колесников подошел к мужчинам:

— Есть у меня одна очень важная просьба...

— Пожалуйста! — Планетяне посмотрели на него с готовностью немедленно выполнить не одну, а любое количество его просьб.

— Я от рождения поклонник точных наук, люблю технику, и она безотказно слушается меня... Я бы очень хотел прокатиться на этом вашем вертолете и включить такую скорость, чтоб машины даже видно не было.

Планетяне слегка смутились и переглянулись.

— Можно, конечно, можно, — сказал мужчина с синими волосами, — но одному это опасно... Как бы вы не разбились... Рядом с вами должен находиться кто-нибудь из нас...

— Зачем? Вы не доверяете мне?

— Вы немножко переоцениваете себя и знание нашей техники, она ведь совсем иная, чем у вас на...

— Я знаю не только земную технику, — ответил Колесников.

В воздухе сразу чуть потемнело, и зазвучала негромкая, но тревожная музыка, и от нее у Толи побежали по коже мурашки.

— Вполне возможно, — сказал мужчина с красными волосами, — но если в полете есть хоть малейшая степень ненужного риска, мы не можем допустить...

— Да они что, сговорились с Землей? — шепотом спросил Колесников у Толи. — И там не разрешают, и здесь...

— Мальчик, не волнуйтесь напрасно, постарайтесь понять нас, — сказала девушка, — мы ведь желаем вам добра...

И только она сказала это, как в воздухе посветлело и раздалась уже не тревожная, а легкая, чистая, успокаивающая музыка.

— Спасибо, — проговорил Колесников. — Мы решили лететь дальше...

«Мы? — подумал Толя. — Зачем он говорит за всех? Нельзя так быстро улететь отсюда!»

— Что вы, мальчики! — прямо-таки испугалась девушка. — Вы ведь ничего еще не видели на нашей планете...

— Почему не видели? Видели, и нам этого вполне достаточно, — сказал Колесников. В почерневшем, как ночью, воздухе зазвучала пронзительная, словно набат, музыка. Ребята немножко растерялись и стали оглядываться.

— Вы не должны так думать, — сказал мужчина с синими волосами. — добро — главное в нашей жизни, вы поймете это, если останетесь хотя бы на три дня, вы тогда будете свободны от всего...

— От чего? — спросил Алька.

— От некоторых заблуждений, от того, что мешает вам жить и видеть мир прекрасным, таким, какой он есть...

— Вы нас доставите к звездолету? — стараясь говорить как можно вежливей, спросил Колесников.

— Разумеется... Но почему вы так быстро хотите улететь от нас? — заговорили сразу оба. — Не спешите, останьтесь! Мы можем быть полезными для вас и для вашей Земли, мы...

Глава 21. ЗАЛП

— К звездолету, — негромко подал команду Колесников.

Не прошло и минуты, как возле них бесшумно опустилась все та же удивительная летающая машина, они влезли в нее и быстро поплыли в воздухе.

Внизу стлалась густая зелень парков, и в воздухе, который был окрашен в мрачно-

печальный, прощально-сумеречный свет, зазвучала тихая, грустная музыка.

Уже у самого звездолета мужчина с красными волосами задумчиво сказал им:

— Мы бы очень просили вас пожить здесь, нам так жаль расставаться с вами...

— Мы не можем! — Колесников вскочил на трапик, вытащил из-за пазухи комбинезона ключ и вставил в скважину двери.

— Может, вам тогда нужны какие-нибудь лекарства, пища, одежда, топливо, запасные части?

— Спасибо, они у нас есть... Прошу на посадку! — приказал Колесников (члены экипажа, громко топая, гуськом полезли по трапу в люк), задраил дверь и бросился в рубку управления.

— Какой ты все-таки неотесанный! — вздохнула Леночка, когда они уже взлетели. — Что ты говорил им, как вел себя! Это не укладывалось в их голове...

— Стоп! — остановил ее Колесников. — А сама? Забыла, как восхищалась их музыкальными платьями?

— Но ведь у нас таких нет...

Она отвернулась от Колесникова и пошла в свой отсек.

— Эх ты, Колесников! — сказал Толя. — Улетели с такой планеты!...

— Не огорчайся, найдем что-нибудь получше! — улыбнулся командир. — Как мы могли остаться, если они не доверяли нам?

— Ничего ты не понял! — Толя махнул рукой и ушел к себе.

Он сидел в своем отсеке и думал. Выходит, отец прав: во Вселенной существуют планеты куда более совершенные, чем Земля, жители их шагнули куда дальше землян. Или, может, они, ребята, улетевшие в звездолете, далеко не самые лучшие земляне? Что ж, может быть... Эх, узнать бы, как на покинутой ими планете достигли таких чудес. Отчего, например, искрится их одежда?

Почему вдруг меняется окраска воздуха и вместе с ней музыка? Каким образом летают их странные вертолеты? Как появились на столе тарелки с едой?

Были у Толи и сотни других вопросов; ни на один из них не успел он получить ответа...

Один Жора не слишком огорчился: все-таки на этой планете ему удалось наконец прийти немножко в себя, расправить руки, разогнуть спину, погреться в лучах местного солнца и, уж конечно, уж конечно... Словом, теперь опять можно несколько дней терпеть эти полосатые тубики с пищей...

Вдруг он услышал в динамике голос командира:

— Жора, тебе заступать на вахту.

Идти не хотелось. Но Жора заставил себя подняться с койки, сладко потянулся и пошел в рубку управления.

— Способен вести корабль? — смерил его ироническим взглядом Колесников.

— А почему же нет?

— Ну, тогда желаю... — Колесников ушел из рубки.

Примерно к концу смены Жора заметил вдали небольшую красноватую планету и повел к ней звездолет. Послал, как обычно, радиозапрос и довольно быстро получил ответ: «А вы кого поддерживаете — черных или желтых?» — «А кто это?» — спросил Жора и повторил фразу, что они летят с Земли и с самыми добрыми намерениями. Из динамика раздался странный смешок, и Жора так и не понял, разрешено ли ему сделать посадку.

Разбудить Колесникова? «Нет уж. Нечего его будить, — решил Жора. — А планета, кажется, не против посадки. — И повел звездолет на сближение с планетой. — Возьму и посажу его сам...»

Корабль пробил сильную облачность и нырнул к планете. Жора посмотрел в иллюминатор и содрогнулся. Перед ним был горящий город. Он был огромный — конца-края не видно, скученный, тесный и весь затопленный огнем и черным дымом. Горели высокие дома, рушились стены — совсем как в кадрах старинной военной кинохроники, сохранившейся на Земле.

Город был полон взрывов... Его обстреливали? Бомбили с неба? Жоре стало не по себе. И все-таки любопытство было сильнее страха и не хотелось улетать от этой планеты. Он миновал город, выбрал ровную пустынную местность, снизился и увидел в оптическое устройство: какие-то громоздкие машины двигаются вперед и палят из труб, извергая дым и огонь. За ними бегут какие-то люди с маленькими трубочками в руках и тоже палят... Да что они, в своем уме?

Жора повел звездолет дальше и увидел вдали что-то синее, что-то вроде моря с зелеными пятнами островов. Подлетев поближе, он заметил на воде какие-то плоские махины с башнями, утыканными длинными трубами, — из них тоже извергался дым и огонь и раздавался такой грохот, что даже Жоре было слышно.

Потом от одной такой плавучей махины быстро побежало что-то похожее на рыбку, побежало в белых бурунчиках к другой махине, ударилось в нее, и вверх взметнулся столб густого черного дыма, и эта другая вдруг переломилась надвое, с нее посыпались в воду какие-то похожие на муравьев существа... Не люди ли? Обе разломанных половины стали тонуть, и далеко по морю пошли высокие пенные волны...

«Ну и планета!» — ужаснулся Жора и повел звездолет подальше от этой морской синевы. Он обогнул планету, увидел ярко-синие квадраты какой-то растительности и направил звездолет пониже, еще ниже... И заметил ряды бегущих людей. Они бежали и палили из узеньких трубочек, и синяя растительность впереди них и по сторонам горела, дымилась, и люди бежали с широко открытыми ртами, что-то выкрикивали и падали. Вокруг них что-то разрывалось, и на месте разрывов оставались черные, как оспины, ямы.

«Да что они, и правда посходили с ума? — возмутился Жора. — Куда ни глянь — везде воют. Жить им надоело, что ли?»

Он поднял звездолет вверх и полетел дальше. И внезапно увидел внизу огромный разбившийся космический корабль с разорванным во многих местах корпусом, искореженной обшивкой, разбросанными вокруг обломками и деталями двигателей... Взорвался отчего-то в воздухе? Врезался на полной скорости в поверхность планеты?

Жора поежился.

А где-то вдали, далеко-далеко отсюда, светится во Вселенной его Земля — добрая, теплая, ясная, совершенно безопасная и надежная, с которой случайно ушел он с ребятами в этот полет...

Жора опять стал вглядываться в эту дымную планету.

Хорошо бы сесть на нее, поговорить с кем-нибудь из жителей, выяснить, в чем дело: почему они воют... Но куда сесть?

И все-таки Жора не терял надежды, что найдет хоть маленький клочок территории, где тихо, спокойно и ничего не горит, не дымится, не стреляет, не напоминает о страшных авариях.

Наконец Жора отыскал такой клочок — на противоположной стороне планеты. Там стояли густые зеленые леса, радовали глаз круглые и квадратные полянки и было совершенно безлюдно, тихо, спокойно. Жора повел звездолет на посадку, на одну из таких удобных полей. И когда до планеты оставалось с полкилометра, случилось что-то странное: маленький островок деревьев быстро отъехал в сторону и на его месте оказались какие-то черные, уставленные в небо трубы; из них вырвался огонь и облако дыма, штурвал в Жориных руках без всякого его вмешательства резко повернулся в сторону, и звездолет так дернулся и рванул вверх, что Жора оглох от взрыва и вылетел из кресла.

Дверь рубки открылась и к штурвалу метнулся Колесников.

Жора, не понимая, в чем дело, катался по полу рубки, а Колесников уже сидел в кресле, и обе руки его твердо лежали на штурвале. Жора встал, потирая ушибленную голову.

— А ты молодец, вовремя отклонился в сторону! — похвалил его Колесников.

— Ничего я не отклонялся, штурвал сам сработал и даже меня сбросил с кресла, — признался Жора. — Как это он так?

— Кибернетика, электроника!

— Понятно... А что это за планета?

— Это Планета Постоянных Войн, а ты хотел сесть на нее, довериться ей. Есть у тебя ум и соображение?

Глава 22. ХОТЯ БЫ КРАЕШКОМ ГЛАЗА

— А ты не кричи! — сказал Жора. — Кто ж думал, что есть такие ненормальные планеты?!

— Тихо, — попросил Колесников и вместе с пилотским креслом повернулся к другим членам экипажа, сбежавшимся в рубку. — Лена, принеси, пожалуйста, мази, у него две шишки на голове вздуваются...

— Не нужно мне никакой мази! — заупрямился Жора.

— Ладно, оставайся с шишками, — проговорил Колесников и слегка смягчившимся тоном добавил: — Война ведь там, мы могли погибнуть. Не обижайся...

— Я и не обижаюсь. — Жора шмыгнул носом, видно, раздумывая, что бы еще такое сказать, однако ничего не придумал и посмотрел на Леночку: — Можешь смазать мне голову мазью.

Леночка вышла из рубки, и Колесников проговорил:

— Боюсь, на звездолете осталась вмятина от того залпа, после посадки посмотрим...

— Ты хочешь еще куда-нибудь сесть? — встревожился Алька. — После всего того, что было?

— Никаких посадок! — выдохнул Жора. — На одной планете нас едва не съели дикари, возможно, людоеды, на второй мы ни за что обидели хороших людей, на третьей нас чуть не подстрелили, как воробьев... Чего ж нам еще ждать? За что терпим такие лишения? Ни на травке полежать, ни искупаться в море, ни позагорать на песочке...

Мальчишки молчали, но Жора уже чувствовал, что вовремя заронил в них искру сомнения, и продолжал:

— Нам нечего здесь больше делать, и я считаю, надо сейчас же возвращаться на Землю...

— Это легче всего, — сказал Толя. — Нельзя пасовать перед неудачами, мы еще встретим столько прекрасных планет...

— Аля, а как ты считаешь? — спросил Жора.

— Я? Я... Ну как вам сказать... (У Толи тревожно забилося сердце: неужели Алька поддержит Жору?) Вообще-то путешествовать интересно. — Но... — стал подсказывать и торопить его Жора, и это, видно, задело за живое Альку, и он сказал:

— Но с возвращением не надо спешить!

— Нет, надо! — Жору просто нельзя было узнать. — Какой толк, что мы блуждаем во Вселенной...

— Мы не блуждаем! — поправил его Колесников. — Мы летим точно по выбранному курсу, по звездным картам...

В это время в рубку заглянула Леночка, открыла коробочку, велела Жоре нагнуть голову и уверенно мазнула пальцем по двум, сильно обозначившимся шишкам.

— Ой, уже не болит! — удивился Жора. — Просто волшебная мазь!

— Уходите все отсюда, вы мне мешаете думать и прокладывать путь, — сказал Колесников.

— Значит, ты против того, чтоб вернуться? — спросил Жора.

— Против! Мы еще мало что видели... Мы все испытаем, проверим корабль в работе, выжмем из него неслыханные скорости...

— Ура, Колесников! — закричал Толя. — Мы не из пугливых, не из тех, кто не доводит дело до конца! Мы ни за что не вернемся назад, пока не откроем новых планет...

— Ты опять за свое? — поморщился Колесников.

— Я больше не буду... — спохватился Толя. — Дело ведь не в словах, а в сути, а суть такова, что необходимо...

— Говори попроще, — попросила Леночка. — Я тоже не спешила бы на Землю...

— Как хотите, — сказал Жора, — только мне все это осточертело.

— У тебя нет серьезной цели в полете, — ответил Толя. — Если б она была, ты не говорил бы такое...

— Ребята, хватит, выйдите из рубки, — сказал Колесников. — Первая вахта моя, потом — Толина, затем — Лены... Думаю, ты не поставишь звездолет под удар в случае чего...

— Никогда! — заверила его Леночка. Все, кроме Колесникова, вышли из рубки, разбрелись по своим отсекам. Больше не было сказано ни слова про Землю, но искра сомнения, оброненная Жорой, все-таки разгоралась. Толя ни о чем, кроме как о Земле, не мог уже думать.

Он вспомнил отцовское лицо, голос мамы, смех Сережи Дубова, легкий, скользящий шум лифта в их доме, пыхтение дворников-роботов на бульваре Открытий, аромат роз в их дворе, гул и веселье Сапфирного. Он вспоминал позеленевшие от времени зубчатые башни над морем, ласточек, огромные просторы Земли, где давно уже нет таких вот, как здесь, дикости и войн, когда тебя могут укокошить крошечным кусочком металла, сбить в полете снарядам, прикончить каменным топором...

Отсек теснил Толю, жал со всех сторон, давил. Ему вдруг стало очень душно — прямо нечем дышать! — он выскочил в коридор и заглянул в салон. Заглянул и замер. У стенки, в кресле, сидел Алька и, откинувшись, пристально смотрел на картину, на ее подводный мерцающий зеленоватый сумрак с таинственными блестками проплывающих рыбок... Конечно же, это была картина его прославленного отца, и космонавты «Звездолета-100», надолго улетаая, брали ее в память о Земле...

Алька так вглядывался в картину, так был втянут в нее, что не заметил Толю. И Толя тихонько ушел в свой отсек, чтоб не мешать Альке думать и вспоминать.

И еще сильнее захотелось Толе хотя бы краешком глаза увидеть Землю, любой, даже самый неинтересный ее уголок.

Это было так легко: нажми кнопку, и на огромном телеэкране в салоне появится она. Но Толя помнил распоряжение Колесникова: не нажимать кнопку. И все-таки он не смог вытерпеть и нажал кнопку в своем отсеке. И сразу на небольшом блестящем экране появился Сапфирный с разноцветными авиолетами на улицах и даже... Толя даже мельком увидел свой дом из голубовато-синих пластиковых плит и услышал негромкий голос сестры, читавшей на телестудии стихи о Сапфирном.

Толя подобрался весь. Притих. Сапфирный был так далеко от него и был почти рядом! Голос сестры негромко звучал в отсеке, заполнял его, и с ним не было так одиноко.

Однако ее голос могли услышать и другие, например Колесников. Вдруг он захочет размять ноги и пройти по коридору мимо его двери? А Толя, как и все другие, знал, что не только в салоне, но и в отсеках нельзя включать экран.

Он нажал кнопку, и экран погас.

Толя вышел в коридор. У двери отсека N 3 он замедлил шаги и прислушался. За Леночкиной дверью негромко звучал тот же голос. Сердце у Толи часто-часто забилось. Теперь он боялся одного: как бы Колесников не услышал. Пусть хоть она спокойно послушает Землю, а уж он, Толя, постарается, чтоб Колесников ничего не узнал...

И Толя вошел в рубку.

Колесников сидел в пилотском кресле и задумчиво смотрел через иллюминатор в холодную синеву Вселенной с густой россыпью звезд, с косыми облаками космической пыли.

— Скоро будет следующая планета? — спросил Толя.

— Судя по картам, да. — Колесников встал с кресла, потопал своими кривоватыми, не привыкшими много ходить ногами об пол. — Пойду похожу немножко по кораблю...

— Постой, мне надо с тобой поговорить...

Колесников опять сел в кресло:

— Ну чего тебе?

— По-моему, теперь нужно высаживаться с величайшей осторожностью и, даже получив разрешение на посадку, надо несколько раз облететь планету, разглядывая ее...

— Все ясно... Ну, я пройдусь.

— Да куда ты рвешься, подожди! — снова начал Толя. — Скажи, пожалуйста...

Глава 23. СИНИЕ РОЗЫ

Алька проснулся от тишины и неподвижности. Он спрыгнул с койки и почти оглох от этой тишины. Даже в ушах зазвенело. И под ногами не вздрагивал привычно пол, и в стенки отсека уже не была влита мелкая дрожь от работы двигателей.

Выходит, что они не летят, а опять куда-то сели.

Алька вышел в коридор. В нем было очень тихо. От двери с номером 5 слышалось сильное, с присвистом, всхрапывание. Ну ясно, это Жора восстанавливает силы, отдыхает от своих неудач и споров с командиром.

Алька подошел к рубке управления: дверь открыта, внутри — пусто. Он посмотрел в иллюминатор, и в глаза ему нестерпимо ударило ярко-зеленым. И чем-то красным. И желтым. И синим. Алька зажмурился. А когда открыл глаза, увидел Леночку. И снова зажмурился: она была не в своем служебном комбинезоне, а в ослепительно белом платье с короткими рукавами. Она стояла среди цветов с большим букетом в руках и кому-то улыбалась...

Кому?

Вокруг нее — ни души. А где же Колесников? Где Толя? Может, Леночка, заступив на вахту, без ведома экипажа сама посадила звездолет? В это трудно было поверить!

Но, кажется, это было так.

Колесников и его экипаж, ни о чем не подозревая, беспробудно спали, а она расхаживала себе с букетом в руках по неведомой планете...

Внезапно Алька ощутил тонкий аромат этих цветов. Он дошел до него сквозь прочные, ничем не пробиваемые стенки космического корабля и заполнил собой всю эту строгую и деловую, пахнущую металлом и пластмассой рубку с точными приборами, стрелками и клавишами.

Алька вышел из рубки, на цыпочках подошел к люку и стал бесшумно спускаться по трапу. Дверь, конечно же, как и в рубку, была настежь открыта, а по инструкции дверь люка по прибытии на другую планету требовалось тщательно закрывать.

Алька высунулся из двери, и его сразу оглушил одуряюще свежий, терпкий аромат и еще резче полоснула по глазам пестрота цветов, росших вокруг звездолета. Они были в росе. Роса искрилась на листьях и лепестках, дрожала, пускала живые острые блики в глаза Альке и на гладкую обшивку корабля. Цветы были раза в два, в три крупней тех, что росли на Земле, а чуть поодаль виднелась целая роща цветов — высоченных, с Альку ростом, а то и выше. Возле них деловито и громко, как вертолеты, порхали бабочки и жужжали пчелы.

Заметив Альку, Леночка заулыбалась и помахала ему букетом:

— Иди сюда!

Алька спрыгнул с трапика в это многоцветное море и по пояс в росистой траве двинулся к ней и так вымок, что брюки прилипли к ногам.

— И я вымокла, не бойся! — сказала Леночка. К одной щеке ее пристал голубой лепесток.

— А где Колесников? — спросил Алька.

— Не знаю, наверно, у себя...

— А где Толя?

— Спит, видно... А почему тебя все это волнует?

Ну конечно же, произошло все так, как подозревал Алька!

— Значит, ты опустилась сюда без разрешения?

— Да забудь ты про свои разрешения и приказы! Здесь так замечательно! Здесь даже растут — посмотри на мой букет! — здесь даже растут синие розы...

А как они пахнут! Я ни разу не вдыхала такого запаха... — Ее лицо горело радостью и отвагой.

— Здесь здорово! — сказал Алька, и сказал не потому, чтоб сделать приятное Леночке, а потому что здесь и вправду было здорово. Как во сне. Как в полной волшебств и превращений сказке. — Что это за планета?

— Откуда мне знать? Пролетала мимо, заметила крошечную планетку: вся многоцветная, пестрая, с зеркалами озер, которые пускают огромные зайчики, один даже попал в звездолет и ослепил меня... Я снизилась, увидела столько цветов, ахнула и решила сделать посадку...

Алька не спускал с нее глаз.

— И ты сама включила тормозные двигатели?

— А то кто же! Колесников? Я ведь назубок знаю назначение каждой кнопки и клавиши, и даже сложный механизм... Ну и посадила на планету корабль...

— Вот и подпускай девчонок к штурвалу! — покачал головой Алька. — Ох и достанется тебе от Колесникова! Ты хоть обратила внимание на то, что сказала электронное устройство возле

двери?

— Я зорко следила за всеми приборами и автоматами... Выход был разрешен и даже желателен...

— А где же ты взяла ключ? Ведь Колесников держит его у себя и никому не отдает.

— Совершенно верно. Но ты заметил, что этот ключик висит на длинной цепочке, похож на серебряную рыбку и очень красив. Ну так вот, накануне вахты я попросила у Колесникова поносить эту рыбку на шее вместо кулона...

— И он дал?

— Еще как! Даже обрадовался, сказал, что эта рыбка красивее моего янтаря с ископаемой мушкой внутри... Я бы так хотела пожить здесь! И как можно дольше!

«Ну и хитра! — весело подумал Алька. — А что дверь звездолета забыла закрыть, это можно простить ей».

— А ты б не хотел пожить здесь?

Алька пожал плечами.

— А еще художник! — сказала Леночка. — Сколько здесь можно написать замечательных картин... Глаз от них не оторвешь!

— Может быть... — замялся Алька. — Я буду писать... Я напишу... Но остаться здесь надолго? Ведь для жизни нужно и многое другое... Что здесь еще есть?

— Здесь есть цветы. Видишь, сколько цветов? Что тебе еще надо?

Алька увидел большие ясные глаза, радостно глядящие на него, и пробормотал:

— Ничего больше не надо...

— Bravo, Алик! — Леночка захлопала в ладоши. — Если Колесников устроит голосование, давайте проголосуем «за»? Идет?

Алька хотел сказать, что все это надо обдумать. Планета, конечно, очень яркая, живописная, но имеется ли здесь какая-нибудь пища не только для бабочек и пчел, но и для человека? Растут ли здесь деревья, чтоб построить из них жилье?

Есть ли вода, годная для питья? Пожить здесь недельку-другую неплохо, но чтоб поселиться надолго... Однако ничего этого Алька не сказал.

— Идет, — проговорил он, увидев ее счастливое лицо.

И тогда Леночка поспешно взяла его за руку:

— Давай пройдемся, я тебе кое-что покажу... Смотри, сколько здесь бабочек! И какие они! Вот бы сюда Толиного отца! Написал бы новый труд о бабочках этой планеты...

Леночка шла чуть впереди, Алька на полшага отставал.

— Смотри, какое озеро! Какие на нем огромные кувшинки, и какого цвета — голубые и алые! На Земле таких нет. А какие у них листья... Не листья — плотики! Тебе они нравятся?

— Нравятся. — Алька покорно шел за Леночкой.

Ему все-таки было немножко не по себе, потому что он не знал, как поведет себя Колесников, когда проснется. Алька предчувствовал — нет, он был почти уверен в этом! — что их командир выйдет из себя из-за такого самоуправства. В этом неприятно было признаться даже себе, но Алька слегка побаивался Колесникова...

— Давай покатаемся на листе кувшинки! — внезапно предложила Леночка.

— Ты что, серьезно? Он же не выдержит нас.

— Прекрасно выдержит, я уже каталась.

Алька вытаращил на нее глаза.

— Когда же ты опустилась на планету?

— Часа четыре назад... Уже два раза купалась. И снова хочу. Здесь такая чистая, прозрачная и вкусная вода!

— И ни один крокодил не съел тебя?

— Представь себе — нет. Здесь подстерегает другая опасность: огромная бабочка может выпустить хоботок, обвить тебя и унести в небо...

Алька засмеялся, подпрыгнул, потом перекувырнулся через голову и еще громче засмеялся. Потом сказал:

— Ну давай купаться... Как давно мы не купались!

Алька стал снимать рубаху.

— Ну что ж ты не...

— Я? — вдруг как-то оробело сказала Леночка. — Я... Да ведь Колесников выбросил на космодроме в Сапфирном мой купальник...

— Нечего страшного, — проговорил Алька, — иди купайся первая, а я пойду вон за те цветы и подожду. И не торопись. Я хоть и нетерпеливый, а могу долго ждать. И если какая-нибудь бабочка захочет тебя унести в небо, кричи погромче, не дам тебя в обиду...

Леночка убежала к озеру, и скоро до Алькиного слуха донесся звучный плеск воды.

Вдруг Алька увидел Толю: он бегал по пояс в траве возле темно-синего звездолета, острым носом нацеленного в небо, и ловил бабочек. Трава блестела в лучах света и колыхалась, расступаясь перед ним. Сачка у Толи не было, он ловил бабочек руками и, поймав, относил в звездолет, и рыжий, веснушчатый нос его при этом горделиво смотрел вверх.

Алька тут же решил помочь ему. Но... Но что если Леночку и впрямь унесет в небо гигантская бабочка?

Да нет уж. Наверно, пошутила. Наверно, даже на неведомых планетах нет таких сильных, хищных бабочек.

Алька стал подкрадываться к черной с голубоватыми волнистыми разводами бабочке. Сложив крылья, она присела на махровый белый цветок, развернула и опустила внутрь него тонкий хоботок. Алька схватил бабочку и, не чуя под собой ног, длинными прыжками бросился к Толе. И вытянул к нему руку:

— Смотри, какую поймал... Нужна?

Толя унес в отсек сразу две бабочки свою и его, — вернулся и сказал:

— Чудо, а не планета!

— А что скажет Колесников? — спросил Алька. — Леночка тоже в полном восторге от планеты. Это она посадила на нее звездолет... Знаешь, что она хочет? Она хочет надолго здесь остаться! И меня уже уговаривала... А как ты относишься к этому?

Толя нервно потер лоб и вздохнул:

— Прекрасная идея... Здесь так хорошо... Здесь столько цветов и бабочек! От благоухания у меня даже с непривычки голова болит...

— Значит, остаемся здесь? — неуверенно спросил Алька. — Ведь если мы втроем примем решение остаться здесь и проголосуем «за», Колесников вынужден будет подчиниться; пусть даже он перетянет на свою сторону Жору, нас все равно большинство!

— Это верно, — уже серьезно сказал Толя. — Здесь хорошо пожить день, два, десять... Боюсь, что потом здесь покажется однообразно. Ведь мы полетели в глубины Вселенной ради того, чтоб постичь...

— Знаю ради чего, не говори! — прервал его Алька. — Идем лучше к озеру, может, Леночка уже кончила купаться... — И Алька громко крикнул.

Она откликнулась, позвала их. Ребята стащили с себя комбинезоны и осторожно, как зимой на непрочную льдинку, ступили на маленький круглый зеленый плотик — лист кувшинки; Толя не без труда перепилил складным ножом толстый, уходящий ко дну стебель листа, и они отплыли от берега. Толя с Алькой — худенькие, загорелые, в одних трусиках — лежали на гладком блестящем листе и гребли руками, а Леночка стояла посередке и громко смеялась.

Внезапно на берегу появилась маленькая фигурка Колесникова. Даже издали было видно, что лицо у него сонное, недовольное. Он подошел к воде, протер глаза и зевнул.

— Кто посадил сюда звездолет?

— Я. А что, тебе здесь не нравится? — спросила Леночка, — раздевайся и плыви к нам!

— А что я тебе говорил? — сказал Колесников. — Или все вылетело из головы? Никто не имеет права по своей воле садиться на незнакомые планеты!

— А ты? — нашлась Леночка.

— Что — что я? — недовольно шевельнул бровями Колесников.

— Ты имеешь право садиться, ни с кем не посоветовавшись?

— Ну как тебе сказать, я... — замешкался Колесников, и Леночка не стала ожидать, пока он выпутается из трудного положения.

— Так вот я и взяла пример с тебя! — засмеялась она. — Разве плохая планета?

— А чем она хороша? — хмуро спросил Колесников: видно был очень недоволен собой. — Немедленно плывите к берегу! Мы сейчас же улетаем отсюда!

— Мы никуда не полетим! — спокойно сказал Толя, уже не глядя на него, а продолжая лежать на гладком упругом листе и загребая прохладную воду руками.

Так они плавали, наверно, целый час, любуясь голубизной неба, блеском двух светил — ярких маленьких местных солнц, давших этой планете тепло и жизнь, отражением в воде громадных раскрывшихся кувшинок...

Колесников что-то кричал с берега, приказывал, размахивал руками, но ребята далеко отплыли от него и ничего не могли слышать. Да и не хотели.

Потом Толя принялся грести руками к берегу, сказав со вздохом:

— Как бы он голосовые связки не повредил...

Скоро ребята стали разбирать его слова, фразы, а потом их громадный лист уткнулся в берег.

— Нечего здесь терять время! — разорвался Колесников. — Мы не для этого полетели в мировое пространство! Правда, Толя?

Он искал у него поддержки, и Толя ответил:

— Правда... Но цивилизация цветов — разве это плохо?... Мы решили отдохнуть и пожить здесь... Раздевайся, Колесников, искупайся с нами и позагорай!

— Я ненавижу купания и загораения во время полетов! — закричал Колесников. — Здесь вам не Земля! Мы — люди дела... К кораблю! — Он махнул им рукой и двинулся к звездолету своим медленным неуклюжим шагом, уверенный, что и они следуют за ним.

Но когда шагов через двадцать Колесников обернулся, он увидел, что они и не думают следовать за ним. Они плавали и ныряли возле своего зеленого плотика, брызгались, и Леночка с радостным испугом визжала.

И тогда Колесников просто вышел из себя:

— Я вам приказываю! Чтоб через пять минут все были в своих отсеках!

Глава 24. НЕПОСЛУШАНИЕ

Внезапно Толя понял, почувствовал: вот когда он должен сказать Колесникову все, что он думает о нем. И Толя сказал:

— А ты, пожалуйста, не приказывай и не кричи!

Колесников недоуменно посмотрел на него.

— Если хочешь, мы проголосуем, кто за то, чтобы улететь, — продолжал Толя. — Хочешь или нет?

Колесников перевел глаза на другие лица и все понял.

— Не хочу, — сказал он уже совсем другим тоном. — Но вы это всерьез? Здесь оставаться? — Он огляделся по сторонам, и, судя по его глазам, все ему здесь было неинтересно и чуждо: и эти склонившиеся над водой цветы, и раскрывшиеся под жаркими лучами громадные голубые и алые кувшинки, и эта пускавшая яркие блики зеркальная гладь озера... Все это, судя по его глазам, не заслуживало внимания.

— Придется тебе, Колесников, подчиниться, — храбро сказал Алька. — Сколько можно гнать и гнать вперед?... Мы устали! Мы-то ведь не моторы, не двигатели какие-то... Мы-то ведь живые! Пора остановиться и подышать чистым воздухом... Я буду здесь рисовать, Толя — ловить бабочек, Лена — собирать цветы... Наверно, и Жора, когда проснется, будет без ума от этой планеты. Здесь можно поваляться на траве, посмотреть в звездное небо и подумать... Здесь так хорошо думается и дышится. И ты постарайся, Колесников...

И тогда Колесников схватился руками за голову и прямо-таки застонал:

— Как здесь можно жить? Ведь ни души вокруг! И ни одного дома! Ни одной автострады! Ни одной разумной машины... Я не могу... Я не вынесу всего этого... Ребята... — И он из твердого, уверенного в себе Колесникова превратился в маленького несчастного мальчика.

— Привыкнешь, — сказал Толя. — Алька прав.

Колесников потупился.

— Хорошо, и я поживу здесь... — едва слышно произнес он. — Попробую... Ведь это ненадолго?

— Там увидим. — Алька опять прыгнул на сверкающий лист кувшинки; лист сильно закачался, и они поплыли от берега.

Колесников отвернулся от них и медленно побрел по ярким, благоухающим цветам и травам к звездолету.

Прошло три дня, и Колесников, тихий и задумчивый, почти не выходил из корабля; он молча ел с ребятами в салоне, почти не разговаривал, умывался в душевом отсеке, хотя остальные мылись и плескались в озере. Что касается Жоры, так он сразу же примкнул к ребятам, и теперь его хохот перекрывал смех других. Ребята гонялись друг за другом по берегу, кувыркались через голову, ныряли в воде и, конечно же, ловили для Толиного отца бабочек. Выяснилось, что год назад Леночка две недели занималась в кружке любителей чешуекрылых

во Дворце юных в Сапфирном; этого срока было маловато, чтоб собрать приличную коллекцию, но вполне хватило, чтоб узнать, как их лучше ловить, умерщвлять и хранить; их, оказалось, нужно аккуратно укладывать в бумажные пакетики. И еще, оказалось, нужно обязательно записывать, где, когда и при каких обстоятельствах была поймана каждая бабочка. Так что охота на них пошла у ребят веселей. Между прочим, Леночка оказалась и самой быstroногой и, наверно, поймала этих бабочек столько, сколько остальные мальчишки, вместе взятые...

Пока ребята веселились, Колесников расхаживал по тесной рубке управления, напряженно о чем-то думал, трогал ручки и рычажки, сигнальные лампочки и циферблаты или рассматривал звездную карту. Или подолгу пропадал в отсеке двигателей...

— Похудел он, — сказал однажды Толя, — и на нас по-прежнему не смотрит... Как бы он не... — Толя осекся.

— Что «не»? — спросил Алька.

— Как бы он не заболел, — ответил Толя. — Я читал, что это бывает в космических путешествиях... Он даже среди нас одинок... Он знает, понимает и любит совсем иное, чем мы с вами, и не так, как мы...

— Что ты предлагаешь? — спросила Леночка.

— Надо лететь, ребята, — сказал Алька. — Он так осунулся, здесь ему все не мило... Пожалеем его, а? Ведь он... Он, по-моему, не совсем такой, каким хочет казаться, и бывает добрым и мягким...

— И я так думаю иногда, — сказал Толя. — Засело в нем что-то с самого раннего детства и мешает быть другим... Пожалеем его! Летим! Впереди нас ждут никем не виданные...

— Затихни, — попросил Жора. — Сколько можно?

— А я останусь здесь! — вдруг сказала Леночка. — Улетайте без меня... Мне не надо ничего другого...

— Ты что, серьезно? — Толя почесал свой рябеный от веснушек нос. — Как ты будешь одна здесь жить? Не страшно будет? Не скучно? И чем ты будешь питаться, когда съешь свою норму тюбиков?

Леночка опустила голову, потом вдруг отскочила в сторону, зажала в кулаке висевшую на шее сверкающую рыбку — ключ от звездолета, и крикнула:

— Не дам вам его, и не улетите! — и побежала вдоль озера. — И не будет мне скучно!

— Это правда? — спросил Алька.

— Что ей не будет с нами скучно? — блеснул глазами Жора. — Истинная правда...

— Да нет, все тебе шутить! — отмахнулся от него Алька. — Что не улетим без ключа?

— Как же улететь, не заперев дверь? — сказал Толя. — В полете должна быть полная герметизация. И потом, этот ключ автоматически выключает электронную машину, разрешающую или запрещающую выход из звездолета... Да и как же улететь без Леночки? Вы не огорчайтесь, Леночка скоро вернется. Она ведь не дурочка и все понимает...

— Еще как! — подтвердил Жора. — Высший класс!

Леночка вернулась к ужину с огромной охапкой цветов в руках. Молча влезла в звездолет и разделила охапку на несколько букетов. Первый букет она поставила в салоне, второй — в рубке, потом в отсеки ребят и только в отсек N 1, где жил Колесников, не решилась поставить.

— Можно и тебе? — спросила она, сунув голову в отсек двигателей, где сидел Колесников с каким-то черным измерительным прибором в руках.

Он кивнул своим резким, похудевшим лицом и не сказал ни слова. Леночка поставила в узенькую вазочку в его отсеке три синих розы, вышла в салон и сказала:

— Ну что ж, летите.

Сняла с шеи и отдала им ключ с цепочкой.

— Это верно? Она так сказала? — Колесников вылез из отсека двигателей, обвел глазами экипаж и так посмотрел на них, точно не верил, сомневался в правде ее слов.

Толя ничего не ответил ему, спустился с ключом вниз, закрыл дверь и вернулся в салон:

— Давай старт.

И тогда Колесников окончательно поверил. Лицо его оживилось, глаза заиграли, рот восторженно открылся, и он закричал:

— Спасибо! Ур-ра! — и кинулся в рубку. Через несколько секунд звездолет с грохотом и свистом взмыл в небо. Колесников прочно, как привинченный, сидел в кресле, сжав обеими руками маленький белый штурвал. Так сжимал, точно был намерен никогда уже не выпускать его. Глаза его смотрели пристально и зорко.

— Колесников! — позвал Толя, но тот с таким вниманием смотрел вперед и прислушивался к реву двигателей, что не услышал его.

Толя пошел в свой отсек. Отсек почти весь был завален белыми пакетиками с бабочками. Глянув на них, Толя уже не чувствовал себя таким виноватым и легкомысленным перед отцом. Дома у них были тысячи разных бабочек, но здесь были такие, каких он никогда еще не видел. Возможно, отец не знает об их существовании. Вот будет радость!

Толе захотелось проверить, какие бабочки есть, а каких нет в справочниках. Он пошел в библиотечный отсек и стал перебирать глазами корешки книг.

Нужного справочника не было, однако неожиданно Толины глаза наткнулись на толстую книжищу с его фамилией на серебристом корешке. Толя вытащил ее. Автором книги был отец, и называлась она «Мир бабочек». Странно, что она была в библиотеке космического корабля!

Толя не раз видел эту книгу дома и даже, случалось, рассеянно листал, разглядывая рисунки диковинных бабочек Земли и других планет. Разглядывал, но не читал: были у Толи книги поважней этой. Сейчас это была единственная в звездолете книга о бабочках. Толя вернулся в свой отсек, раскрыл ее и стал разглядывать картинки.

Сколько здесь было бабочек! Каких только расцветок здесь не было! Черно-бархатистое сияние крыльев чередовалось со снежно-белым, лимонно-золотым, изумрудно-синим, оранжево-

красным... Прочитав в книге фразу, что существуют бабочки, запросто перелетающие через океан, Толя заинтересовался и стал читать дальше. Он читал и не мог оторваться от тонких белых страниц. Книга втягивала его в себя, как некогда картины Алькиного отца втягивали в свои глубины. Толя читал и не верил: оказывается, отец открыл пятнадцать новых видов бабочек на Земле; он специально ездил за одной из них к Кордильерам и поймал ее там на краю пропасти, и пока что во всей Вселенной известен только один-единственный экземпляр этой бабочки. Расцветка ее крыльев так ошеломляюще красива и необычна, что один из крупнейших гобеленных мастеров Земли создал по ее мотивам шесть великолепнейших огромных гобеленов и подарил каждому материку по одному, и они висят, радуя глаз, в Дворцах искусств... А одна из бабочек отцовской коллекции натолкнула самого знаменитого композитора Земли на создание Симфонии Алых Проблесков, одной из лучших симфоний последнего десятилетия...

Толя читал. Он то глотал текст целыми страницами, то замедлял чтение, отвлекался и думал. Поиски и добыча каждой новой бабочки были для отца величайшим событием. Как-то раз Толя ехал с ним на автолете на просмотр нового фильма о самой далекой планете, куда сумели добраться земляне. Выехали поздно и опаздывали. Внезапно отец заметил из окна какую-то бабочку, порхавшую над клумбами проспекта, и, забыв обо всем на свете, вскочил с места и ринулся к кабине водителя (разумеется, Толя — за ним), упрямил его немедленно остановить автолет. Они выскочили из него и со всех ног бросились к клумбам. Отец на ходу налаживал складной сачок. С первого взмаха он поймал бабочку, извлек из легкой прозрачной ткани мешочка, пристально рассмотрел через свои сильные квадратные очки, вздохнул, сказав: «Обыкновенная лимонница!» — и отпустил. Они опоздали на двадцать минут на демонстрацию фильма из-за этой лимонницы. Толя разобиделся на отца за такое, как казалось ему тогда, чудачество, и лишь сейчас дошло до него: нечего было обижаться. Он тогда плохо понимал своего отца...

Толя так погрузился в чтение, что не слышал, как в дверь постучали. Дверь распахнулась, перед ним стоял Алька, весь всклокоченный, со страшно возбужденным, бледным лицом. Он держал в руках какую-то толстую, сильно обтрепанную общую тетрадь.

— Слушай, что я тебе прочту! — закричал Алька. — Отбрось своих бабочек в сторону и слушай...

— Что это? — Толя кивнул на тетрадь, недовольный, что его прервали на очень интересном месте, да еще потребовали, чтоб он отбросил отцовскую книгу.

— Слушай! — Глаза Альки сверкали, как сигнальные лампочки в рубке. — Читаю... «Месяц прошел, как мы стартовали с Земли, дел в полете, как всегда, много, каждая минута занята наблюдениями над приборами, съемкой планет, астероидов и туманностей. Постоянно держим радио- и телесвязь с Землей, слышим ее голос и дыхание, видим ее, словно и не покидали Землю, она улыбается нам, греет нас, дает силу и поддержку...» Слышал?

— Ну и что? — сказал Толя, не зная, к чему клонит Алька.

— «Что, что!» Не понимаешь? — вспыхнул Алька. — Он ведь взрослый, выдержанный, знаменитый и сотни раз отправлялся в сверхдальние рейсы, а как пишет о Земле!... А вот слушай, что он пишет на другой странице... «Вдруг мы ощутили резкий удар: корабль попал в поток метеоритов, электроника звездолета не успела сработать, и звездолет отклонился в сторону, — недоделка, обратить внимание инженеров! Внутри корабля стало медленно падать давление, значит, пробита наружная обшивка... Приборы мгновенно показали, в какое место пришелся удар, и через минуту в открытый космос вышел наш механик в скафандре.

Опасность была очень велика: поток метеоритов не кончился, и стоило мельчайшей частице задеть его... Повезло: снаружи была быстро наложена заплата, мы продолжаем полет...»

— Что это за тетрадь? — уже сильно волнуясь, спросил Толя и встал с кресла. — Ты можешь мне сказать или нет?

— Слушай дальше, — потребовал Алька.

— Нет, не буду слушать!

Толя схватил его за руки, посмотрел на потрескавшуюся в нескольких местах пластмассовую обложку и прочитал:

«НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ПОЛЁТАХ НА «ЗВЕЗДОЛЁТЕ-100», и сверху: «КОЛЕСНИКОВ».

— Он ведет записки? — вскрикнул Толя. — Вот не ждал!

— Да не он, — сказал Алька, — не он, а его дядя, Артем Колесников. Я нашел эту тетрадь в шкафу над своей койкой... Наверно, дядя Артем жил в моем отсеке... Наверно, это нехорошо — читать без спроса чужие дневники, но я не мог удержаться... Да и не чужой он нам, дядя Артем, раз летал на этом же корабле и получил орден Мужества... Какой это, оказывается, был труднейший, опаснейший рейс и какой это заслуженный, знаменитый, бесценный корабль! Ведь все происходило на нем. На нем, понимаешь? — Алька задыхался. — И теперь мы, мы с тобой пилотируем его...

Глава 28. «ВЫХОД СТРОЖАЙШЕ ЗАПРЕЩЁН!»

Леночке было грустно. Быстро промелькнула, погасла, исчезла в космической темноте эта удивительная маленькая планета, и теперь лишь как воспоминание о ней остался в ее отсеке тонкий запах синих роз и еще каких-то цветов, не имеющих на Земле названия: голубоватых с острыми лепестками, ярко-желтых, ослепительно белых, красновато-черных...

Что они понимают в этом, мальчишки? Плавать и хохотать, кататься на листе кувшинки — это по ним, а вот чтоб по-настоящему оценить красоту новой планеты и пожить на ней — на это они не способны...

Она была сердита на мальчишек и все-таки старалась понять их. Конечно же, они не могли поступить иначе! Благоухающие цветы, плеск волн в сказочном желтом озере, порхание необыкновенных бабочек и редкостная тишина покинутой планеты — все это не самое главное для них в жизни...

А что, в таком случае, самое главное для нее?

Наверно, для нее самое главное то, чтоб ее ценили не только за красоту, чтоб мальчишки по-настоящему дружили с ней, верили в нее...

Прошла неделя, Леночка беседовала в отсеке со своим верным Рыжим лисенком, одаренным сложнейшим электронно-кибернетическим умом и знавшим тысячи добрых советов, шуток, загадок и сказок, как вдруг из рубки донесся отчаянный спор. Леночка поняла: они приближаются к новой планете...

Она отодвинула дверь отсека и вышла.

— Не надо на нее садиться! — громко уверял Алька, стоявший у пульта управления, а Колесников, сидевший в пилотском кресле, яростно сопротивлялся:

— Почему? Вы посмотрите, какого они достигли совершенства! Какие у них дороги — струнки! А какие города! Стоэтажные здания из стекла и бетона! А какие поезда и самолеты! Я отвечаю: здесь нам не будет скучно...

— А где нам было скучно? — спросила Леночка. — Или ты намекаешь...

— Ни на что я не намекаю! — стал оправдываться Колесников. — Ты посмотри в иллюминатор вниз, там создана высокая цивилизация...

И Леночка посмотрела. Внизу и правда был образцовый порядок: необыкновенно точные квадраты, прямоугольники и треугольники лесов и лугов, правильные, по циркулю проведенные круги морей...

— Как бы не ударили по кораблю из орудий... — сказал Алька. — Ты как считаешь, Жора?

— Не знаю, — ответил Жора. — Не похоже вроде бы, но я теперь ничему не верю — такие эти планеты бывают обманчивые. Сверху видится одно, а внизу оказывается совсем другое...

— А я что говорю! — обрадовался Алька. — Летим дальше.

— Я уже трижды облетел эту планету! — Колесников, видно, ни за что не хотел расставаться с ней и пролететь мимо нее. — Никакой опасности, и ответ на мой запрос самый благоприятный: «С огромной радостью ждем вас, люди Земли...» Ни разу еще не было такого ответа... Ну, Толя, ты ведь все-таки мой заместитель...

— Я за то, чтоб сесть на нее, — сказал Толя: что поделаешь, иногда Колесников бывает прав и приходится его поддерживать.

— А как ты, Лена? — спросил Колесников. — Уверен, тебе на ней будет интересно.

— Интересней, чем на Планете Синих Роз, мне не будет нигде, — ответила Леночка.

— Ребята, беру всю ответственность на себя! — Колесников резко повел звездолет на снижение и включил тормозные двигатели.

И вот они сели. Отвязали ремни, натянули комбинезоны и, как всегда, цепочкой, полезли за командиром по трапу. Вот он повернул на четыре оборота ключ, и их верный друг автомат проговорил бесстрастно четким голосом:

«Выход строжайше запрещен!»

Ребята оцепенели. Колесникову оставалось последний раз повернуть ключ и толкнуть дверь. Но он застыл.

— Что ж это такое? — спросила Леночка. — Как это понять?

— Надо улетать, пока не поздно! — крикнул Алька. — Нам грозит опасность.

— А если автомат ошибся? — спросил Колесников. — Я уверен, что он ошибся. Не сработало какое-нибудь реле или вышел из строя полупроводник. Это иногда случается...

— Но не в таком звездолете, как наш, — сказал Толя. — Он — последнее техническое слово Земли.

— Нельзя, — поддержала его Леночка, — ни в коем случае нельзя выходить!

— Можно! — настаивал Колесников. — На этот раз наш звездолет оказался не идеальным и в электронно-вычислительном устройстве, контролирующем выход экипажа из корабля, оказалась неисправность.

— А если он исправен? — не согласился Алька. — Что тогда с нами будет?

— Все будет хорошо. Вот увидите, — сказал Колесников, повернул ключ еще на один оборот и толкнул дверь.

Дверь не открывалась. Она решительно не хотела выпускать ребят наружу.

Тогда Колесников стремительно взбежал наверх, больно задевая своими острыми локтями ребят, гуськом стоявших на трапе, дернул в рубке голубой рубильничек — выключил энергосистему корабля — и так же стремительно скатился вниз.

Ребята и опомниться не успели, как он сильно толкнул дверь, вышел наружу, и грянувшая с космодрома музыка оглушила ребят.

— Как встречают, а вы... — Колесников полоснул глазами по лицам ребят и поднял в приветствии руку.

И все, кто пришел встретить их — а пришла, наверно, добрая тысяча человек! — подняли вверх руки. Лица их засверкали улыбками, и они громко и очень стройно запели. Но самое удивительное было не это. В небе над ними неподвижно висели сотни бескрылых летательных машин, похожих на вертолеты, и с них тоже оглушительно гремела музыка.

Пятеро маленьких землян робко стояли у своего синего, нацеленного в небо звездолета, а над ними и перед ними все содрогалось от радостного, восторженного грохота. Впереди правильным, четким квадратом выстроилась тысяча людей и пела с воодушевлением и мощью. Нигде еще не встречали их так. Даже на их далекой гостеприимной Земле никогда не было на космодромах таких встреч.

Перед строем стоял прямой, подтянутый человек в черном костюме с блестящим значком на груди и взмахивал дирижерской палочкой.

Вдруг оркестр и пение враз замолкли, оборвались — ни один человек не ошибся даже на долю секунды.

И когда на мгновение стало тихо, Колесников шепнул Толе:

— Вот это я понимаю! Какая синхронность, порядок! А посмотри, как они одеты...

Одеты люди были очень просто и продуманно: каждые пять рядов в свой цвет. В синие, коричневые, черные, зеленые, желтые и белые костюмы. И даже отсюда, от звездолета, было видно, что шиты они у прекрасных портных и с точностью до миллиметра пригнаны к фигуре. И фигуры у этих людей были спортивные — ни одного толстяка, распутившего пузо, или худого, с запавшим животом и провалившимися щеками.

— Красотища! — ахнула Леночка.

— И все это ради нас? — не верил Алька. — Когда они успели так приготовиться? Мы ведь только что прилетели...

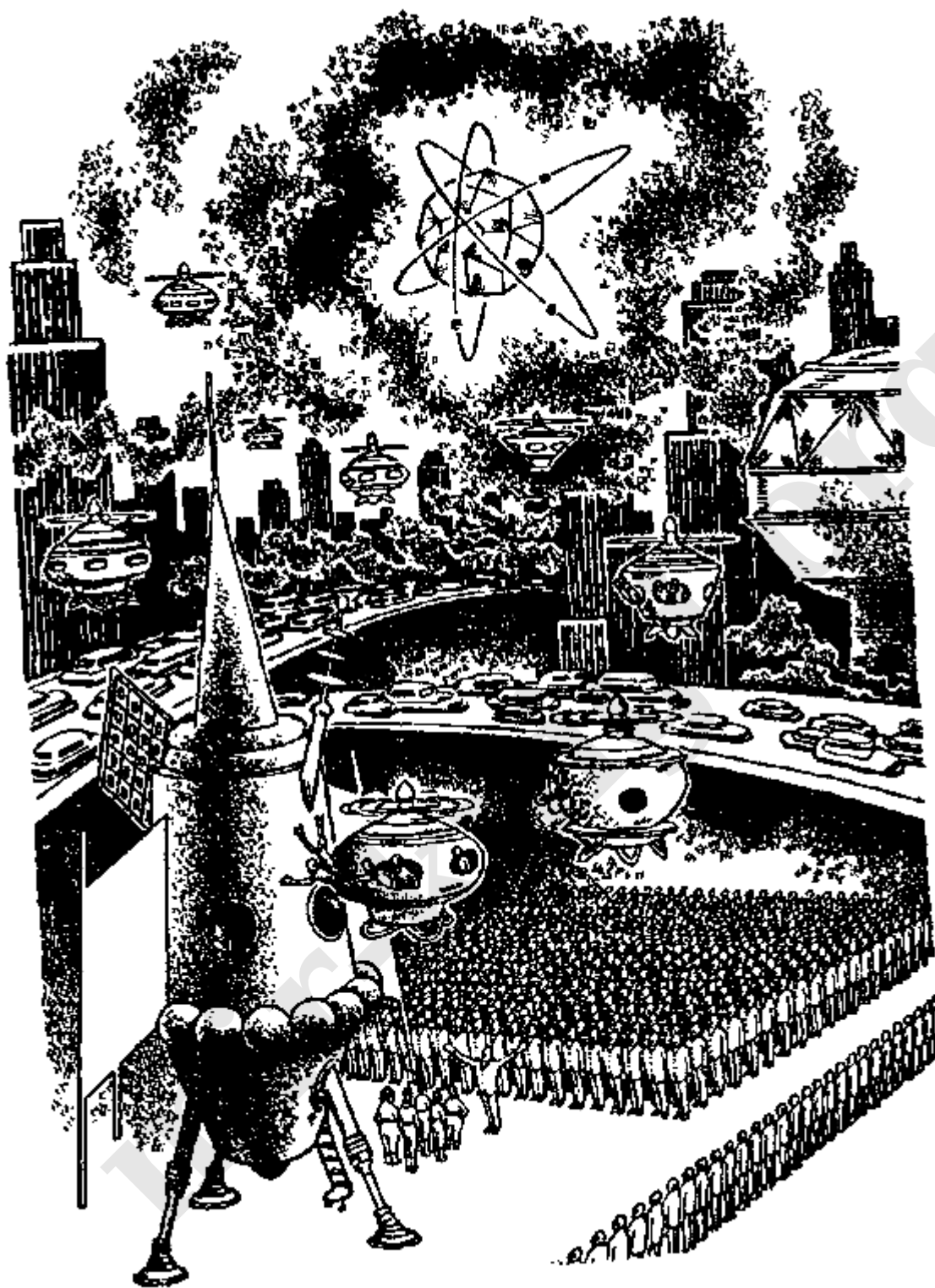
— Они все умеют! — восхищенно сказал Колесников.

— С какой вы планеты, пришельцы? — громогласно и радостно спросил их подтянутый, стройный человек в синем костюме, внезапно отделившийся от неподвижного квадрата встречающих.

— Мы с планеты Земля! — так же радостно, подобрившись и вытянувшись, крикнул Колесников.

— Будете нашими гостями! Мы, люди этой планеты, восторгаемся вами и вашим космическим кораблем... Вы сами довольны им?

— О да! — непривычно торжественным тоном продолжал Колесников. — Он — чудо техники, электроники и кибернетики, он летает на любые расстояния со скоростью мысли и быстрее! Он так прост в управлении, что его с полной безопасностью может пилотировать даже младенец! Его двигатели работают так экономно...

Колесников говорил долго, подробно; Толю удивили его словоохотливость, откровенность и жар. И пока Колесников говорил, ни один из тысячи встречавших их людей не переступил с ноги на ногу, не шевельнул бровью.

Потом эти восторженные, добрые люди, как-то быстро и мудрено перестроившись и составив новый, еще более изумительный строй, четырьмя правильными треугольниками окружили звездолет и ребят, стоявших возле него. И стали с пристальным восхищением рассматривать корабль. Вертолеты, неподвижно висевшие в воздухе, приблизились к звездолету, и с них тоже восхищенно смотрели планетяне.

Они рассматривали корабль долго и в полном молчании, как какое-то чудо, невидаль, верх совершенства. И Колесников шепнул на ухо Толе:

— Вот кто умеет ценить технику!...

Толя промолчал: видел это и без его слов, и, признаться, такое поклонение их звездолету, пусть даже очень красивому и совершенному, удивило его.

Внезапно, нарушив строй, на три шага вперед вышел все тот же человек в безукоризненном синем костюме и громко произнес:

— Хвала цивилизации, сумевшей построить такое чудо!

И опять прогремело согласное «ура» с космодрома и с неба — с машин, неподвижно застывших в воздухе.

— Слыхали? — Колесников обернулся к ребятам. — Вот как они отзываются о нашей Земле!

— Чего ж вы тогда улетели с нее? — спросил Жора. — Ну, чего?

— Молчи! — громко шикнул на него Толя. — Ты все равно не поймешь...

— У нас на планете достижения более скромные, — продолжал человек в синем, — но и мы кое-чего достигли и хотим продемонстрировать вам...

Глава 26. ДЫМ, ГРОХОТ И ТРЕСК

Не успел он это сказать, как встречающие их четко и размеренно разомкнули строй, и к ребятам подкатила низкая, открытая, сверкающая черным лаком машина. Ребята забрались в нее. За ними вошли пять человек в зеленых, отлично выглаженных костюмах со значками на груди и приветливо заулыбались им. И почти тотчас машина мягко взяла с места и промчалась между четко сомкнутым строем.

— Ну и дисциплинка у них! — сказал Алька, крутя во все стороны головой.

— Как по струнке ходят!

Услышав эти слова, люди в зеленых блестящих костюмах, сидевшие рядом с ними, вежливо закивали головами. И радостно, благодарно заулыбались.

— Чего они так радуются нам? — тихонько спросила Леночка. — Почему они так торжественно одеты?

Толя с Алькой молча смотрели вперед. Леночка внимательно разглядывала лица планетян, очень здоровые, с правильными чертами и плотным во всю щеку румянцем и добавила:

— И почему они не встретили нас цветами? Я не вижу вокруг ни одного цветка...

— Им не до сантиментов! — сказал Колесников. — Они люди дела, у них нет времени возиться с ними...

— Да, но хоть один цветок должен расти в городе... А здесь совсем зелени нет! Ну хоть бы одно живое дерево!

Толя, оглушенный огромным городом, ревом, скрежетом, грохотом и свистом машин, только сейчас обратил на это внимание: и в самом деле, в городе не было ни бульваров, ни скверов, ни даже маленького газончика меж домами.

Правда, в одном месте, возле гигантского дома с полосами блестящих окон, стояло три больших дерева, но они давно засохли — ни одного листка, и были они за оградой с какой-то надписью на белой дощечке.

Между тем сопровождавшие внимательно смотрели на лица ребят, и когда Толя спросил у одного планетянина о деревьях, тот не без гордости ответил:

— Они оказались нам ненужными, сохраняем как экспонат давно прошедших времен. — Человек ярко улыбнулся белыми зубами.

— Как же не нужно! — ворвалась в разговор Леночка. — Чем же вы тогда дышите? И это ж очень красиво! И почему у вас нигде нет цветов?

— А что это? — спросил улыбчивый человек. Леночка даже растерялась немножко:

— Вы... вы не знаете, что такое цветы?

— Не знаем... Их едят? Употребляют в производство? Или это смазочный материал для механизмов?

— Нет, — совсем расстроилась Леночка, — цветы — это... Ну как вам объяснить... Они состоят из стебля, листьев, чашечек и лепестков, и они так пахнут, так радуют глаз... — Она вдруг чуть не расплакалась, понимая, что ей не хватает слов, и стала помогать себе руками, рисуя форму цветов, но и руки были беспомощны выразить их красоту. — Ну, цветы — это цветы... Понимаете?

— Понимаю-понимаю... — Человек закивал головой. — Это раньше было и у нас, а теперь, как говорится, пройденный этап, но, по-моему, в музее они сохранились...

«В музее?... До чего они дожили! — подумала Леночка. — Как они живут в таком грохоте, лязге и духоте?»

И она сказала вслух:

— Как же так — цветы в музее?

— Ну и что же! — проговорил Колесников. — Я чуть с тоски не умер среди твоих цветиков на той планете... Давайте поживем здесь. Лучшей цивилизации нет и быть не может!

— Не торопись, — сказал Алька, — все это надо обдумать и обсудить, и не ты один будешь решать...

— Хорошо, обсудим, — ответил Колесников. Жора сидел в сторонке и подавленно молчал. Толя по-прежнему рассматривал дома и думал: «А ведь Леночка, пожалуй, права: здесь очень шумно, душно и, в сущности, очень некрасиво...» Вокруг неслись машины, рядом с ними и по особым мостам — над ними, а над теми мостами тоже летели какие-то машины. В высоченных — стоэтажных и выше — домах стоял непрерывный грохот и треск, вспыхивала электросварка; Толя то и дело заслонялся от ее вспышек рукой, моргал и вздрагивал. Но сопровождавшие их люди были абсолютно спокойны, ни разу не моргнули, не вздрогнули, и на лицах у них

наготове была любезная улыбка...

Жора между тем страшно проголодался; он пытался отыскать глазами какое-нибудь кафе, или ресторан, или обычную столовую, но так и не мог отыскать. Он хотел было поговорить об этом с ребятами, но тут же передумал: нет, нельзя, не нужно. Ни в коем случае! Ведь они тоже когда-нибудь должны захотеть есть, и надо терпеть...

— А где у них дети? — спросила Леночка. — Я вижу только взрослых и ни одного мальчика или девочки...

— При таком движении им рискованно выходить на улицу, — пояснил Колесников, зорко смотревший вперед.

— Ты хочешь сказать, при таком развитии техники они должны сидеть дома?

— Не сердись, Лена, — более мягко произнес Колесников, — ты еще оценишь все это...

— Этот дым и копоть, этот грохот и лязг? — тихо, чтоб не обидеть планетян, сказала Леночка, однако они все расслышали.

— Не надо, девочка, — сказал один планетянин и коснулся рукой лба. — Вы совсем из другого мира, но ведь одни миры создают другие миры и не сразу привыкают друг к другу и оказываются в силах оценить преимущества одной жизни перед другой. У нас свой чертеж и схема жизни и работы, у вас — свой; мы не болеем, мы бессмертны и точны, у нас нет недоказанных истин и отсутствуют сомнения...

Леночка вдруг почему-то испугалась и потесней придвинулась к Толе.

— Ты что-нибудь понял? — шепотом спросила она.

— Нет, — признался Толя. — Здесь как-то странно и что-то не так...

— И мне так кажется: говорят они как-то мудрено и заученно... Ты не хочешь есть?

— Очень хочу.

— Давай попросим, чтоб нас где-нибудь покормили.

— Знаешь, неловко, — сказал Толя. — Только прилетели — и уже за еду.

— Ничего! — И Леночка громко, полным голосом попросила: — Мы в полете очень проголодались, очень...

Человек посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

— Понимаю, я вас понимаю...

— И нам бы очень хотелось чего-нибудь такого, — продолжала Леночка. — Ну, такого, что на нашей планете особенно ценится и считается деликатесом...

— Обязательно-обязательно! — проговорил человек и ослепительно улыбнулся. — Мы это все обдумаем и решим лучшим для вас образом, а вначале мы покажем вам один завод...

— А сейчас, а сразу... нельзя? — сказала Леночка. — Мы хотим, мы очень хотим... Ну, вы

понимаете?

— Как же не понять! Отлично понимаем!

— Уважаемые, мы... Мы хотим, говоря попросту, жрать! — вдруг объявил Жора и заулыбался, поняв, что теперь ребята не осудят его.

— Жора, как тебе не стыдно! — сказал Колесников. — Потерпеть не можешь? И разве так просят? Вы простите нас, он...

— Нет, нет, что вы! Не надо просить прощения... — вдруг быстро заговорил человек. — Сейчас я посоветуюсь с моими коллегами... — Человек нагнулся к четверем своим товарищам, и они стали о чем-то шептаться.

«Да они ж совершенно невоспитанные люди! — с удивлением подумала Леночка. — На глазах у других шепчутся...»

Наконец этот человек выпрямился и сказал все с той же белозубой улыбкой, которая уже стала надоедать Леночке:

— Мы вам покажем вначале завод, а потом все решим... Успокойтесь, вы будете чрезвычайно довольны нами...

— Зачем нам завод! — не выдержал Толя. — Нам...

— Мальчики, тихо! — сказал Колесников. — Как вы можете говорить о еде в то время, когда...

Сопровождавшие их внезапно заволновались, вскочили со своих мест, запрыгали, заплясали вокруг ребят:

— Хорошо, хорошо! Сейчас мы все уладим... Мы поедем на другой завод! Он рядом! Через пять минут вы будете иметь это самое ваше дорогое и нужное «жрать».

Алька с Толей и Леночка тревожно переглянулись, а Жора улыбнулся:

— Ладно, так уж и быть! Но чтоб не дольше пяти...

Машина резко повернула влево, промчалась на огромной скорости по гладкой автостраде и остановилась у высоченного здания с козырьком у входа и широкими ступенями.

— Да, просим вас, — сказал один из людей, и ребята вылезли из машины.

Глава 27. ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

Они вошли в вестибюль этого здания и потом сразу в цех — длинное светлое помещение с цепью непрерывно работающих станков и движущейся лентой конвейера. У некоторых станков стояли люди, дергали за какие-то металлические ручки и поджидали, пока лента доставит другую деталь. Одни из сопровождающих, опять пошептавшись о чем-то, быстро ушел в другой зал, второй стал рассказывать ребятам о работе цеха, а трое других остались у двери, через которую они вошли; и стояли они у двери молча и неподвижно, как часовые на посту.

«Что-то здесь не так», — подумала Леночка, незаметно оторвалась от ребят и юркнула в зал, куда ушел один из сопровождающих, быстро прошла вдоль линии других станков, заглянула в дверь, в которой скрылся тот человек. И увидела его там. Он стоял возле огромного

прозрачного куба и через маленькое окошечко о чем-то разговаривал с человеком, сидевшим внутри.

Он был совершенно непохож на жителей этой планеты — худ, морщинист и бледен. Леночке стало не по себе. Человек в зеленом говорил с ним отрывисто, грубо — прямо-таки скрежетал зубами, а не говорил! — не то что с ней, Леночкой, и ребятами. До нее опять донеслось грубое слово «жрать», сказанное Жорой.

Леночку даже прошиб озноб, и на лбу выступил пот.

И сердце сжалось. Похоже было, что человек в прозрачном кубе в чем-то сильно провинился и, может быть, его никуда не выпускали оттуда.

Что-то узнав у него, зеленый человек повернулся к выходу, и за какую-то долю секунды до этого Леночка метнулась за черный металлический шкаф и прильнула, прижалась к стенке. Зеленый не заметил ее и прошел мимо.

Тогда Леночка отпрянула от стенки и бросилась к прозрачному кубу.

Человек угрюмо сидел перед низеньким столиком.

— Почему вы здесь? — быстро спросила Леночка. — Почему сидите в этом кубе?

— Потому что я человек... А ты... ты человеческая девочка или...

— Или кто? — Леночка вдруг испугалась. — Какая ж я могу еще быть?

— А как ты, в таком случае, здесь очутилась? Здесь нет больше людей... Я последний человек на этой планете...

Леночку сковал страх.

— А кто же только что с вами говорил?

— Со мной говорила машина, робот, и все на этой планете теперь роботы, у них вместо сердца и мозга провода, рычаги, реле, бесшумные моторы и программные устройства...

— А куда ж девались люди? — спросила Леночка.

— Не спрашивай про людей! — переводя дыхание, сказал человек. — Если ты вправду живая девочка, ты все поймешь... Дай мне твою руку, ну хоть палец...

Леночка с некоторой опаской протянула ему руку и почувствовала твердую худобу пальцев человека.

— Ты живая, ты поймешь... — На лице человека обозначилась мучительная улыбка. — Мы создали на этой планете в помощь себе сотни тысяч удивительных роботов, очень похожих на настоящих людей, поручали им любую работу, и постепенно они научились делать ее не хуже, а временами и лучше нас. Мы открыли им все тайны науки и жизни, все секреты, мы доверили им больше, чем следовало, и они научились почти всему, чему может научиться тончайший электронно-кибернетический механизм. И мы успокоились, обленились и целиком положились на них, и они все делали для нас; они никогда не ошибались, обладали непостижимой точностью, аккуратностью, дисциплиной, и мы были в восторге от них, потому что они освободили нас от всех забот, тревог и тягот жизни. Но потом в схеме и программе

усовершенствованной марки робота наш конструктор допустил какую-то ошибку, и роботы, все как один, вышли из-под нашего контроля, стали ловить нас и расправляться с нами, потому что мы, очевидно, стали мешать им в их электронно-механической жизни. Все спаслись на космических кораблях и переселились на другую планету, и лишь один я не успел; они схватили меня и заключили сюда, в этот прозрачный ящик. Они используют меня как консультанта по особо сложным, непредвиденным в их программе вопросам; они держат меня здесь, на своем главном заводе, изготавлиющем роботов последнего образца... На этот раз они не поняли, что означает слово «жрать», и обратились за помощью ко мне... Девочка, откуда ты здесь?

— Мы с Земли, — быстро сказала Леночка. — Есть такая планета...

— С Земли? — не поверил человек. — Но она так далеко от нашей планеты! У вас, наверно, сверхмощный звездолет? Ни один еще корабль Земли не добирался до нас...

— А мы добрались... Мы ничего не знали... Электронное устройство велело не выходить, а мы вышли...

— А взрослые с вами есть?

— Откуда же? — смутилась и растерялась Леночка. — Мы одни... Без взрослых... Мы нарочно...

— И вы одни улетели во Вселенную? И сели на нашу планету? И вышли наружу? — в сильном волнении спросил человек.

У Леночки даже не хватило сил, чтоб еще раз подтвердить это словами, и она только кивнула головой.

— Несчастные дети! Зачем вы это сделали! А где стоит ваш звездолет?

— На космодроме. — Леночка судорожно глотнула.

— Скажи, а когда вы прилетели и вас встретили, роботы проявили хоть какой-нибудь интерес к вашему кораблю? Спрашивали что-нибудь о нем, о его классе, устройстве, о его возможностях?

— Ну а как же! Только и спрашивали об этом, — сказала Леночка, чувствуя, что случилось что-то непоправимое. — И наш Колесников все им подробно рассказал и объяснил...

— А вы хоть заперли дверь корабля? — Худое, в резких морщинах лицо напряженно смотрело на Леночку.

— По-моему, нет... Колесников так верил в добрые чувства встречавших... На Планете Совершенства он запер дверь звездолета, и планетяне так поразились...

— Что ж вы наделали! — Человек в отчаянии всплеснул руками. — Им как раз нужен звездолет с неограниченной дальностью полета, чтоб захватывать другие планеты и уничтожать во всей Вселенной живую жизнь и насаждать свою — мертвую, механическую и бездушную! Уверен, что они сейчас переснимают, перерисовывают все системы вашего корабля, а возможно, даже...

В это время в дальнем коридоре послышались размеренно-четкие шаги.

— Это за мной! — испуганно шепнула Леночка. — Они хватились меня!

— Уходи отсюда и ни в чем не признавайся... — быстро заговорил человек. — Спасайте свой звездолет и знайте: у них на спинах, между лопатками, есть кнопка выключения... Я больше ничем не могу вам помочь...

Леночка быстро пошла навстречу деловито шагающему к ней зеленому че...

Нет, не человеку — роботу. Она с ужасом посмотрела на его бодрое краснощекое лицо с правильными чертами, на его значок — металлическую пластинку на костюме, на которой был выбит номер... Да, да, только сейчас заметила Леночка эти номера; на пластинке зеленого был номер 13 852!

Когда они поравнялись, зеленый робот отвратительно улыбнулся ей:

— Вы с ним говорили? Зачем?

— Я с ним не говорила, я просто посмотрела на него вблизи! — взяв себя в руки, сказала Леночка.

— Ну, тогда хорошо. — Робот, выдававший себя за человека, заулыбался еще шире. — А если он что-нибудь и сказал вам, не верьте ни одному его слову, он немножко не в себе, немножко тронулся, он из породы ненормальных... — Робот не спускал с Леночки глаз, он пристально смотрел на нее, точно хотел своим хитрым электронным умом понять, докопаться, выведать, сказал ли ей что-нибудь этот человек, заключенный в прозрачный куб. — И еще он любит выдавать себя не за того, кто он есть, и считает настоящим человеком только себя, одного себя на всей нашей замечательной планете...

— А кем же он считает других? — спросила Леночка.

— Ненастоящими, примитивными, ни на что неспособными, а все как раз наоборот...

«А что, если он прав? — неожиданно подумала Леночка. — Как же мне быть? И как сказать обо всем ребятам? Ведь он все время смотрит на меня!»

Они вернулись в огромный цех, где были ребята и слушали второго зеленого ро... А вдруг и он был человек?...

— Сейчас мы вас поведем жрать, — сказал не то робот, не то человек в зеленом костюме с номером 13852 на металлической пластинке, шедший за Леночкой.

— Ну зачем же так грубо? — заметил Алька. — Мы ведь не какие-то там свиньи... Жора пошутил, а вы...

— Простите, я не хотел вас обидеть, вы далеко не свиньи, значительно превосходите их в культурно-техническом отношении...

«Он робот, и все они роботы! — вдруг окончательно поняла, поверила Леночка. — Он даже, наверно, не знает, что такое свинья, потому что роботам не нужно мясо и сало. Они, наверно, только старательно смазывают свои трущиеся металлические и пластмассовые части машинным маслом, их мертвым механическим душам не нужны цветы, зеленые деревья, свежий воздух и музыка, потому что они не могут понять красоту и радость настоящей жизни; у них нет чувств, нет жалости, совести, гордости, боли... Но до чего же они похожи на настоящих людей! Выходит, роботы могут делать не только добро, не только помогать людям, как помогают они им на Земле, любить их, как, например, любит ее Рыжий лисенок — он ведь

тоже маленький робот...»

Надо сказать, сказать обо всем ребятам, и в первую очередь Толе с Алькой... Но как скажешь, если этот зеленый, с порядковым номером 13852 на металлической пластинке на груди, по-прежнему не спускает с нее глаз. Надо попытаться сказать, но не здесь, а на улице — там это легче. А для этого нужно пройти мимо трех роботов, стоявших на страже у дверей. Но что будет, если они услышат? Они... они тогда могут сделать с ней все, что угодно... Они ведь не понимают, что такое жалость...

Леночке стало холодно от одной этой мысли. Все в ее голове смешалось, и она не знала, что делать, как поступить...

— Пожалуйста, пойдите. — «Ее» робот показал рукой на выход.

И они пошли. И впереди — Леночка.

Страх разрывал ее сердце. Надо было сказать ребятам, надо было, надо...

Иначе все они погибнут!

И Леночка пошла еще быстрее, чтоб оторваться от «своего» робота. Чтоб быть поближе к ребятам. Чтоб успеть шепнуть кому-либо из них на ухо, что нужно немедленно спастись бегством и спасти свой звездолет и не верить ни одному слову этих хитроумных машин в образе человека. Но робот придерживал Леночку за руку, ни на шаг не отпуская от себя. И конечно же, только потому, что подозревал: человек в прозрачном кубе раскрыл ей их секрет, и она теперь может рассказать все своим товарищам. А робот не хотел этого...

Глава 28. ПОГОНЯ

Они вышли на улицу, в грохот, шум и духоту этого бездушного, безлюдного города, в копоть, в сажу и скрежет сложных механизмов. И тут, поймав на себе Толин взгляд, Леночка незаметно поманила его пальцем опущенной левой руки.

Толя все понял и подошел к ней.

— Они не люди, они роботы... — быстро шепнула Леночка. — Скажи всем... Надо спастись, надо бежать на космодром...

Толя побледнел, и тотчас Леночкин робот, поняв что-то неладное, вежливо, не сильно сжимая своей механической рукой ее руку, оттянул Леночку от Толи.

Но дело было сделано. Леночка смотрела на Толю. Она видела, как по-новому косятся его глаза на сопровождающие их машины, как он борется с собой, постепенно привыкая к тому, что только что услышал, проверяя, веря и не веря ей; как он косится на нее, Леночку, на ее тоже, наверно, бледное, испуганное лицо и видит, как уверенно и вместе с тем боязливо держит ее за руку эта машина в тщательно отглаженном зеленом костюме.

«Ну говори же, говори всем, не медли! — шевелила Леночка губами. — Иначе мы погибли». Она мимикой лица требовала от него этого, приказывала, торопила. Наконец Толя подозвал к себе Альку, потом Жору и что-то сказал им, впрочем, совершенно ясно — что. Лица их стали тревожными. Потом Толя незаметно отозвал в сторонку Колесникова и сказал ему то же самое. И вот здесь случилось непредвиденное. Услышав Толю, Колесников внезапно повернул к нему лицо и с досадой ответил:

— Это неправда! Мы обязательно проживем на этой планете, а кто не хочет...

Робот, шагавший рядом с Леночкой, повернул к Колесникову голову и спросил:

— Чем вы так взволнованы? Вам нехорошо?

— Нет, все в порядке... — и Колесников негромко спросил у ребят: — Вы, правда, думаете, что они не люди, а роботы?

— Уверены! — сказал Толя.

— Они говорят ерунду! — проговорил Но 13852. — Не верьте им... Мы... Мы значительно умней, тверже и организованней людей...

— Ага, значит, вы все-таки не люди! — закричала Леночка и отскочила от робота, вырвав из его руки свою руку. — Вы проговорились... Ребята, бежим от них, они хотят перерисовать схему нашего звездолета, чтоб покорять другие планеты! Они бесчувственные, бессердечные, жестокие машины!... Бежим, бежим!... — И она побежала.

И за ней побежали Толя с Алькой и Жора. И даже Колесников бросился за ними, правда не сразу, не уверенный еще до конца, что словам Леночки нужно верить. Лицо у него было очень озабоченное, даже угрюмое, и лоб по-взрослому разрезала вертикальная морщинка. Видно, то, о чем он думал, никак не укладывалось в его голове.

Между тем все пять роботов дружно припустили за ними с криками:

— Стойте!... Не верьте ей!... Мы люди!... Мы такие же, как и вы!...

— Беги, Колесников, спасайся! — подгоняла его Леночка. — Они уже, наверно, разобрали на части наш звездолет! Надо успеть!

Эти слова будто подхлестнули и окончательно образумили Колесникова, и он побежал по-настоящему, прижав к бокам согнутые в локтях руки. Но все равно он был последним: не умел он бегать, как Леночка, или Толя с Алькой, или даже все еще толстоватый Жора, которые мчались во всю прыть.

А сзади несло требовательно и грозно:

— Не верьте ей, мы люди!... Мы любим вас, мы очень, очень любим вас!...

Первой мчалась Леночка в ярко-фиолетовом комбинезоне; она то и дело беспокойно оглядывалась:

Колесников сильно отставал от них, роботы почти нагоняли его. Их по-прежнему было пятеро, но где-то вдали, в конце улицы, на помощь им спешило еще несколько.

Вдруг передний робот схватил Колесникова за ослепительно белый комбинезон и поднял, обняв обеими руками и приговаривая:

— Не надо бежать, не надо, мы любим вас, мы любим...

Колесников закричал, стал вырываться из прочных, на совесть сработанных механических рук. Он не сдавался. Пытаясь выскользнуть, он резко двигал плечами, дергал головой, работал пальцами, отцепляя их руки.

Леночка остановилась, за ней остановился Толя, потом Алька. И уже после него, метрах в ста от них, — Жора.

— Что нам делать? — закричал Толя. — Они убьют его, растерзают! Надо помочь ему! — и кинулся к Колесникову.

Однако помогать тому не пришлось. Внезапно он вырвался, выкрутился, отделился от державших его роботов и с огромной скоростью побежал к ребятам. Был он уже в одних трусах и в синей изодранной майке с болтающимся на цепочке ключом, а роботы, оставаясь на месте, ожесточенно рвали на куски великолепный белый комбинезон, из которого Колесников выскользнул.

Ребята мчались дальше. Разорвав на мельчайшие клочки комбинезон, роботы снова побежали за ними. И опять Колесников, израсходовав все силы, начал отставать. Конечно же, меньше сиди он в автолетах и больше ходи по Земле, ноги б у него стали покрепче, повыносливей...

Леночка опять бежала первая. Она то и дело оглядывалась: как бы снова не схватили Колесникова...

Сердце ее отчаянно билось. Она дышала открытым ртом и слышала за собой топот ребят. Ах, как бы опять не подвел Колесников...

Готово! Попался! Снова схватили его роботы; окружив, нагнулись над ним и, повернув к ребятам свои спины, что-то стали делать с их командиром.

— Ребята, Колесников погибает! — закричал Алька.

Они остановились, не зная, что предпринять.

Леночка посмотрела на выставленные спины роботов и вдруг вспомнила слова человека в прозрачном кубе, скинула туфли, чтоб не было слышно ее шагов, и, не в силах больше думать и рассуждать об опасности и страхе, босиком бросилась назад, к куче зеленых машин, склонившихся над Колесниковым, — из этой кучи время от времени высывались дергающиеся босые ноги их командира. Подбежав, Леночка провела рукой по спине крайнего робота — от лопатки до лопатки, и точно посерединке ее пальцы наткнулись на что-то твердое, круглое; нажала, и робот со стуком упал на асфальт.

Леночка нажала кнопку другого, третьего, четвертого, пятого, и все они покорно и мгновенно падали и вытягивались на асфальте. К Леночке подбежали остальные ребята.

— Что ты сделала с ними? — спросил Толя, поднимая за руку Колесникова; он был весь в синяках, с разодранными сзади трусами, без майки, но ключ от звездолета все еще болтался на его шее.

— Я их выключила! — сказала Леночка. — У них есть кнопки-выключатели между лопатками... Запомните!

Колесников закричал:

— Я ненавижу их!... Они бьют меня, а сами все клянутся в любви!

Снова раздался стройный тяжелый топот — к ним бежало штук двадцать пять роботов, и ребята кинулись от них, продолжая свой путь.

— А мы правильно бежим? — спросил Алька. — Я совсем не помню дороги.

— И я! — выдохнула Леночка на бегу. — Не обращала внимания...

— Я тоже, — бросил Толя, тяжело дыша.

— Считал ворон в небе? — подал голос Жора. — Этажи домов? Машины на улицах? Не огорчайся, я все помню! Ехал с ними и запоминал... На всякий случай. Не нравились мне эти автоматические людишки... Мы не очень далеко отъехали от космодрома. Уже близко.

— Не снижайте скорости! — задыхаясь, потребовал Толя. — Не оставляйте Колесникова сзади!...

Они не знали, сколько времени бежали, — может, час, может, двадцать минут.

— Теперь направо! — командовал Жора, и они бежали направо. — Теперь налево и наискось, той вон улочкой!

И ребята слушались его, нажимали изо всех сил и убегали от громкого, ритмичного топота за спиной. Вот и космодром — огромный, в гладких плитах, со зданием космопорта. А вон — звездолет. Возле него и на нем копошится десятка три роботов в синих и черных костюмах: одни измеряют корабль метром, другие зарисовывают шасси и линии корпуса, третьи фотографируют, четвертые, забравшись наверх, обвязывают звездолет стальными тросами, чтоб отвезти его куда-то — рядом уже стоит огромная буксирная машина.

Дверь звездолета распахнута.

Ребята стали бесшумно подкрадываться к кораблю. Однако в это время сзади послышался топот, крики преследовавших роботов, и ребята, не прячась, напрямую, бросились к звездолету. Первый — Алька, за ним Толя с Леной и Колесников с Жорой.

Услышав крики своих, роботы у корабля обернулись, но...

Но ребята знали секрет их уязвимости — прикосновение к спине, и робот с грохотом летит на бетон космодрома. Уже штук двадцать валяются в неподвижности, и ребячьи ноги то и дело спотыкаются о них.

— Лезь внутрь, пока не подоспели! — Алька подтолкнул Леночку к двери, за ней прыгнул Колесников, — разодранные трусы каким-то чудом держались на нем и развевались сзади, как флаг потерпевшего поражение.

Босые ноги его быстренько прошлепали по трапу вверх.

— Включай энергосистему! — велел ему Алька. — Готовь корабль к отлету!

В это время внутри звездолета раздался душераздирающий визг Леночки.

— Жора, на помощь нашим! — отдал команду Толя. — Быстро! И не жалея мускулов!

Глава 29. ПЛЕННИК С ВЫКЛЮЧЕННОЙ СИСТЕМОЙ

Жора скрылся в двери, а Толя с Алькой стали отбиваться от подбежавших к кораблю роботов. Те лезли напролом, ни с чем не считаясь, не понимая, что такое страх, боль, опасность. Руки у них были не металлические, а, очевидно, из пластмассы, поэтому удары не были смертельными для мальчишек. Но тем не менее они были в синяках, царапинах, ссадинах. И еще вот что спасало их: роботы никак не могли сообразить своим механическим мозгом, что сзади у них выключатели и спину нужно оберегать. Не могли сообразить и падали одни за другим.

Внутри корабля что-то загремело. В дверях появился Жора, весь взъерошенный, мокрый от пота, и выволок твердого, негнущегося, как бревно, робота, вытолкнул и ногой откатил подальше, за ним другого, третьего... десятого...

— Ого, сколько их там! — вскрикнул Толя. — Не повредили звездолет?

— Не знаю... Кажется, все, — сказал Жора, тяжело отдуваясь. — Немедленно полезайте внутрь, попробуем взять старт...

Ребята один за другим вскочили, захлопнули за собой дверь, Толя повернул на пять оборотов ключ, взятый у Жоры. Жора заорал во всю силу своей глотки: «Жми!» Заревели двигатели, корпус звездолета вздрогнул, качнулся, и стало слышно, как с него скатываются стальные тросы, которые уже успели поднять вверх роботы, и как колотят они по обшивке корпуса и по шасси своими кулаками.

Рев усилился. Корабль оторвался от космодрома и ушел в небо.

Толя с Алькой поднялись вверх и вошли в рубку. В небольшом, сильно подкрученном пилотском кресле сидел Колесников, босой, в трусах; грязные, все в царапинах и ссадинах руки его лежали на маленьком белом штурвале.

Минут через десять он слез с кресла, сказал:

«Ну, кажется, все», глубоко вздохнул и, вдруг увидев в рубке Леночку, застеснялся, покраснел и стал лихорадочно придерживать сзади обрывки тросов.

Леночка вышла из рубки, а Алька покачал головой:

— Что они с тобой сделали!... Толя, принеси мазь... Вымойся хорошенько и оденься...

— Да-да, — проговорил Колесников, и голос его прозвучал жалобно и благодарно. — Вымоюсь и оденусь... — И он, кажется, впервые посмотрел на свое тело, на кривые царапины на животе и груди, на ссадины на боку и коленках. — Плевать на это! Зато вовремя успели и спасли машину...

— Не болит? — спросил Алька. — Как им не совестно так обращаться с живым, мягким, не пластмассовым, не металлическим человеком!

— От кого захотел жалости! — сказал Толя.

Вдруг на лице Колесникова отразился испуг.

— Мы перегружены на пятьдесят килограммов! — ахнул он, не спуская глаз со стрелки циферблата, показывающей вес корабля. — В чем дело? Внезапно ровный гул двигателей прорезал визг. В двери рубки появилась Леночка, бледная, с перекошенным от страха лицом.

— Он... Он там! — закричала она. — Я пошла в туалет, а он...

— Кто — он? — спросил Толя.

— Робот... Открыла дверь, а он стоит на корточках; нагнулся и разглядывает, зарисовывает спусковой механизм унитаза и время от времени сливает воду... Я чуть не умерла от страха... Ой, он! Он идет, идет сюда... Вы слышите его шаги?

И правда, по коридору раздались негромкие, ритмичные, однообразно-четкие шаги.

— На их планете ты ничего не боялась, а здесь? — спросил Алька. — Сейчас мы его выключим.

— Там... там я привыкла к страху... А здесь... Ой!

В двери показался робот: прямой, стройный, краснощекий, пронумерованный — та же пластинка на груди, в безукоризненно отглаженном черном костюме и с не менее безукоризненно правильными чертами лица.

— Здравствуйте! — Робот бодро блеснул ровными белыми зубами. — Мы, кажется, летим... Куда? — Он пристально посмотрел на Колесникова. — Люблю вас, людей науки и техники... А где все мои коллеги?

— Мы их вышвырнули ко всем чертям отсюда! — выругался Жора и, потеснив робота, протиснулся в коридор.

— А как же быть мне? — спросил робот. — Мне скучно здесь без них, в одиночестве, у меня болит сердце...

— У тебя? — спросил Жора. — А ты знаешь, что такое сердце и где оно находится?

Алька с Леночкой, Толя и Колесников с острым любопытством и легким ужасом смотрели на робота.

— Как не знать! Вот здесь. — Правая рука робота коснулась левой стороны груди.

— Так вот знай, — сказал Жора, — нет у тебя там ничего, кроме катушек, моторчиков и реле!

— Вы глубоко ошибаетесь! — запротестовал робот. — Мы имеем сердце, и более прочное, надежное и верное, чем у человека.

Услышав это, Колесников почему-то побледнел.

— А мозг у тебя есть? — спросил из-за спины робота Жора.

— Есть, — уверенно ответил робот.

— А где он у тебя помещается?

Робот аккуратно и точно коснулся рукою лба.

Жора засмеялся:

— Ничего там у тебя нет, кроме каких-то винтиков, проводов и полупроводников!

Колесников еще больше побледнел. Жора между тем совсем распоясался:

— Эй, ты! — сказал он. — Докажи нам чем-нибудь, что ты не робот!

— Оставь его в покое и не груби, — проговорил Алька. — Он ни в чем не виноват, его таким сделали...

— И пожалуйста, выключи его, — попросил Толя.

— Меня? Я никакой не робот! — запротестовал робот. — Я не выключаюсь! Вы не смеете так говорить...

— Почему же? — сказал Жора. — Ты не у себя на планете, а в наших руках...

— Не шуми, — сказал Алька. — Мы придержим его, чтоб не упал и не разбился...

— Кто не упал? — спросил робот. — Кто не разбился?

— Один наш знакомый... Жора, начинай! — Толя с Алькой подошли к роботу, но не вплотную — чего доброго, еще ударит рукой или ногой.

Жора точным движением нажал сзади кнопку, и тотчас глаза робота закрылись, губы сжались, руки опустились, повисли, и робот безжизненно привалился к Толе с Алькой.

— Доставим его в целости-сохранности на Землю, — сказал Жора.

Леночка вздохнула:

— Зачем его сделали таким похожим на человека?

Колесников сидел потрясенный.

— Не горюй, — сказал Жора, — его еще включат, он оживет и будет делать полезную работу.

— Кто его включит? — спросил Алька. — Ты знаешь, как его включить?

— На Земле узнают, — сказал Толя. — Разберутся... Колесников, куда его тащить? И помогите нам, а то он такой тяжелый...

— В складской отсек, дверь N 10, — устало произнес Колесников.

— А корабль будет лететь с лишним грузом? — Будет.

— А ты же говорил...

— Двигатели будут сжигать больше топлива, и скорость уменьшится, но мы долетим...

Толя с Жорой и Алькой с трудом перетащили выключенную машину в отсек, кое-как разместили там, плотно прижав к стене, чтоб закрылась дверь. Потом вернулись, дали

Колесникову мазь, велели смазать ссадины и отправили в душевую. Потом приказали одеться. И Колесников покорно и как-то потерянно, как-то машинально повторял каждый раз:

— Помоюсь. Оденусь. Смажусь.

И выполнил все. Только забыл смазаться. Не чувствовал боли? Его ссадины и ушибы чуть не силой смазал Алька, и Колесников даже не поблагодарил его. В серых глазах его прочно засела боль.

Толя стоял на вахте и смотрел в иллюминатор.

Он думал, что, наверно, роботы не проникли бы в звездолет, если б Колесников не выключил энергосистему корабля. Недаром же, когда они улетали с Земли, начальник космодрома велел им не выключать ее. Но почему? Была в этом какая-то загадка...

Где-то впереди сияли и переливались огоньки маленьких зеленоватых звезд, по правую руку светились голубым мерцающим светом какие-то туманности.

Изредка черное небо сверху вниз прочерчивали огненные метеориты.

Сзади к Толе неслышно подошел Жора.

— Между прочим, куда мы летим? — спросил он и тоже уставился в иллюминатор.

— Вперед, — сказал Толя. — Мы летим вперед.

— А может, назад? — Маленькие Жорины глазки наполнились хитростью и лукавством.

— Смотря от чего считать...

— А скоро мы куда-нибудь сядем? — Лукавство не покидало Жориных глазок.

— На какую-нибудь еще планету, ну, на которой, скажем...

— Никаких больше приземлений!

— Чего нам не надо бояться, так это приземления... — остановил его Жора.

Толя сразу понял его и рассердился:

— Перестань! — и повернул голову в другую сторону. — Пошел бы ты лучше поспал в своем отсеке...

— С удовольствием! — Веселое настроение упорно не покидало Жору. — Да боюсь, что в мою койку улегся еще один робот... Как ты думаешь, они когда-нибудь спят? Отдыхают? Лечатся?

— Они проходят техосмотры, профилактические и капитальные ремонты, — сказал Алька, входя в рубку с пустым из-под мази тубиком в руках. — Весь ушел на Колесникова... Как только терпел? Все терзается теперь, что не послушался голоса электронного устройства перед выходом...

Глава 30. ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

В рубку быстро вошла Леночка и спросила:

— Куда мы летим?

— Толя говорит, что вперед, — сказал Жора.

— Остроумно. — Алька осмотрел всех, кто был в рубке управления, но проговорил уже другим тоном: — Лена, скажи, как выглядел тот человек в прозрачном кубе?

— Он выглядел ужасно! — сказала Леночка. — И мы должны спасти его! Он нам сумел помочь только советом, а мы ему должны помочь делом... Если б вы видели, какой он худой и как они эксплуатируют и мучают его... Если б не он, мы бы с вами давно погибли, а потом роботы обязательно прилетели бы на нашу Землю, чтоб покорить ее, поработить всех людей и сделать так, чтоб у нас не росло ни одного дерева, ни одного цветка! Толя с Алькой молча слушали.

— Мы должны немедленно возвратиться на Землю, все рассказать, обезвредить эту планету, выключить всех ее роботов! — продолжала Леночка.

— Узнав, как они устроены, по этому, которого мы везем в складском отсеке! — подсказал Жора и засмеялся оттого, что он оказался таким догадливым.

— Как ты считаешь, Алик? — посмотрела ему в глаза Леночка.

Алька опустил глаза.

— А ты, Толя, что скажешь на это?

Толя почесал свой рыжий от веснушек курносый нос и ничего не сказал.

— Он нас спас, а мы?... — закричала Леночка. — Зачем только я согласилась полететь с вами!...

Жора так и вспыхнул от радости, раскрыл рот, чтоб что-то сказать, но тут же закрыл его, плотно сжав губы.

— Немедленно — к Земле! — продолжала Леночка.

— Как же это... немедленно... — сказал Толя. — Ведь мы же еще...

— Вы думаете только о себе! — накинулась на них Леночка.

— Стоп! — сказал Жора. — К Земле! Мы уже достаточно повидали. Мы возвратимся на вполне исправном звездолете — в полете мы даже дополнительно испытали его; мы привезем с собой десятки пакетиков с неведомыми бабочками, альбомы с космическими этюдами и картинами, мы даже прихватили одного пленного робота с выключенной системой... И сами мы прибудем на Землю не совсем такими, какими улетали с нее...

— Глупо мы вели себя, — вставил Алька. — Ведь чуть не погибли...

— Со мной? Со мной нельзя погибнуть! — полное, круглое лицо Жоры заиграло, залучилось сметкой и весельем. — Говорят, только сделав много глупостей, становишься умным, и еще...

— К Земле! — сказала Леночка. — Толя, курс — к Земле!

— Пожалуй, — ответил Толя, вздохнув. — Где нам было лучше, чем на ней? Да и одним ароматом цветов мы не прожили бы...

— Никуда от своей планиды не денешься, — изрек Жора, — землянам нужна Земля...

Толя решительно положил руку на штурвал. Но в какую сторону его поворачивать?

— А где она? — спросил Толя. — В какой стороне?

Толя посмотрел на звездную карту, висевшую в рубке, на карту с сотнями звезд, созвездий, звездных скоплений и туманностей... Как выяснить, как узнать, в какой стороне находится их Земля?

— Альк! — позвал Толя и, когда Алька подошел, тихо спросил: — Ты не знаешь, куда вести корабль?

Алька выпрямился и незаметно, чтоб не увидели Леночка с Жорой, отрицательно качнул головой.

— А звездные карты ты не умеешь читать? — спросил Толя.

— Ты знаешь, что я умею делать, — уже не таясь, сказал Алька.

— А ты знаешь, что умею я, — тоже негромко сказал Толя, чтоб Алька знал, что и он, Толя, не боится это признать: не очень-то много он умеет делать. — Куда ж нам держать путь?

— Ведите корабль туда, — усмехнулся Жора и показал пальцем в иллюминатор. — Вон, смотрите, какая-то планетка подворачивается... А еще лучше — призовите на помощь своего Колесникова! Он все знает.

— Нет уж, на этот раз как-нибудь сами обойдемся. Пусть отдыхает...

Леночка чуть не заплакала:

— Сами?

Толю так и обожгло изнутри.

— Ну конечно, Лен, летаем, поищем и найдем Землю. Мы ведь помним ее очертания, и нам не нужно никаких звездных карт, пособий и справочников.

— Правда? — спросила Леночка. — Ну и хорошо, а я пойду посплю немножко. Едва на ногах держусь после всего...

Долго метались ребята от планеты к планете, и все были не те. Были разные, разные были планеты, но не было той, с которой они вылетели месяц тому назад.

Не было — и все.

Глава 31. ТЁПЛАЯ, ОБЖИТАЯ, ДОБРАЯ...

Колесников к ним не выходил. Он, наверно, спал в своем командирском отсеке N 1, оправлялся от всех страхов и переживаний.

— Не обойтись нам без него, — вздохнув, сказал Толя. — Колесников должен знать.

Алька пошел к отсеку N 1. Постучал в дверь. Очень много времени проспал Колесников, но и

сейчас с трудом проснулся, разлепил глаза и открыл дверь.

— Ну как он? Знает? — спросил Толя, когда Алька вернулся.

— Он говорит, что можно наладить радиосвязь с Землей, она определит наши координаты и подскажет, как надо лететь.

— Наладишь связь? — спросил Толя.

— Я? Но я улетел без предупреждения...

— Храбрецы! — В двери неожиданно появился Жора. — Может, хотите, чтоб это сделал я? Так я с огромным удовольствием...

— Прекрасно! — Толя стал радостно обнимать товарища. — Обжора, ты просто гений! Умница, молодчина! Как хорошо, что ты гнался в тот вечер за Леночкой! Что б мы делали без тебя?

— Полегче, — попросил Жора, морщась, — не жми так сильно, мне больно; с вами я стал таким тощим — одни кости торчат...

В рубке раздался громкий хохот.

— Скорей говорите, что я должен нажимать, чтоб вызвать Землю, и что у нее спрашивать... Я не очень разбираюсь в этих кнопках...

— Одну минутку!

Толя снялся с места и помчался к отсеку N 1, рванул дверь и увидел на койке Колесникова, его побледневшее лицо с грустными глазами. Он так не был похож на того Колесникова, которого знал Толя, что сердце его стиснулось от боли и участия.

Толя нагнулся над ним, приблизил свое лицо к его лицу, ощутил медленное, теплое дыхание и спросил. Совсем не то спросил, за чем бежал второпях.

Толя тихо спросил:

— Слушай, Колес... — Но тут же оборвал себя: — Женя, будь добр, скажи, где помещается кнопка, чтоб включить радиосвязь с Землей? Мы не знаем.

— На пульте управления, третья синяя клавиша, справа от штурвала... — Женя отвернулся от него к стенке, маленький и бледный.

Толя вышел, бесшумно прикрыв дверь отсека, и через три минуты Жора уже во всю глотку орал в микрофон — Земля была очень далека от них, в бесчисленных сотнях миллионов километров и едва была слышна, а значит, и они были едва слышны ей.

— Внимание, внимание! — орал Жора. — Говорит «Звездолет-100». Мы сбились с пути. Укажите нам координаты, чтоб мы могли вернуться на Землю...

Однако голос Земли был такой слабый, невнятный, что ничего нельзя было расслышать и понять.

Тогда Жора повторил просьбу, по опять его ухо ничего не могло уловить.

— Не дышать, вы мне мешаете!... — закричал он на ребят, и они старались не дышать в то время, когда он пытался что-то расслышать. — Уходите из рубки! Ваши сердца так громко бьются, что мешают мне слушать! — опять потребовал Жора, и Толя с Алькой вышли, задвинули дверь и через прозрачный пластик тревожно и чутко следили за напряженным лицом Жоры. Вдруг оно просветлело, еще больше округлилось.

Толя с Алькой ворвались в рубку:

— Узнал? Расслышал?

— Порядок! — Жора быстро записал какие-то цифры на листке бумаги, лежавшем на пульте управления, и резко повернул штурвал; звездолет помчался в противоположном направлении. — Я ж тебе говорил, что мы летели не туда! — со смехом сказал Жора.

— Не может быть, — ответил Толя, — это...

— Точно говорю. Слушайте, что вам говорит ваш ужасный, неисправимый Обжора: через двадцать дней мы будем на Земле, и поэтому разрешаю вам с сегодняшнего дня брать не по одному, а по три тюбика...

— Так много? — сказал Толя. — Объедемся.

— Кому много, может отдавать мне! — под общий хохот сказал Жора. — Ну, сменяйте меня, я ведь не командир и не хочу им быть, я хочу одного, сами знаете, чего — туда, вниз... — И Жора показал пальцем в том направлении, куда с сумасшедшей скоростью мчался звездолет... И еще вот что могу сказать вам по секрету: Земля, оказывается, все время следила за нами, пока мы не выключили энергосистему корабля...

— Так это, значит, она дала сирену, когда мы убегали от диких существ?! — вскричал Толя. — И резко повернула штурвал, когда нас чуть не подстрелили?

— Все может быть, — Жора засмеялся.

Звездолет мчался к Земле.

Время от времени их путь пролегал возле неведомых планет, и тогда ребята пристально осматривали их поверхность сквозь оптическое устройство. На некоторых можно было различить какие-то существа, разумные и неразумные, приметы их жизни, их деятельности, их высоких достижений, их низменного варварства... Перед глазами ребят ярко синели выпуклые океаны Планеты Вод, желтели крутые бока Планеты Сплошных Пустынь, ржавые горные цепи Планеты Диких Гор, спекшиеся бурые глыбы и сугробы пепла погибших городов Планеты Потерянной Цивилизации, слепящие, тоскливо белые снега Планеты Вечной Зимы, кровавые зарева и черный, с огнем и камнями рвущийся из жерл дым Планеты Действующих Вулканов — безмерное величие неисчислимых миров Вселенной...

Толя смотрел на них и думал: удастся ли им снова отыскать Планету Синих Роз — вот бы обрадовался отец! Планету Совершенства — вот у кого можно поучиться! Дикую Планету — вот кого можно поучить! Планету Постоянных Войн — чтоб доказать, что ничего нет лучше мира!

Удастся ли отыскать Планету, Захваченную Роботами, чтоб вернуть ее живым людям и освободить человека в прозрачном кубе?

Удастся! Земля отыщет...

Толе было очень хорошо. И потому, что они благополучно возвращаются назад, и потому, что они, такие разные, не похожие друг на друга, так сдружились в этом необыкновенном рейсе...

Шли часы, дни, недели... И однажды Алька глянул в окуляр оптического устройства в салоне и обмер. Вначале он даже не поверил своим глазам и не мог пошевелить пересохшими губами. А когда он смог это сделать и даже раскрыть рот, по кораблю прокатился его истошно-яростный, ликующий крик:

— Земля!

Леночка кое-как оделась и выбежала из душа; Женя, в глубоком молчании сидевший в библиотеке, выскочил с какой-то книгой в руке; Толя, углубившийся в чертежи двигателей реактивных кораблей, которые уже начал немножко понимать, вылетел из отсека; Жора, лежавший на койке и слушавший полупонятную, стремительно-загадочную музыку какой-то планеты, бросился в салон.

И пока Жора с Женей, по очереди прижимая глаз к окуляру оптического устройства, смотрели вниз и бессвязно выкрикивали что-то восторженное, Толя прыгал от нетерпения возле них, ожидая, когда и его подпустят к окуляру. Однако ребята не замечали Толю и его нетерпения. И тогда Толя перестал владеть собой. Он схватил за плечи Жору, который в пятый раз хотел припасть к окуляру, и вместе с Женей стал оттащить его. Толя пытался, работая обеими руками, и умолял:

— Ну, ребята!... Ну нельзя так!...

И оттащил, пробился к окуляру.

Он увидел вдали небольшую, с яблоко, планету, плывшую в темноте космического пространства, с одной стороны освещенную Солнцем. Он видел ее, удивительно похожую на уменьшенный школьный глобус со всеми его материками и океанами, видел и не верил себе. Земля тускло мерцала в серебристом свете, и на ней четко был виден с малых лет знакомый контур Африки, пересеченный волокнами облаков Мадагаскар и тускло-белая шапка Южного полюса. Сверху Земля казалась совершенно необитаемой, нежилой, холодной, а уж кто-кто, а Толя-то знал, какая она теплая, обжитая, добрая...

С каждой минутой усиливалось ее притяжение.

— Дай и мне еще посмотреть! — опять потребовал Жора и дернул Толю за руку. — Я забыл уже, какая она...

— И я! — потребовал Женя и, низенький, стал тянуться на цыпочки.

— А я что, не хочу? — обиделась Леночка. — Пустите меня! Земля, неужели это ты? Хорошая, родная, как мы стосковались по тебе...

Земля стремительно росла, надвигалась и вот уже закрыла весь горизонт, бескрайняя и сияющая.

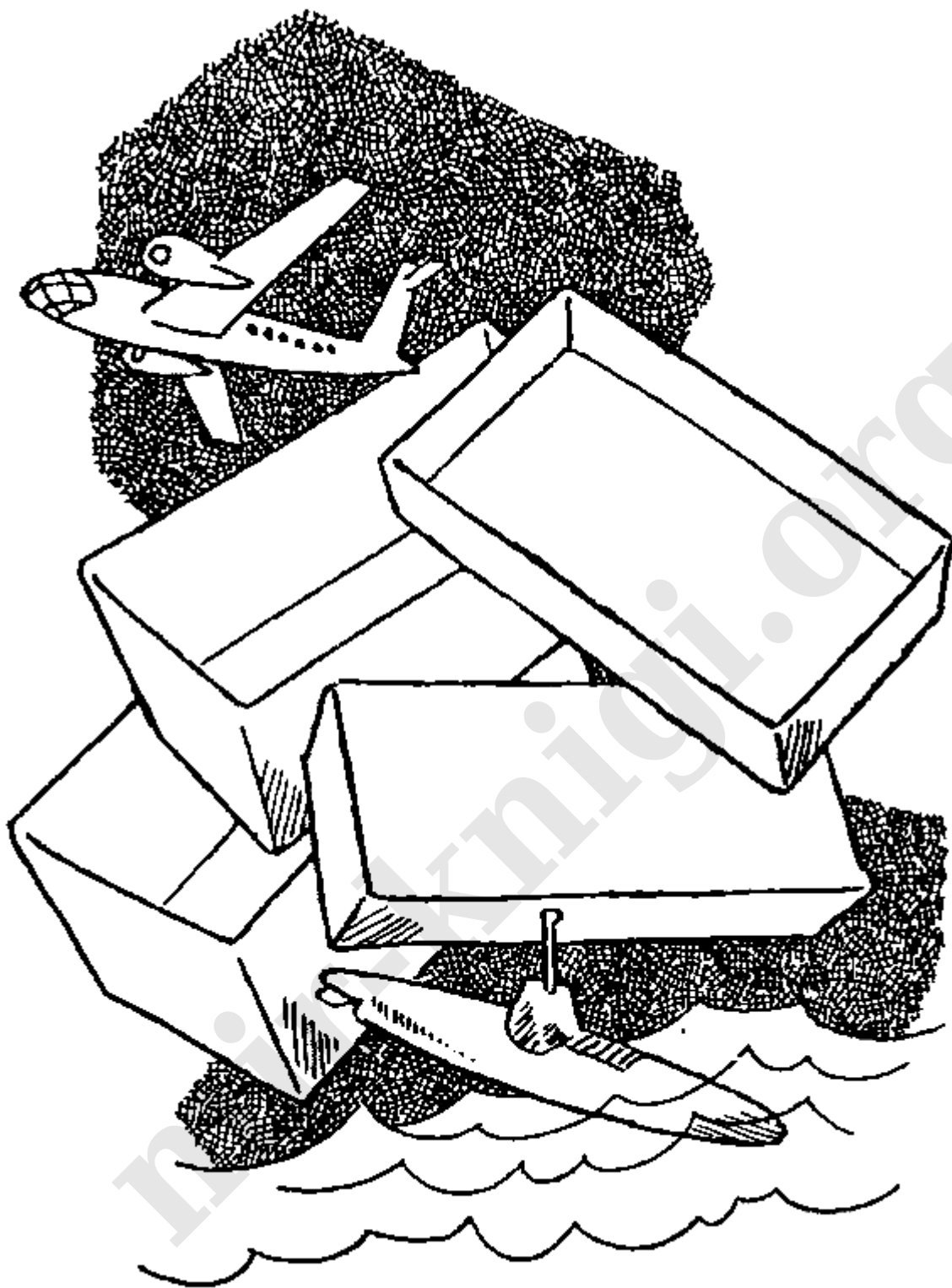

mir-knigi.org

СЕМЬ ДНЕЙ ЧУДЕС

Повесть
почти
фантастическая
об одной
неделе
в жизни
Бори Крутикова

СЕМЬ ДНЕЙ ЧУДЕС

СИНЯЯ КОРОБКА

Боря защелкнул на замок портфель, натянул куртку и шагнул к двери, но тут зазвонил телефон. Маленький и черный, он стоял на столике в передней и звонил громко и требовательно. Не звонил, а давал короткие пулеметные очереди.

Кто в такую рань?

Боря даже оробел и с опаской снял холодную трубку.

— Слушаю... Кто это?

— Привет, это я, — бодро сказала трубка, и Боря узнал Глеба. — Что новенького? Ничего?

— Ничего, — подтвердил Боря, потому что и в самом деле за вчерашний вечер и сегодняшнее утро не произошло в его жизни ничего особенного. — В школу вот собираюсь. — Боря вздохнул.

— Чувствую!... — еще бодрей заорала трубка. — А знаешь, что мне вчера подарил папа?

— Что? — Боря так и сник.

— Догадайся, — потребовала черная трубка.

— Не знаю.

— А ты подумай!

Боря молчал.

— Пошевели мозгами!

— Ну не знаю я, не знаю...

— Кинокамеру «Уран»! Крошечная, с ручкой как у пистолета, диафрагма и выдержка сами устанавливаются. Нажми кнопку — и снимай. Фильмы делать буду! Понял?

Чего ж тут не понять! Глебу всегда дарили необычные, замечательные вещи, какие и снится не могли ребятам их класса — ни Андрею, ни Вове Цыпину, ни ему, Боре Крутикову, самому одинокому и невезучему: три месяца уже прошло, а отец все собирается купить ему давно обещанную подзорную трубу.

— Дашь подержать? Снимать научишь? Ну, Глеб, умоляю...

— Там видно будет... А еще знаешь новость? — радостно спросила трубка.

— Нет, — ослабевшим голосом сказал Боря. — А что?

— А то, что Андрей заявил вчера после уроков: если ты не извинишься при всех перед Наташкой, не пойдешь на экскурсию в аэропорт.

Боря прямо подскочил:

— Врешь! Какое его дело? И я не виноват... Много берет на себя!

— Это ты ему скажи, — ответил Глеб. — Ну, всего, до встречи...

И в трубке раздались гудки. Частые, холодные, едкие. Точно дразнили Боря.

Глеб любил первым обрывать разговор, и всегда в таком месте, когда так хочется говорить.

И Боря положил трубку с этими дразнящими гудками на аппарат, и она сразу притихла. И в квартире была полная тишина: мама с отцом на работе, братишка Костик уже убежал в школу

— он всегда убегает чуть не за полчаса до занятий.

Было тихо. Так тихо, что даже в ушах звенело.

Боря застыл у двери. Да... Вот как получается: у кого «Уран» с ручкой как у пистолета и бодрый голос, а кого грозят даже не взять в аэропорт... Андрей грозит! А почему? Да потому, что он главный в классе и его отец, знаменитый воздушный ас, налетавший много миллионов километров, взялся устроить им эту экскурсию; он сам покажет им кабину своего гигантского реактивного корабля, и можно будет посидеть в пилотском кресле, увидеть чуткие стрелки десятка приборов, коснуться штурвала и полазить внутри огромных крыльев. А потом... А потом их обещали покатасть на вертолете и показать сверху город!

И все пойдут па эту экскурсию просто так, а он должен при всех извиняться...

Даже в школу идти расхотелось.

А идти было нужно. Совсем недавно заходила к ним Марья Васильевна, классный руководитель, из-за двоек по арифметике и русскому, и у нее был неприятный разговор с мамой.

Только б с Наташкой не встретиться — ее дверь на их же площадке, напротив. Она в самый последний момент убегает в школу, за минуту до звонка, и теперь из-за нее он не тронет штурвал самолета и не увидит с неба свой дом...

Боря высунулся из квартиры — у лифта пусто. Он бесшумно вышел и, не сводя глаз с ее двери — не открылась бы! — нажал кнопку вызова лифта. Прыгнул в кабину и, сильно хлопнув дверью, поехал вниз.

И быстро-быстро зашагал к школе, оглядываясь по сторонам. Он не хотел сейчас встречаться не только с Наташкой, по и с Вовой Цыпипым, добрым и тихим, жившим в соседнем подъезде, которого в прошлом году так ловко провел Глеб...

Только подошел он к школе — звонок.

Боря оглянулся: по тротуару, размахивая портфелем, со всех ног бежала Наташка, а ноги у нее длиннющие — ни разу не опоздала. Боря кинулся в дверь и взлетел на второй этаж. В классе он увидел почти всех ребят, и Глеба в том числе, но поговорить с ним о кинокамере было некогда, потому что надо было отвернуться от двери, в которую ворвалась запыхавшаяся Наташка, а потом в класс вошла Марья Васильевна.

В середине урока Боря случайно глянул на Вовину парту и замер. В парте, рядом с желтым ранцем, виднелся край большой синей коробки. Да, да, синей коробки! Той самой коробки, из-за которой и завертелось все, и не только в их классе, и произошли совершенно невероятные события, в которые теперь и доверять трудно.

Но они, эти события, произошли чуть попозже, после уроков, а пока что Боря ошеломленно смотрел на эту коробку в Вовиной парте и слушал, как бьется его сердце. А оно билось так, что даже руки у Бори слегка тряслись...

Опять? Опять что-то? Но что? Что?

ПОПКА ДУРАК

В прошлом году, по просьбе Андрея, Вова принес в школу точно в такой же синей коробке настоящую, только маленькую, подводную лодку. Боря увидел ее и понял: вот оно — то, о чем мечтал он всю свою жизнь!

Уж кто-кто, а Боря понимал толк в технике. Часами мог смотреть, как вгрызается в землю разгоряченный экскаватор, прокладывая на улице траншею для труб, как хитро загребают и подталкивают снег лапы снегоуборочной машины; не отрывал он глаз и от экрана телевизора, когда во время парадов проходила военная техника и на особых платформах ехали умопомрачительные межконтинентальные ракеты.

И у Бори дома было кое-что. Пластмассовые и жестяные пушки, бронетранспортеры, амфибии и тапки: заведи на полный оборот — весь коридор проедут и уткнутся в дверь, продолжая вращать колесами; боевые самолеты разных систем — истребители, штурмовики, стратегические бомбардировщики дальнего действия, и эсминцы, и стремительные заводные торпедные катера.

Все, что крутилось, ездило, плавало, заводилось, взлетало, тарыхтело, ныряло, постукивало и стреляло, — все это прямо сводило с ума Борю. Да, его нелегко было удивить в технике. Но...

Но принес Вова в тот день эту лодку, и Боря понял, что вся его военная техника — только детские игрушки... Узкая, ловкая, с изящно выгнутым металлическим винтом и тонким килем, она так и сверкала, так и лучилась на солнце!

После уроков они всем классом бегали испытывать ее на пруд — он был недалеко от школы. Чего только не проделывала эта лодка! Ныряла, исчезая из глаз, и пускала из-под воды ракету, которая круто врезалась в воздух...

Подумать только — из-под воды!

И ракета взрывалась!

И никаких заводных пружин, и пруд — не жалкая ванная, где Боря проводил морские бои, а почти океан, и плавать лодка могла хоть час, хоть два...

Ее построил Вова старший брат Геннадий, он-то и пришел после уроков к пруду, чтоб пустить ее, потому что Вова никак не мог запомнить, какие рычажки в ее двигателе надо было перевести. До чего ж Боре хотелось тогда получить ее: купить, выменять па что-нибудь и даже..., даже отобрать! Никогда ничего не отбирал Боря у ребят, а тут мелькнула такая мысль.

И пока Боря ломал голову, что бы такое предпринять, страдал и обвинял себя в трусости, лодка на следующий день уже была у Глеба. Вот так... И отдал ее Вова совершенно добровольно. И за что! За три пакетика гашеных марок с разными зверюга ми и рыбами. А еще за попугайчика...

Знал, на что менять! Ведь Вова жить не может без разных там птичек, жучков и ежеиков; приходил в класс с собачьей шерстью на куртке, с каким-то пухом в волосах, а однажды — даже вспомнить смешно! — явился с пометом на колечке берета: это его наградил сверху кто-то из благодарных перна тых! А тут Глеб предложил ему не что-то пустяковое, а попугайчика, и какого! Голубенького! Да еще африканского! Как тут устоять?

Но как потом обрушились на Глеба ребята: это же, кричали они, сплошной обман и надувательство!...

К тому же оказалось, что попугай больной: через несколько дней он умер. Никто в классе не

разговаривал с Глебом, и до сих пор многие не замечают его, а те, кто замечает, называют не Глебом, а Попугаем, а Андрей еще хлестче — Попкой-дураком.

Боря тоже хотел поссориться с Глебом, и поссорился бы, но в последнюю минуту опомнился: тогда ведь и лодку он больше не увидит, и ничего другого.

Пришлось не ссориться.

И до истории с лодкой не мог он обойтись без Глеба. Чего только не было у того! Папа Глеба работал в огромном универмаге, мог достать любую вещь и, наверно поэтому, ходил, важно выпятив грудь и сильно выдающийся живот, — и у Глеба будет такой! А важность у него уже была. И был он, как и папа, очень бодр и носил на руке плоские, изящные, очень точные часики и то и дело — особенно при людях — поглядывал на них. Он с удовольствием показывал Боре свои новые вещи, но голос у него чуть терял бодрость, когда Боря подкатывался к нему:

— Дай покататься на гоночном... Не сломаю ведь!

— Сейчас не могу, — отвечал Глеб.

Как-то Боре понадобилась масляная краска — подкрасить торпедный катер, а у Глеба был целый фанерный ящик с тюбиками, и Боря попросил:

— Мне чуть-чуть выдавить, незаметно будет.

— А если потом не хватит на картину?

— Еще останется! И ты ведь никогда не рисуешь.

— А если вдруг захочу?

Боря замолчал. Ведь совсем немножко было надо...

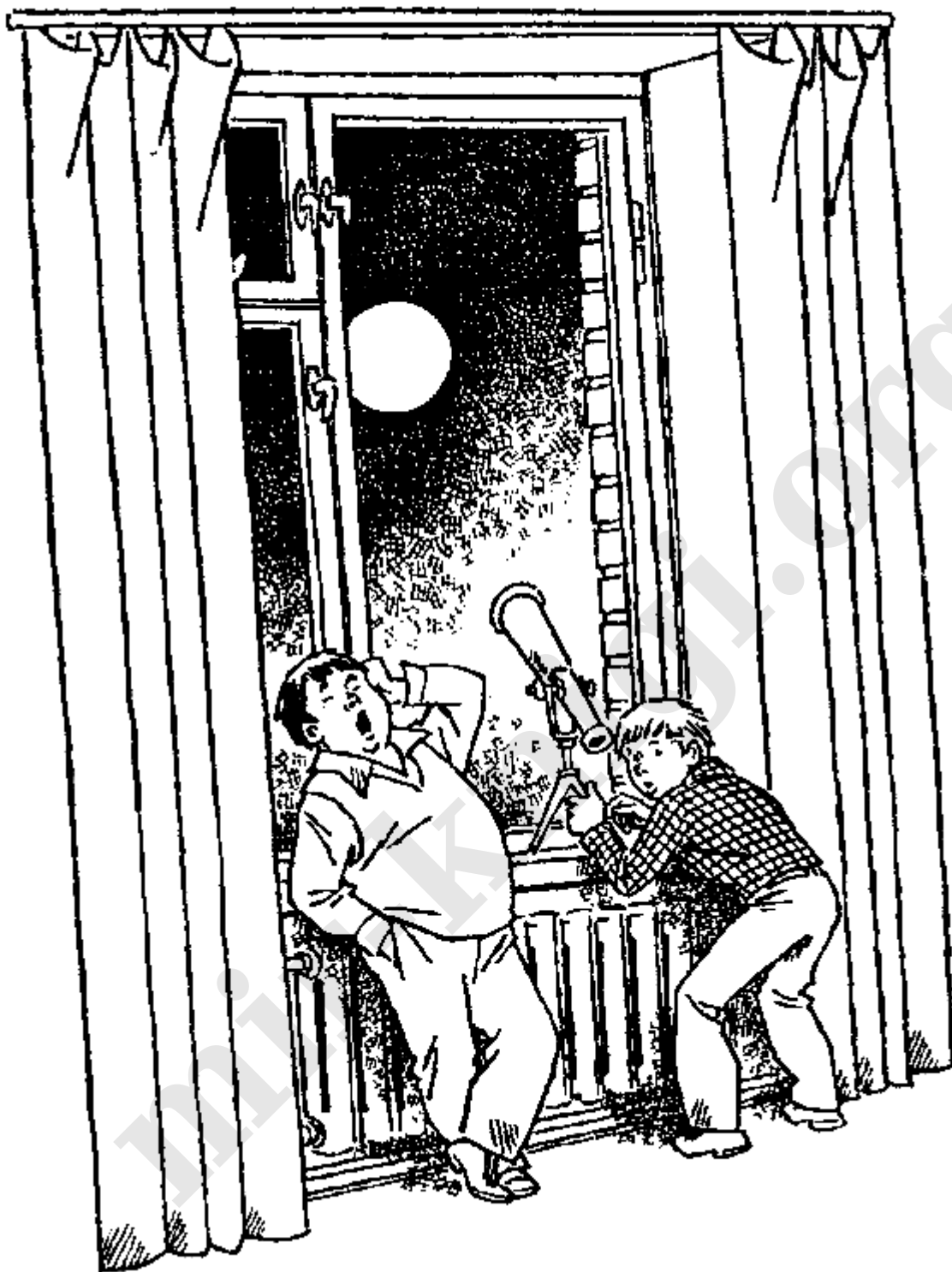
У Глеба еще была уйма «конструкторов», три, фотоаппарата новейших систем и в больших зеленых альбомах лучшая в школе коллекция марок английских и французских колоний; и еще был у него маленький, но очень сильный телескоп, и однажды вечером он направил его на Луну и разрешил Боре посмотреть в окуляр. И Боря увидел совсем рядом темные пятна лунных морей, пики гор и хребты...

— Ой! — крикнул вдруг Боря и подпрыгнул от изумления. — Там космический корабль! Прилунился!

— Муха села на линзу. Сгони, — сказал Глеб и громко зевнул.

И оказался прав. Боря прогнал муху и стал бродить глазами по Луне, потом перебрался на звезды, а рядом с ним нетерпеливо сопел Глеб.

— Посмотрел, и хватит, — сказал он минуты через три и стал закрывать особыми крышечками оба края трубы. — Хватит пылиться оптике... Луна — пустяки! Посмотрел бы ты на Марс...

- Он тоже виден? И каналы? И полюсы?
- Запросто. Скоро, между прочим, великое противостояние, отлично будет виден.
- Глебочка, хороший... Будь другом, покажи!
- Там досмотрим... Я тебе позвоню тогда.
- Ну спасибо, Только не забудь! Не забудешь?

— Нет. Ну хватит на сегодня, укатывай.

И Боря ушел, а мог бы до ночи проторчать у Глеба. Потом Боря каждый день спрашивал у него в школе: «Скоро позвонишь?» — «Скоро...» И Боря целый месяц подбегал на каждый звонок к телефону, даже с мылом на лице. И однажды Глеб бросил в трубку: «Приходи». И Боря понесся как угорелый к нему, чтобы увидеть этот самый знаменитый красноватый Марс, планету бога войны. Позвонил в дверь, а мама его очень вежливо сказала: «А Глеб только что ушел с папой в гости...» Боря опешил: «А как же Марс? Он ведь сам позвал!» — «Глебик у нас забывчивый... Успокойся, есть от чего расстраиваться!...» — И закрыла дверь.

Несколько дней Боря не смотрел на Глеба в классе, потом снова потянуло к нему. И Глеб опять с большой охотой рассказывал про свои марки и даже подарил несколько штук, правда с оторванными уголками и дырочками. А потом Глеб выменял лодку, и Боря один остался верен ему и снова зачастил в их дом. Но чего ни делал Боря, как ни смотрел в глаза Глебу, тот не показал лодку. Ни разу. А когда Боря неосторожно заикнулся: не обменяет ли он лодку на всю его боевую технику, Глеб засмеялся:

— И тебя в придачу не возьму!

— Но ты ведь ее не пускаешь! — в отчаянии крикнул Боря. — Не нужна она тебе!

— А ты откуда знаешь? — Глеб в упор посмотрел на него своими узкими глазами, и Боря словно впервые увидел, какой он сильный и, толстый. И отступил.

— Я... Я думал... Мне казалось... Я хотел...

— Договоримся, — прервал его Глеб, — чтоб о лодке больше ни слова.

«Почему?» — хотел было спросить Боря, но побоялся.

Да, один Боря не поссорился с ним, а надо было! Он один не называл его Попкой-дураком, а надо было! Он бегал к нему домой, рассказывал, что задали на дом, если тот болел, стойко сносил презрение класса, даже заступался за пего перед ребятами, а Глебу... Глебу на все наплевать!

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗИЩИ

Боря едва дотерпел до конца урока. Он старался не пялить глаза на Вовину парту. Он искоса поглядывал в сторону Глеба — не увидел ли он эту коробку? Чего доброго, опять выменяет на что-нибудь, а потом и не покажет!

Этого нельзя допустить. Этому надо помешать.

Но как?

Одно знал Боря: действовать надо осторожно.

Рядом с Вовой сидела та самая Наташка, из-за которой он теперь не пойдет в аэропорт. Она была худая и носатая, с челочкой на лбу и громадными зелеными глазищами. Она и раньше, до случая с лодкой, всегда вертелась возле Бори, а теперь еще больше, и давала советы, что он должен делать и чего не должен, вздыхала, когда он получал двойки, и прямо как бешеная набрасывалась на ребят, если они задевали Борю... Кто ее просил? Она чуть не каждую неделю звонила ему и предлагала новую книжку.

Что ей надо от него? А неделю назад... Это просто ужасно, что случилось неделю назад! Было собрание, и она кричала, что Борю надо включить в сборную: он любого обгонит в школе и только стесняется выставлять свои способности. Девчонки хихикали, мальчишки иронически молчали. Боря закрывал от ужаса глаза и был бы рад провалиться вместе с партой сквозь пол. А она все разорялась, все кричала про него. И ее слушали! Ее всегда почему-то слушал класс, какую бы ахинею ни несла! И когда вышла Марья Васильевна, как-то получилось так, что он вскочил с места, и съездил Наташку по щеке — даже рука заныла, — и бросился бегом из класса.

Класс за его спиной прямо взорвался весь. Ох как Боря испугался, что так получилось! Ну, подножки ей ставил, и за косы дергал, и подзатыльники отпускал, но чтоб так... Вечером Глеб сообщил ему по телефону, что Наташка почти не ревела и сказала, что сама знает, что ему сделать за это.

Однако до сих пор Боря не знал, что это она та кое знает. Он и потом переживал, что стукнул ее, а на третий день вскочил в лифт, а там — она, ну и слегка улыбнулся ей — ну самую малость, и она улыбнулась, и совсем не слегка, и они снова стали разговаривать.

А теперь Андрей требовал извинений, и Боря опять рассердился на нее.

Но сегодня Наташка позарез нужна была ему.

Прозвенел звонок, и Боря подозвал ее.

Наташка подбежала, обрадованная, что понадобилась за чем-то, и уставилась на него в упор своими глазницами. Ну просто фары, а не глаза! И были бы серые или голубые, а то ведь зеленющие. Как у русалки. И веселые. Боря не любил, когда она смотрела на него так, да еще при всех. Он и сейчас хотел по привычке отвернуться, да ведь был срочный разговор.

Он отвел ее в угол и шепотом спросил:

— Что это Цыпленок приволок в класс?

— Вовка? Не знаю... А что?

— Да если б знал, не спрашивал бы!

— Ну тогда я спрошу у него.

— Только чтоб никто не слышал.

— Почему? — У Наташки удивленно приоткрылся рот.

Ну какая она — не понимает самых простых вещей! И Боря решил не унижаться до объяснений и отрезал:

— Потому.

И отошел в сторонку. И стал наблюдать, как Наташка тут же бросилась к Вове и чуть не на весь класс заорала: «Что это ты притащил?» Боря поежился: ну хоть капельку б хитрости ей! И он-то не слишком хитер, куда ему до Глеба, но она... Одно в ней ничего: не мстит за подзатыльники, и возле нее всегда кажешься самому себе сильным и удачливым.

— Ничего особенного, — ответил Вова.

— А что неособенное? — не отступала Наташка, и Боря уже ругал себя, что попросил ее.

— Лайнер, — сказал Вова и уточнил:

— Воздушный...

— Тоже Геннадий сделал?

— Тоже.

Боря похолодел: не обмануло его предчувствие... Ух, наверно, и штуку принес!

Брат у Вовы почти гений, он работает программистом на станции слежения за космическими кораблями и спутниками, а дома он настоящий волшебник. Взять ту удивительную лодку: ведь и плавает, и погружается, и стреляет она так, точно внутри у нее живет команда, и есть командир, и сложный механизм с крошечным атомным реактором...

— Покажи! — закричала Наташка.

— Я хотел после уроков, — сказал Вова и стал оглядываться. Ну конечно, искал глазами Андрея: не против ли он? Но не нашел и решил обойтись без его разрешения. — Но если ты так просишь...

«Глупая, что ты делаешь!» — ужаснулся Боря. Ведь сейчас все увидят лайнер, и кто-нибудь опять заполучит его. Хорошо хоть, Глеб куда-то вышел. Надо было отвести Вову в сторонку и уговорить, чтоб он показал только ему, Боре, а не всем. И придумать что-то похитрее: ведь после того, как его обманул Глеб, он не отдаст лайнер за пустяки.

Вова вынул из парты картонную коробку, открыл и извлек из нее другую, поменьше, дюралевою, с прозрачной крышкой.

Нет, это была не коробка, это был ангар, маленький ангар!

И только он появился на парте, как Вову с шумом окружили ребята. Даже из коридора набежали. И Андрей среди них.

Вова нажал пальцем какую-то задвижку, и у ангара откинулись металлические воротца; нажал другой рычажок, и на парту выкатился серебристый, остроносый, со скошенными назад узкими крыльями лайнер...

До чего ж он был красив!

Он легко опирался на шасси — колесики в резиновых шинах; па сверкающих крыльях — элероны, рули глубины и высоты, по фюзеляжу строчка иллюминаторов; и у него был не старомодный винт, а маленькие сопла реактивных турбин, по краям они даже слегка потемнели, точно были в работе...

Неужели реактивный?

— И он летает? — спросила Наташка.

— Нет, ползает по земле, — обиделся Вова, словно это он сам, навсегда забросив своих зверей, насекомых и рыб, сконструировал и построил лайнер — Он летает на разных скоростях и в разных направлениях. Гена придумал специальное устройство...

Ребята, окружившие Вову, заахали.

— Ну и вещь! — сказал Митя.

— А покажешь, как летает? — спросил Витя, Митин друг; их всегда видели вместе, точно они были намагничены и притягивались друг к другу.

— Только не сейчас, — сказал Вова — Вот кончатся уроки...

— Скорей бы! — вздохнул Стасик. А стоявший рядом Коля ничего не сказал, только потер от возбуждения рука об руку.

Боря слушал все это и мрачнел.

Хоть бы дотронуться... Но попробуй дотронься, если ребята вокруг Вовиной парты шумят, хохочут, толкаются.

А он, он первый увидел синюю коробку!

Боря вдруг рассердился на всех и на себя и, работая локтями, протиснулся к лайнеру и даже приподнял его. Он так волновался, что самолет в руке вздрагивал, покачивался и в крошечных иллюминаторах прыгали солнечные искорки.

— Поставь на место! — сказал вдруг Андрей.

Боря вздрогнул:

— А тебе жалко?

— Жалко.

— А я... Я хочу, — через силу выдавил Боря.

— А я не хочу, чтоб ты хотел... Иди лучше почисти перышки Попке-дураку, авось спасибо скажет...

Ребята засмеялись, а Борю бросило в жар. Он боялся Андрея. Боялся его плотных плеч, глаз, острых, как пули, и насмешливого рта. Боялся потому, что Андрей больше других не любил Борю и не скрывал этого...

И все ведь из-за Глеба.

А какое дело Андрею? Какое дело классу?

Хочет — и дружит с Глебом.

Все рассорились, а он дружит. Дружит и будет дружить назло всем!

Андрей плечом оттер ребят, протиснулся к столу и стал отбирать у Бори самолет.

— Но-но, — сказал Боря, а сам тут же разжал пальцы и отдал лайнер, потому что Андрей мог взять и стукнуть при всех: он ни с кем не церемонился.

— Опять военная техника? — спросил Андрей у Вовы.

— Нет, пассажирский... Гена сказал, что переходит на мирную продукцию.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Прозвенел звонок. Красный и подавленный, пошел Боря к парте. Все, кому не лень, на него покрикивают и задевают. Все, кроме Вовы и Наташки, но она не в счет.

Боря сел за парту и взглянул на Глеба. До чего ж он в школе менялся! Прятался в себя, как улитка в раковину. Где его бодрость и зычный голос? В школе он напускал на себя безразлично-сонный вид, молчал, мало двигался и поэтому казался толще, чем был на самом деле.

Большой и тихий, он поглядывал сейчас за окно и не обращал никакого внимания на лайнер, точно все это и не касалось его.

После уроков с криками и смехом ребята повалили в раздевалку.

Боря, обгоняя всех, скатился по лестнице, надел свою серую непромокаемую куртку, всю па «молниях» — вертикальных, косых и поперечных, — кинул на голову фуражку и завертелся вокруг ребят. Чего-чего, а проворства у него хоть отбавляй. И живости. Все хочет узнать, везде поспеть вовремя, да ведь не поспевает!

Вместе со всеми Боря ринулся из дверей.

Впереди с синей коробкой в руке и ранцем за спиной важно шел Вова. День был яркий, и большие Вовины уши, просвечивая на солнце, казались розовыми. Он был в маленьких веснушках — даже па веках рыжели, — его светлые ресницы часто моргали.

За Вовой, точно прикрывая его, широко шагал Андрей, большеротый, коренастый и сильный, в вытертой кожаной куртке, в которых обычно ходят летчики гражданского флота. Куртка была ему в самый раз. В отвисшем кармане ее тоненько звякали шахматы в коробочке; с ней он не расстается, и то и дело от пего слышно: «Сыграем?» И расставляет фигурки. Сильно играет: несколько ходов — и мат. За Андреем, толкая друг друга, торопились неразлучные Митя с Витей. У первого лицо репкой — круглое, светлое; у второго — будто морковка. Вытянутое, розовое. Рядом — Стасик, самый низенький в классе, даже девчонок таких не было; однако ни рост, ни писклявый голос не помешали ему получить бронзовую медаль, присужденную в Индии за один из его рисунков. Сбоку, в коротеньком, пронзительно красном, как пожар,

пальтеце с деревянными палочками-пуговицами вприскок бежала Наташка. Это ее пальтецо резало Борины глаза.

— Подумать только, как настоящий! — верещала она.

Как она навредила Боре! И он, державшийся подальше от Андрея, хотел толкнуть ее локтем, но Наташка ускакала вперед.

Сзади всех вразвалочку плелся Глеб. Все-таки не выдержал! У него дома столько всего, но и он снялся с места.

Боря чуть замедлил шаг и поравнялся с Глебом.

— Видел? — спросил он. — Какой красавец!

— Так себе, — уронил Глеб, посмотрел на часы и больше не проговорил ни слова.

Притворяется! Наверно, опять что-то затеял... Но не скажет — скрытный!

Ребята обогнули здание и вышли на просторный школьный двор с широким тротуаром, на котором девчонки играли в «классы». Увидев, что Вова направляется к ним — наверно, уже выбрал стартовую площадку, — Боря кинулся вперед, храбро отфутболил коробочку из-под ваксы: «Р-разбегайся!» — и девчонки разбежались. Андрей улыбнулся ему, и Боре стало приятно.

Вова опустился на корточки, достал из коробки ангар, и снова из него медленно выкатился на тротуар острокрылый лайнер. Еще ярче загорелись па солнце Вовины уши. Они были такие прозрачные, что сквозь них, наверно, можно было смотреть, как через розовое стеклышко.

Ребята столпились возле него. Вова достал из ранца бумажку в клеточку, исписанную четким взрослым почерком, заглянул в нее и только после этого отодвинул на носу лайнера планочку-крышечку и переставил внутри какие-то рычажки.

— Пускаю на двести метров с возвратом, — сказал он.

— Давай, — ответил Андрей. — А какая высота? Вова осмотрел деревья и школьный забор.

— Метров сорок. — И вдруг спросил:

— С демонстрацией спасения или нет?

— То есть? — не понял Андрей.

— Ну на случай аварии в полете.

— Валяй с демонстрацией.

— Одного экипажа или вместе с пассажирами?

— Всех вместе, — хором сказали Митя с Витей, хотя, наверно, не стоваривались: все у них получалось одновременно, точно они были одним человеком.

— Отойдите все, — попросил Вова, и ребята отодвинулись.

Вова открыл в фюзеляже лайнера крошечную дверцу, извлек из кармана спичечный коробок с дырочками и кого-то пересадил из него в лайнер. И закрыл дверцу.

Боря нагнулся над лайнером:

— Кого это ты?

— Не мешай старту! — сказал Андрей.

— Запускаю. — Вова опять заглянул в бумажку, что-то сделал кончиками пальцев в носу корабля, задвинул планочку-крышечку и отошел.

— Ты что там прочитал? — спросил Стасик.

— Там Гена написал мне, что и как..., чтоб техника сработала... Разве упомнишь все? — Вова спрятал бумажку в карман и быстро сказал:

— Через три секунды взлет!

Лайнер вдруг пустил тугую струйку дыма, в нем что-то стукнуло, зарокотало, раздался жаркий протяжный свист, и под возгласы ребят он легко побежал по тротуару, по расчерченным мелом «классам», по грязным следам каблуков, потом оторвался и плавно взмыл в воздух. Вспыхнул, как зеркало, на вираже и понесся над обширным двором и спортплощадкой, набирая высоту. За ним стлался прозрачный след. Вот он уже выше тополей, вот он перелетел территорию школы и понесся над проезжей улицей с троллейбусами и грузовиками.

Ребята, задрав головы, следили за ним.

И молчали.

От радости. От восхищения.

На дворе стало тихо-тихо.

— Пропал! — сказал Боря. — А какой был лайнер!

— Вернется, — спокойно ответил Вова. — Только освободите посадочную полосу, а то у него допуск точности — два метра.

Ребята отхлынули в сторону и освободили такое пространство, что, наверно, мог бы сесть и настоящий самолет. «Ведь врет же, врет! — подумал Боря. — Или он волшебный? Или там, как и в подводной лодке, сидят малюсенькие человечки? Ведь врет же...»

Вот лайнер исчез из виду.

Боря вдруг почувствовал странное облегчение: улетел... Никому теперь не достанется. Не так обидно. Как бы он завидовал Глебу, если б тот получил и лайнер!...

Ребята не спускали с неба глаз, а Боря, сунув руки в карманы, стал расхаживать по двору, по первой мягкой травке.

— Летит, летит! — за кричала вдруг Наташка, запрыгала, и по глазам Бори полоснуло пламя ее пальтеца.

Он вскинул голову.

С другой стороны, совсем не оттуда, куда смотрели ребята, появился лайнер: легко, с жарким свистом скользил он в яркой синеве неба.

Вернулся...

Из-под ладони, чтоб не мешало солнце, следил Боря за полетом. Вот лайнер почти над ними. Метрах в двадцати. И здесь случилось что-то странное: в лайнере вдруг откинулись носовой и фюзеляжный отсеки, откинулись ровно на секунду, чтоб с силой выстрелить вверх какими-то темными комочками, и снова закрылись. А темные комочки вдруг превратились в разноцветные парашютики.

Под куполами па тоненьких стропах раскачивались человечки, ветер нес их чуть в сторону. Ребята с криком бросились ловить их. Бросился и Боря.

— Катапультой? — спросил Андрей. — Здорово придумано!

mir-knigi.org

Боря, не дожидаясь, пока парашютисты спустятся, стал прыгать и на лету хватать их — одного, второго, третьего. Толкнул плечом Наташку — будет знать! — и перехватил четвертого, летевшего в ее ладони человечка.

А когда все парашютисты были расхватаны, лайнер уже стоял на тротуаре и над ним таял прозрачный дымок.

— Ничего, — сказал Андрей, — честное слово, ничего! Ох и Геннадий у тебя!

— Он не считает эту модель очень удачной, — пояснил Вова, — он хотел отработать полную безопасность при полете. В каждом кресле личная катапульта.

Вова нагнулся, открыл в фюзеляже дверцу, и на его ладонь выбежали три синевато-черных жучка.

«Так вон оно что, — понял Боря. — Без жучков ты не мог!»

— Живы, молодцы! — Вова потрогал упругие усики, улыбнулся и, оглядев жучков со всех сторон, подбросил их вверх.

Жучки раскрыли крылья и улетели.

«Эх ты, собаковод, ежиковод, жучковод! — подумал Боря. — Далеко ж тебе до брата!» И все-таки Вова был ничего мальчонка и к Боре относился лучше других; ну, не так, как Наташка, но, в общем, хорошо.

Боря успел схватить шестерых парашютистов — маленьких, тяжеленьких, вроде бы из свинца, человечков. За спинами у них были прикреплены раскрытые зеленые ранцы, в них-то и были парашюты, Сшитые из тончайшей шелковистой ткани, они приятно скрипели в пальцах. А если спрятать одного? И не успел Боря до конца додумать, надо ли это делать, как быстро скомкал в руке один парашютик, отвернулся от ребят и вместе с человечком незаметно сунул в карман. У него не будет, никогда не будет этого лайнера, но парашютист все-таки останется. Не так обидно хоть...

— Давайте их сюда, — сказал Андрей и стал собирать парашютистов, подсчитывая:

— Одиннадцать... Четырнадцать... У кого пятнадцатый? У кого?

Боря молчал. Кровь прилила к его щекам. Что делать? Отдать? Выбросить? Признаться? Нет, теперь нельзя... Еще хуже будет...

— Может, куда-нибудь завалился? — спросила Наташка.

Ребята бросились искать парашютиста.

— Не у тебя? — Андрей посмотрел на Борю.

— У меня. Где ж еще? — ответил Боря и сам удивился своей дерзости и находчивости.

КЛЯТВА

Андрей понял — не у него, и Боря почувствовал себя еще увереннее. Куда делась его робость? Он не узнавал себя. Вдруг он вспомнил про Глеба и тут же отыскал его глазами. Глеб стоял, прислонившись к кирпичной стене школы, еще более грустный и кислый. И не скажешь, что утром звонил он ему и так бодро говорил про кинокамеру — фильмы снимать будет!

Огорчается, что лайнер не его? Хитрости не хватает на этот раз?

Борю прямо распирало от уверенности. Он подошел к Глебу:

— Ну как лайнер? Так себе?

— Уйди, — сдавленно сказал Глеб, и одно веко у него заморгало.

Боря даже чуть испугался:

— Ты что?

— Отстань.

Воображает, гонит! Боря из-за него столько мук терпит, а ему хоть бы хны...

«А что, если самому... — вдруг подумал Боря, — самому добыть этот лайнер? Нет, не получится... Но ведь он не пробовал! Надо же когда-нибудь решиться превозмочь себя!»

— Ты..., ты хотел бы иметь такой? — шепотом спросил он у Глеба.

— Стукну, — выдавил Глеб.

«Конечно, хотел бы!» — подумал Боря и отошел от Глеба: он и в самом деле мог запросто — и почище Андрея — двинуть кулаком в челюсть или в живот; он не разбирался — куда. Только Андрей дрался редко, и при всех, и взрывался, как бомба, а Глеб — спокойно, исподтишка. Этого не знали в классе, а Боря сам видел, как однажды Глеб колотил за что-то в подворотне своего дома одного мальчонку. Глеб и раньше, до случая с лодкой, ни с кем не дружил, а теперь и подавно. Ходил в школу и домой один и за партой сидел в полном одиночестве, и это не тяготило его. Ну ни капельки! И какой злющий. И, наверно, глаза у него всегда прищурены, чтоб получше скрыть злость: в открытых глазах она всем видна, а попробуй разгляди ее сквозь щелки!

Но Боря не должен его бояться.

— А хочешь, я получу его? — сказал Боря, и в голове его неожиданно созрел план того, что он должен сделать, когда добудет лайнер. Лайнера еще не было, а план уже был!

Глеб промолчал.

— Хочешь? — повторил Боря и увидел, как в узких щелках Глеба забился острый блеск.

— Ты? — Глеб презрительно смерил его глазами.

И тут Боря понял: он сделает то, что решил!

— Я, — сказал Боря, и его вдруг понесло. — Я получу лайнер, если ты мне отдашь за него..., знаешь что?

— Что? — надменно спросил Глеб. Но Борю это уже не смутило: он теперь знал, как с Глебом говорить и что от него требовать.

— Подводную лодку! Отдашь или нет?

Глеб молчал и не смотрел на него. Он смотрел, как Вова быстро складывает парашютики и всовывает в крошечные ранцы за спиной человечков.

— Отдам, — сказал Глеб, не оборачиваясь.

— Точно?

— Да, — подтвердил Глеб, сдаваясь.

Да, да, он сдался. Он почти сдался ему!

Кто думал, что так получится? Прекрасно!

Боря где-то читал: бывают такие минуты, когда человек решает по-другому повернуть свою жизнь. Такая минута для пего настала! Он вдруг понял причину всех неудач и горестей: слишком мягкий, робкий, податливый у него характер.

Хватит быть сопливом! Хватит унижаться перед всеми! Они привыкли, что он робок и трусоват? Он будет другим. Главное — ничего не бояться. Надо обмануть? Обманывай. Надо хитрить? Хитри!

Хватит бояться! Хватит дрожать!

И они будут уважать его, остерегаться. Пальцем показывать будут: вон Боря прошел, Боря Крутиков... Ему все трын-трава!

Он будет таким. Будет. И не когда-нибудь, а сегодня.

Сейчас. С этой вот секунды.

Такова была его клятва.

Боря подошел к Воле. Тот уже поместил в лайнер всех человечков. Всех, кроме одного. Наташка с Митей и Витей продолжали искать его.

ОВОА ЦЫП-ЦЫП-ЦЫП

Боря присел возле Воы и потрогал двигатели лайнера, они были еще теплые. «Будь хитрым, — приказал себе Боря, — хитрей тебя никого нет!» Когда Андрей отошел в сторонку, Боря быстро спросил:

— Хочешь, я дам тебе за него что-нибудь? — И чуть не сказал: «Цыпленок».

— Нет, — ответил Вола. — Он ведь не совсем мой...

— Брат еще сделает.

— Думаешь, это так легко?

— Ничего я не думаю, я предлагаю тебе...

Вдруг над ними появился Андрей.

— Что это он тебе предлагает? — спросил он у Воы, и Боря незаметно толкнул его коленом, чтоб молчал.

— Да просто так, — сказал Вола.

Андрей пристально посмотрел на Борю. Лоб у Андрея был напряжен. Уж очень он воображал в этой летной кожаной куртке, хоть вся она была потерта и поломана в сгибах. А хитрости — ни на грош!

— Ну смотри... — сказал Андрей сквозь зубы.

«Проваливай отсюда и не распоряжайся, — подумал Боря и, сунув в карман руку, нащупал твердого человечка, запутавшегося в нитках-стропах. — Вот как про этого парашютиста ты ничего не знаешь, так и про все другое не узнаешь... Ясно? А самолет скоро будет мой...»

Вот бы сказать это вслух — глаза б у того на лоб выскочили! Но разве хитрые так поступают?

Все стали расходиться. Глеб придержал рукой Борю и сплюнул тугой струйкой:

— Хвастун! Он глянул на тебя, а ты и готов. Как кролик перед удавом.

— Тогда увидишь! — отрезал Боря. — На днях, а может даже сегодня, я приду к тебе за лодкой...

— Приходи, — сказал Глеб, — жду. С нетерпением!

И посмотрел на часы.

Боря догнал ребят и пошел рядом с Вовой. По дороге часть ребят отсеклась, но кое-кто еще тащился за ними. А Боря хотел остаться вдвоем. Это было совершенно необходимо — остаться вдвоем с Вовой. И для этого Боре пришлось поработать. За ними увязались было Митя с Витей — они закидывали Вову вопросами о лайнере, ну и, конечно, эта самая Наташка. С ними надо было немедленно и безжалостно разделаться, пока Вова не дошел до дому.

Боря резко повернулся к ним.

— А вы куда? — Он даже замахнулся на них, и Митя с Витей отпрянули в стороны.

Оставалась еще Наташка. Она бежала рядом, выставив вперед свой длинный нос; видно, у всех любопытных вырастают от любопытства такие вот носы.

— А ты? Не слыхала?

И Наташка ускакала от них на своих тонких, быстрых ногах.

Боря огляделся — никого вокруг. Все шло как надо.

Он полюбнял Вову, нагнулся к нему и тихо сказал:

— Могу дать тебе шариковую ручку с тремя цветами... Хочешь?

— Я не хочу его менять, — сказал Вова. — Его Гена делал больше месяца.

— И еще дам запасные стержни с разной пастой — красной, синей и зеленой.

— Не надо. — Вова крепко держал под мышкой коробку.

— А чего б ты хотел?

— Ничего.

— Могу дать в придачу футбольный мяч, будешь стукать, — сказал Боря и подумал: «А как же я сам обойдусь без мяча?»

Вова молчал.

— Ну, тогда еще танк, он ездит и стреляет — огонь из пушки.

— Из магазина? — спросил Вова.

«Откуда ж еще!» — чуть не крикнул Боря: он ведь не мог, как его Гена, сам делать машины... «Что ж ему предложить?» — в смятении перебирал в уме Боря, вспомнил про Глеба и вдруг придумал — замечательно придумал. И уже у самого дома сказал:

— Помнишь, ты недавно встретил возле дома меня с дядей Шурой, и он был с Клоуном...

— Это, тот черный доберман-пинчер? — сразу вскинулся Вова. — Ох и собачка!

— Так вот, у них есть щенки этой породы, одного они обещали папе...

Вова прямо-таки притих весь и остановился.

— Дам тебе и его в придачу.

Глаза Вовы изучали Борино лицо. Глаза у него были жалостливые, добрые, чуткие... Боре стало нехорошо, и он отвернулся. Но другого выхода у него не было.

— Не веришь? Я вижу, ты не веришь! — Боря оскорбленно вскинул голову. — Тогда идем к моей маме, она подтвердит.

Боря знал, что Вова никуда не пойдет.

— Не нужно, — сказал тот. — Только чтоб ты и вправду...

Вот до чего довел его Глеб своим обменом!

— Даю слово! И ты знаешь, какая это редкая порода? Такого щепка и за пятьдесят рублей не купишь, а я его в придачу...

— Ну я просто не знаю, — засомневался Вова и вздохнул.

— У тебя никого нет дома? — быстро спросил Боря.

— Мама, но она сейчас уходит... А что?

— А то, что я скоро забегу к тебе... Ладно?

— Зачем? — Вова поглядел на него испуганными глазами в белых, поросеночьих ресницах. — Лучше в другой раз, я ведь не хочу...

— Да ты не бойся! Я только на минутку, — ласково сказал Боря и побежал к своему подъезду.

И тут он увидел, что к этому же подъезду с тросточкой-зонтиком идет их соседка Александра Александровна — сухопарая, негнущаяся, как и ее тросточка-зонтик, старушка в древней черной соломенной шляпке и черном пальто.

Она всегда ходила с книжкой в руке, была неслышанно вежливой со всеми и неслышанно прямой, придирчивой, и временами от всего этого Боря невыносимо страдал.

Все ей не так! И дверью лифта нельзя слишком громко хлопнуть, и хохотать вечером у ее двери

— как будто дом был ее собственностью, — и даже на балконе нельзя обильно поливать цветы — вода, видите ли, капает на ее балкон...

Но главная неприятность произошла совсем недавно. Боря заметил на скамье у подъезда кем-то забытую книгу с синим обрезом, полистал ее, но прочитать ничего не смог: она была на каком-то иностранном языке. Но зато бумага была великолепная — плотная, гладкая, белая. Боря не взял эту книгу, а только вырвал из середины двойной лист — какого голубя сделать можно! — а книгу оставил на скамье.

Прибежав домой, он тут же сделал голубя, пустил с балкона и бросился вниз, чтоб подобрать его. И увидел у подъезда Александру Александровну с голубем в одной руке и с книгой в другой.

Видно, книга была ее — спохватилась и вышла за ней, а голубь, как нарочно, спикировал к ее ногам...

— Твой? — спросила она.

Боря кивнул.

Язык у него отнялся. Откуда же знал он, что это была редкая, не переведенная у нас книга какого-то «бесподобного Анатоля Франса»? Ведь не по-русски же напечатана!

Ну и до мамы с отцом дошло... 0-0-ох!

Александра Александровна жила под ними, и Боря старался не ездить с ней в лифте.

Увидев ее, он прибавил шагу, почти побежал вперед, нырнул в подъезд, вскочил в кабину лифта и нажал кнопку своего шестого этажа. Он ехал вверх, и щеки его горели как в лихорадке. Ура! Здорово он придумал про собачку!

Боря на миг представил, как поразится Глеб, когда он принесет ему этот лайнер.

Боря выскочил из кабины и кинулся в квартиру. Уже в коридоре по ребячьим голосам понял, что к Костику опять нагрянули первоклассники. Боре это не очень нравилось: вечно у них толчея...

Он толкнул дверь. На полу ребята заводили ключом и пускали по жестяным рельсам разноцветные вагончики, и они резво, как мыши, бегали, проносились сквозь тоннели и стрелки, подлетали к вокзалу.

Боря сунул в карман трехцветную ручку с запасными стержнями, взял мяч, вылетел из квартиры и поехал вниз.

НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ЖАЛОСТИ!

Сразу бежать к Вове он не решился: его мама наверняка была еще дома. Как при ней возьмешь лайнер?

Боря побежал к Вовиному подъезду, вспрыгнул на деревянную оградку — она закачалась, затрещала — и оперся о большой старый тополь, росший против Вовиных окон. Если забраться на толстый нижний сук, видно все, что делается в их квартире, расположенной в цокольном этаже.

Боря схватился за сук, но тут, как назло, появилась тетя Феня — дворничиха в белом фартуке, с метлой в руках.

— Хочешь доломать заборчик? — Она замахнулась метлой.

Боря всегда боялся ее, но сейчас, когда он дал клятву...

— Он крепкий еще! — крикнул он, — И я на минуту.

Боря вскарабкался на сук и посмотрел в окна Вовиной квартиры — к одному из них была пристроена кормушка для птиц. Он увидел, как снует по комнатам синяя косынка Вовиной мамы, как Вова кормит рыбок в большом аквариуме, стоящем на окне: зеленые водоросли, темный гротик и золотые искорки рыбок... Скорей бы его мама уходила!

Наконец ее мятущаяся косынка исчезла, и Вовина мама появилась в дверях подъезда с хозяйственной сумкой.

Боря слез с сука, поднял с земли мяч, подождал, пока Вовина мама исчезла за углом дома, еще подождал минут пять — вдруг вернется, вдруг забыла что-то дома? — и бросился в подъезд. Он ни разу не был у Вовы: звери и птицы мало волновали Борю, а к его брату, волшебнику, чьи руки творили такие чудеса, страшно было даже подойти, и Боря только издали смотрел на него с завистью и восхищением...

У Вовы, который открыл ему, в руке был пакетик с дафниями: он кормил рыбок. При виде Бори лицо его чуть насушилось.

— Ты зачем? — спросил он.

— Дай лист бумаги, — вежливо, подчеркнуто вежливо попросил Боря, потому что с этого дня он должен быть очень хитрым; вдобавок ко всему он широко улыбнулся, входя в комнату, хотя Вова не приглашал его войти.

И тотчас, только Боря вошел, в нос ударил острый запах зверья, водорослей, земли и птичьего помета. Под ноги ему, прихрамывая, с лаем покатился рыжий щенок, и Боря в панике вскочил на стул — еще укусит!

— Не бойся, Лай добрый. — Вова взял щенка на руки и стал поглаживать его густую дворняжью шерсть.

Потом в Борю стрельнул со шкафа рябым перышком воробей.

— Тот самый? — спросил Боря.

— Ага.

И Боря вспомнил, как во время урока Вова, сидевший у окна, внезапно, как ненормальный, сорвался с места, чтоб отобрать у мальчишек воробья, которого они мучили на улице. И отобрал, и принес — у воробья было перебито крыло. И Анна Дмитриевна, учительница арифметики, даже похвалила Вову.

Вдруг по полу, наискосок, сердито топя, что-то пробежало.

— Ой! — вскрикнул Боря.

— Ежика не видел? — засмеялся Вова.

Боря крутил головой и оглядывался. Из клеток, подвешенных у окна, попискивали какие-то птички, в аквариуме, как трассирующие пули, носились красные и голубые рыбки, а рядом с ним, в террариуме, медленно двигалась черепаха в панцире, похожем на футбольный мяч, сшитый из кусков...

— Да у тебя тут настоящий зверинец, — сказал Боря. — Ну и парень ты!

— Это еще не все. Хочешь, покажу...

— Я верю, не надо, — заторопился Боря. А где все мастерит Гена?

— Там у него свое КБ. — Вова кивнул куда-то через стенку и пояснил:

— Конструкторское бюро.

— Дай лист бумаги.

Боря извлек из внутреннего кармана куртки толстенную ручку, нажал рычажок и, не отводя руки от бумаги, мгновенно нарисовал черта с рожками — черт был красный. Затем рядом с ним появился точно такой же черт, только зеленый, а потом — синий.

— Не нравится? — Боря посмотрел ему в глаза.

— Но я ведь сказал... — опять начал Вова, но тут Боря бросил на пол тугой мяч, и он весело запрыгал по паркету.

— Знаешь, сколько он стоит? И крышка из синтетики — не порвется, даже если на гвоздь...

— Да все равно... Не могу я, и все...

— Ну хорошо, я ведь не заставляю, — сказал Боря, — только покажи мне его еще раз. Я не успел как следует рассмотреть руль...

Вова достал с этажерки знакомую коробку. Боря вытащил из нее ангар и через прозрачную крышу увидел лайнер. Стоял он важно и тихо. Боря смотрел на него, а видел ту маленькую подводную чудо-лодку, которая таинственно уходит под воду, и никто, кроме ее командира, не знает, откуда и на какую высоту она выстрелит настоящей, только маленькой, баллистической ракетой...

— Ну чего ты так держишься за него? — спросил Боря. — Точно скряга, точно жадина... Подумаешь, ценность какая! Не думал я, что ты такой... — Боря спрятал ангар в коробку. — Хорошо, что с тобой поделаешь, завтра же принесу того щенка и еще ремешок с ошейником...

— Правда? — Вова заглянул ему в лицо, доверчиво тараща свои наивные, совершенно цыплячьи глаза.

— Правда. — Боря взял коробку с лайнером и пошел к выходу.

Вдруг Вова вцепился в его куртку:

— Поймай, не уходи!

— Чего тебе? — быстро спросил Боря. — И не рви, пожалуйста, мою куртку!

— Я раздумал, — сквозь слезы сказал Вова. — Ты не принесешь, а лайнер не только мой...

— Уговор дороже денег! — ответил Боря. — На дохлого, можно сказать, попугая сменял лодку, а я даю тебе здорового, породистого добермана...

— Ты только обещаешь! Не хочу! — Вова еще крепче вцепился в него, но Боря силой отцепил его пальцы от куртки, ринулся к наружной двери и захлопнул ее.

— Отдай, отдай! — закричал Вова. — Я не хочу! — и колотил кулаками в дверь, которую с лестничной площадки держал Боря.

Вот как получилось... Что ж теперь делать? Отдать? Надо отдать — ведь плачет...

Нет, нельзя. Нельзя отдавать.

Нельзя поддаваться жалости...

Ни за что!

— У Глеба проси теперь лайнер! Понял?

Вова сразу притих и перестал давить на дверь. Боря отскочил от нее и бросился из подъезда.

ХИТРЫЙ ГЛАЗ

С коробкой в руке мчался Боря по тротуару.

Лайнер, которым час назад так восторгались все, у него! У него под мышкой! Да, да, у него! Все идет как надо. Долой жалость и страх. Вова, конечно, пожалуется Андрею и другим ребятам в классе. Ну я пусть! Пусть все окончательно отвернутся от него, и даже Наташка, пусть обзывают его, как хотят: ради подводной лодки все стерпит...

Думали, он робкий? Собственной тени боится?

А он вот какой, вот!...

Боря чувствовал под мышкой точную тяжесть лайнера. Он прекрасен, но может упасть, разбиться о землю, а лодка всегда будет с ним. Глеб этого не понимает, и надо поскорей получить ее, пока не спохватился...

Боря уже несся по Весенней улице, перепрыгивая через автобусики и пластмассовые ракеты на платформочках малышей, через крученный кожаный поводок, на котором старушка вела малюсенькую гладкую собачонку, через... «Опомнись, с ног собьешь!» — крикнул кто-то вслед ему, но Боря лишь прибавил скорость.

Ему так не терпелось поскорей прибежать к Глебу, что он с трудом переждал, пока пройдет поток машин на Черемуховом проспекте.

Не успел красный свет семафора смениться зеленым, как Боря ринулся по пешеходной дорожке меж белых ромбов и перелетел проспект.

До дома, где жил Глеб, оставалось совсем недалеко: глубокий скверик со скамьями и деревцами, а потом его улица. На скамейках сидели женщины с детьми, шуршали газетами пенсионеры, а один, отвалившись на спинку и раскрыв рот, сладко дремал.

Боря бежал дальше, глядя под ноги на мелкий ржавый песок аллеики. Скоро конец сквера. Крик, раздавшийся впереди, заставил его вскинуть голову. Впереди стояли Андрей со Стасиком, по сторонам у кустов Митя с Витей, Коля и еще... Кто был еще, рассматривать было некогда.

Боря затормозил и повернул назад. И еще крепче прижал коробку. Мысли его лихорадочно бились: откуда они? Ведь, похоже, они специально поджидают его здесь... Засада! Значит, узнали. Но от кого? От Вовы? Позвонил по телефону Андрею, и Андрей срочно созвал тех, кто живет поближе? Ведь Боря сам намекнул Воле, что побежит к Глебу, и Вова все понял...

Боря летел назад. Он начал выдыхаться. Ведь от самого дома бежал. Топот ног догонял его.

— Обходи по сторонам! — подал команду Андрей. — Он не уйдет от нас!... — И потом уже крикнул ему, Боре:

— Стой! Все равно догоним! Стой, тебе говорят!...

Боря летел по аллее и прерывисто дышал. Ноги его подламывались. Вон и конец сквера, и Черемуховый проспект с автобусами и троллейбусами впереди...

— Стой, стой! — настигая Борю, кричал Андрей, и шахматы колотились в его кармане. Уже коснулся рукой куртки.

Вот-вот Борю схватят, отберут лайнер, и его победа окажется страшным поражением. И чего стоила его клятва, решение быть храбрым, хитрым, безжалостным... Он и пикнуть не успеет, как его отлупят...

Вдруг случилось что-то непонятное: Борю захлестнул новый страх, внезапный и острый. Голова налилась холодом, и он ощутил, как волосы его зашевелились, начали подниматься... Встали дыбом! Фуражка его взлетела вверх и упала. Боря оцепенел. Схватил фуражку и рванулся вперед. Ноги едва касались земли — так быстро летел он. Топот сзади прекратился. Только слышались испуганные голоса.

Внезапно страх пропал и холод в голове исчез.

Боря остановился. Оглянулся. По аллее — в противоположном направлении — стремительно убегали Андрей со Стасиком: плотный, крепкий Андрей и рядом эта коротышка. И Вова... Конечно, это он все подстроил! И на земле валялась чья-то кепка...

Что это они? Кого так испугались?

Даже смотреть странно.

Андрей, сам Андрей убежал, не чуя под собой ног!

— Эй, куда вы? — крикнул вслед им Боря.

С удовольствием крикнул. Он ведь не пугал Андрея, а тот задает лататы. Да еще как! И не только он улепetyвает, Стасик с Митей и Витей и Вова тоже показывали ему свои проворные пятки.

Боря еще больше осмелел. Крикнул погромче. Они побежали еще быстрее. Они боятся его... Но отчего? Боря не удержался и ринулся в погоню. Однако через несколько шагов его снова сразил страх и на голове зашевелилась фуражка. Боря отпрыгнул назад, и страх отпустил его.

С ним творилось что-то невероятное. Точно по аллее кто-то провел невидимую черту, за которой начинался страх. Боря маленькими шажками двинулся вперед, достиг этой черты, и страх опять точно палкой стукнул его. И он отдернул ногу.

И ведь ничего такого не было вокруг, что бы могло внушить этот страх. Боря огляделся. И заметил на траве под кустами карманный фонарик.

Потерял кто-то?

Фонарик лежал боком, и его большое черное стекло было хорошо видно Боре.

Надо взять, будет в его хозяйстве вместо прожектора.

Забыв об Андрее с мальчишками, Боря бросился к фонарику и опять отскочил назад, за ту черту, где страха не было. Нет, в этом было что-то загадочное, противоестественное! Ведь никого же вокруг не было, кто бы смог напугать.

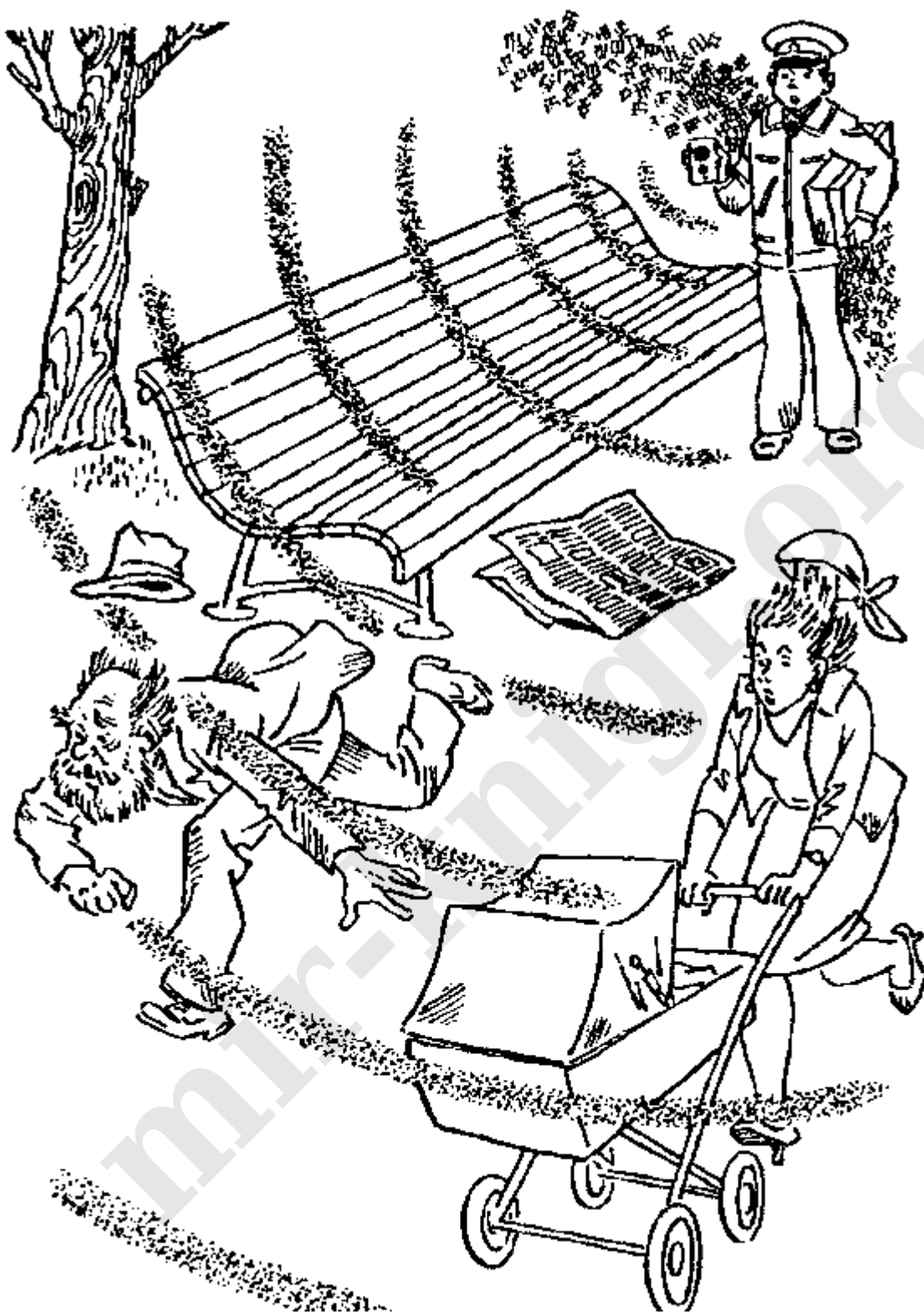
Фонарик могли взять другие, и Боря побежал к нему не по аллее, а в обход, кустами. Здесь страх ему не мешал, и Боря схватил с земли фонарик — он был гладкий и тяжеленький.

Боря стал разглядывать его: плоская пластмассовая коробочка темно-синего цвета. Узкая. На одной стороне толстое круглое стекло — черное и глубокое, как глаз, а под ним что-то вроде пульта управления — два ряда маленьких белых кнопок с черными цифрами; ниже смонтирован блестящий циферблат с буквами: О, Ч, Д, М, Г, В и находилась короткая стрелка, уткнувшаяся своим острием в букву О (впрочем, она могла означать и ноль).

Под циферблатиком белела еще одна крошечная кнопка с крестиком, а еще ниже — какой-то рычажок.

Как же фонарик зажигается?

Боря нажал рычажок — света не было. Вернул в прежнее положение, и старик в шляпе, сидевший в отдалении на скамье, уронил на землю газету, шляпа его стала медленно приподниматься на голове, хотя он не касался ее руками. Что за чудо? Потом старик вскочил и огромными, совсем не стариковскими прыжками бросился по аллее. Женщина с коляской у другой скамьи тоже вскочила, платок на ее голове полез вверх, а ребенок в коляске заорал благим матом, и женщина поспешно покатила коляску к Черемуховому проспекту; коляска так сильно раскачивалась и скрипела, и ребенок в ней так орал, что Боря перепугался, отвел приборчик в сторону, и плач в коляске прекратился...

Что же это такое? Есть в этом фонарике лампочка?

Боря заглянул в стекло и никакой лампочки не заметил. Зато что-то неведомое пронзило его тело ледяным ужасом. Боря отдернул голову и чуть не уронил коробку с лайнером. И сбоку покосился на это стекло, черное и глубокое, как глаз. И вдруг этот глаз показался Боре не стеклянным, а совсем живым — таинственным, пристальным, зорким... И очень хитрым! Да, да — хитрым! Он смотрел, слегка прищурясь, выжидательно и не то улыбался ему, не то грозил... Да никакой это не фонарик! Это странный и непонятный приборчик, который каким-то образом влияет этим живым Хитрым глазом на все окружающее.

В небе, со стороны аэропорта, низко шел пассажирский реактивный самолет. Шел плавно и мягко, с мощным, уверенным и ровным свистом. Долго не думая, Боря поймал самолет Хитрым глазом.

Самолет клюнул носом, вильнул в одну сторону, потом в другую. Рев его захлебнулся, стал прерывистым. Боря весь похолодел и отвел Хитрый глаз — самолет выровнял курс, двигатели вошли в прежний, спокойный ритм, и он плавно пошел дальше.

Рука Бори, державшая приборчик, ослабела, и он выскользнул из пальцев.

Стоять не было сил.

Боря опустился на землю. Приборчик, придавив весенние травинки, лежал Хитрым глазом к земле. Боря боялся даже коснуться его. Он знал: надо скорее встать и уйти, убежать от него, пока не случилось чего-нибудь. Но ведь тогда... Тогда кто-то Другой найдет его и возьмет себе!

Боря сидел и не знал, что делать.

Потом протянул к приборчику руку, с величайшей осторожностью поднял и стал рассматривать, держа его так, чтоб никоим образом не попасть в поле зрения Хитрого глаза. У нижней кромки приборчика было четко оттиснуто: «ЭМЧ-1», одна из кнопок была слегка утоплена — кнопка с темной цифрой «1».

МАЛЕНЬКАЯ И ГРОЗНАЯ

Боря встал и пошел к дому Глеба. Липки и клены были обрызганы яркой мелкой листвой, и она блестела и липла к пальцам, как новая клеенка, а внизу под деревцами еще валялись коричневые чешуйки от почек. Однако аллея была пуста: ни души, и свежевыкрашенные В зеленый цвет чугунные скамейки были пусты.

И птицы не щебетали в кустах. Было очень тихо и одиноко.

Неужто Хитрый глаз всех разогнал?

Сквер кончился, за ним — дорога, дома и магазины. И вот там, впереди, через дорогу мелькнуло что-то черное.

Андрей! В своей неизменной куртке.

Заметив Бору, он промчался вдоль продовольственного магазина и спрятался за угол большого дома, того самого, в котором жил Глеб. Боря побежал за ним, держа приборчик Хитрым глазом вперед. Андрей выглядывал из-за угла. Боязливо выглядывал: краешек кепки едва-едва виден.

Внезапно кепка упала на тротуар, из-за угла высунулась рука, схватила ее и исчезла...

Боря перешел дорогу и услышал впереди, в тиши не узкой малолюдной улочки, куда выходили двери дома, торопливый стук ног и увидел, как Андрей, с кепкой в руке, прижав к бокам локти, изо всех сил удирает от него. Ну и времена наступили!

Он ведь ничего не делал — ни запугивал словами, ни грозил кулаками... Сами боятся!

И тут Боря вспомнил о маленьком парашютисте в кармане: не забыть бы посадить его в лайнер, в пустующее креслице...

Сколько раз бегал Боря к Глебу, звонил в дверь и ждал, когда ему откроют! Сколько раз замирало у него все внутри, когда он трогал сверкающий руль гоночной машины, черные ручки и разноцветные провода электроконструктора! Сейчас его волновало другое: удастся ли обмен? Не передумал ли Глеб?

Боря нажал кнопку звонка.

Никто не открывал. Боря опять позвонил, и снова за дверью тишина. Он припал ухом к скважине для ключа и уловил движение внутри квартиры: скрип дверей, чей-то шепот... Что они, не слышат?

Боря, переступая от нетерпения с ноги на ногу, опять надавил кнопку:

— Откройте!

— Вам кого? — пугливо спросил женский голое.

— Глеба... И не бойтесь, здесь не жулики! Это я, Боря Крутиков.

За дверью раздался быстрый шепот.

И вдруг все поняв, Боря отвел Хитрый глаз приборчика. Неужели он действует и через дверь?

Голоса стали погромче, посмелее. Послышались шаги. Лязгнул замок, дверь приоткрылась, но не целиком, а на цепочку, и в образовавшейся щели появилось большое бледное лицо матери Глеба.

— Это же я, — зашептал Боря, чтоб его пропустили. — Не узнаете? Я ведь был у вас позавчера...

— Глеб, к тебе должен кто-то прийти? — спросила мать, часто моргая.

И Боря услышал из глубины квартиры слабый, полужнакомый голос:

— Вообще-то нет...

«Как же нет? — подумал Боря. — Он все еще не верит, что я могу выменять этот лайнер?»

— Глеб, это я... Открой!

Наконец Борю пропустили в коридор, в тот самый коридор, где пылился детский гоночный велосипед, где висели совершенно новенькие, без единой царапинки клееные финские лыжи, которые так редко бывают в продаже и которые только два раза касались снега, и где сиротливо жался в уголке свернутый чешский экран в круглом футляре, — сколько раз затаенно проходил мимо всего этого Боря! Мать Глеба, высокая и толстая, с прищуренными, как и у сына, глазами, уже не вежливо, как всегда, а с недоверием и страхом смотрела на Борю, а из дверей комнаты выглядывал сам Глеб. Вдруг мать вскрикнула, и ее густые каштановые волосы стали медленно приподыматься вверх, а Глеб юркнул в комнату, захлопнув за собой дверь.

Боря случайно глянул на свою руку — Хитрый глаз в упор смотрел на мать Глеба — и тотчас направил приборчик вниз. И к матери вернулся голос:

— Что ж ты, Боречка, стоишь в коридоре? — Она заулыбалась, — Заходи в комнату, заходи...

И Боря вошел. Глеб стоял у телевизора и напряженно смотрел на Боря. С лица Глеба исчезло выражение бодрости и превосходства, а появилось что-то другое: полуучтивость, полуугодливость. И глаза чуть расширились. И теперь-то, теперь-то стало отчетливо видно, какие они холодные и злые.

Боря даже испугался на миг: еще не отдаст лодку... Вообще-то, говоря честно, Боря до сих пор не мог понять, почему Глеб решил, что лайнер лучше лодки... Ах, как захотелось ему иметь этот лайнер! Надо было действовать решительно и сразу оглушить Глеба.

— Вот тебе лайнер, — Боря протянул коробку, — неси лодку...

— Достал? Нет, ты правда достал? — Лицо Глеба прямо-таки лоснилось, блестело от восхищения...

Ведь притворяется же!

— А ты что думал?

Глеб бросился в другую комнату и проворно принес точно такую же синюю коробку, какая была в руках у Бори.

— Вот...

Боря протянул к ней руки, но Глеб почему-то не отдавал.

— Ты что? — спросил Боря. — Давай... Ну?

— А твоя..., с лайнером? Он там, да?

— А где ж еще? — обиделся Боря и решил не пересаживать парашютиста из кармана в лайнер — самому пригодится!

Боря присел на корточки и, положив приборчик рядом, стал открывать коробку. Вот его пальцы коснулись гладкого металлического корпуса, выкрашенного, как и все боевые подводные лодки, в темно-серый цвет, и от радости щеки его загорелись. Ведь сегодня, если разобраться, был самый счастливый день в его жизни: у него теперь эта лодка — таинственная, маленькая, грозная... Теперь она будет самой главной, будет флагманом его военно-морского флота!

— Сколько месяцев пропадала! Зачем держал?

— Она могла пригодиться мне. — Глаза Глеба стали быстро превращаться в щелки. — И пригодилась ведь.

«Не вышла ли она от долгого бездействия из строя?» — подумал Боря и так расстроился, что даже забыл попросить Глеба показать новую кинокамеру.

— Что это у тебя? — Глеб кивнул на приборчик, лежавший на полу Хитрым глазом вверх.

Борю бросило в жар:

— Ничего особенного... Скажи лучше, сколько времени?

— Пожалуйста! — Глеб мгновенно выкинул вперед левую руку, запястье выскочило из рукава и

хвастливо блеснуло часиками. — Три часа пятнадцать минут...

Боря сунул приборчик в карман, подхватил коробку и поскакал вниз.

Как бы сделать, чтоб никто не видел приборчик, а чтоб Боря мог действовать им как хотел?

А что, если положить его в верхний карман куртки?

Боря отвел в сторону «молнию» и втиснул приборчик. Он прекрасно влез, точно карман специально был сшит для него. Теперь никто не догадается!

Боря быстро шел по улице. Просто не верилось: прибежит он сейчас домой, пустит лодку для начала в ванну, она погрузится и притаится на дне. А потом по его приказу всплывет... Боря оглянулся. Может, еще торчит где-нибудь поблизости Андрей? Может, еще надеется отобрать у него лайнер?

Нет у него лайнера, а если бы и был, не отобрал бы! Зато у него теперь есть кое-что другое... Подступись теперь к нему!

Неожиданно Боря подумал: надо сейчас же сбегать к Андрею и сбить с него спесь и спросить, возьмет ли он его на экскурсию в аэропорт...

Он даже издали боялся сегодня Борю — как драпал! А что же будет вблизи?

Берегись, Андрей!

И Боря свернул к дому, где жил Андрей. Шел быстро и вдруг не вытерпел — побежал. Опять пересек шумный Черемуховый проспект и зашагал к дому Андрея.

БЕРЕГИСЬ, АНДРЕЙ!

Но странное дело: чем ближе подходил Боря к его дому, тем медленнее двигались ноги. Точно и не было у него Хитрого глаза. Как бы не стукнул, и приборчик не отобрал, и лодку.

Боря в нерешительности походил возле его подъезда. Повздыхал. Постоял. Опять походил, удаляясь и возвращаясь, набираясь смелости. Эх, будь что будет!

Он судорожно, почти зажмурясь, шагнул в подъезд.

Лифт доставил его на девятый этаж. Став к двери так, чтоб Хитрый глаз не смотрел на квартиру, Боря позвонил. Открыл сам Андрей.

— Ах, это ты! Сам пожаловал? Ну-ну, и даже с лайнером!

От его улыбки Боря почувствовал дрожь, он хотел уже броситься назад, но сдержал себя: стоп! У него ведь есть Хитрый глаз.

— Да, это я! — громко, даже с вызовом сказал Боря. — И знай: я больше не боюсь тебя! Ни тебя и никого другого в классе! Андрей схватил его за плечи и рывком втащил в комнату.

Боря ощутил железную хватку его рук и скривился от боли. И все же он крепился. И держался боком. И не поворачивался к Андрею карманом.

— Я тебя предупреждал! — сказал Андрей. — Это бесчестно — выменивать у Вовы такие

вещи...

Боря стиснул зубы — не трусь! — и ответил:

— А мне какое дело? Дуракам закон не писан...

— Сейчас мы пойдем к Вове, и ты вернешь ему лайнер... Это ведь нечестно!

— А мне плевать! — И, приказывая себе: «Смелей!», и выбирая слова, чтоб посильней отомстить за все свои страдания, добавил:

— Не хочу возвращать! Вова сам отдал мне его... И знаешь за что?

Андрей подозрительно смотрел ему в глаза. Конечно, он недоумевает: как это он, Боря, который всегда ниже травы, тише воды, посмел явиться к нему и так храбро держится в его же квартире!

— За что?

И, не дожидаясь ответа, Андрей провел его в смежную комнату — в первой за столом что-то писал его отец, это было неприятной неожиданностью для Бори — днем и дома! — но он и вида не показал, что боится.

— За дешевенький мяч, за грошовую авторучку и... И еще знаешь за что?

Андрей пристально смотрел на него.

— За псиный дух! — выпалил Боря и принужденно засмеялся.

Андрей не спускал с него глаз.

— Да, да, — продолжал Боря, собирая все свои силы и всю свою обиду на Андрея. — Я пообещал ему щенка добермана-пинчера, и он, дурачок, поверил...

Но странное дело — Андрей все не взрывался.

— Сейчас же клади на стол лайнер, — спокойно сказал он. — И мы пойдем к Вове.

— Никуда я не пойду, — бросил он, стоя по-прежнему чуть боком к Андрею. — И не оскорбляй меня, а то возьму и стукну.

Андрей остолбенел.

— Ты..., ты... — Он даже побледнел.

— Я! — отрезал Боря.

У Андрея прямо выпучились глаза:

— Ты?... Меня?...

Андрей стремительно схватил его за грудки и так тряхнул, что зубы у Бори громко клацнули. Андрей повернул его лицом к себе, и Боря почувствовал, что в то же мгновение пальцы его разжались, на лице появились изумление и растерянность, а зрачки медленно расширились. И

волосы начали подниматься.

Андрей стал отступать от него, озираясь, кусать губы. Потом плечи его вздрогнули. Он моргнул.

— Ну и фрукт же ты! — выдавил Андрей, а сам все отступал от стола.

— А кто боится фрукта? И ты знаешь, что в коробке уже лодка? Я выменял ее у Глеба...

— Уйди, — шепнул Андрей.

И все же он вел себя не так. Не так, как хотелось Боре. Он упрямо сопротивлялся Хитрому глазу, словно тот и не был всемогущим.

— А я пойду на экскурсию в аэропорт? — спросил Боря, наступая на Андрея.

Ни слова.

И под Хитрым, под всеильным глазом Андрей молчал!

— Ты скажешь или нет?

— Уйди... Уйди отсюда, — шептал Андрей и с нелепо торчащими вверх волосами все отступал от Бори.

— Что там происходит? — спросил из соседней комнаты, вставая и двигая стулом, отец Андрея.

И вошел к ним.

Он был громадный, в синей форме с золотыми галунами гражданского флота, с такими же, как у сына, широкими, насупленными бровями. Из-под них смотрели глаза. Светлые, смелые, веселые... Вот кому подражал Андрей! И так же хмурился, и так же медленно носил крепкие плечи, и даже превратил свои веселые глаза в холодные острые пули... Боря ни разу не видел его отца так близко — он видел его в школе с первого ряда актового зала на торжественном праздничном собрании, где отец Андрея был среди гостей и рассказывал о своем последнем беспосадочном перелете в Австралию — знойную кенгуриную страну, — а потом в пингвинью Антарктиду... Ох и интересно было, ох и хлопали ему!

А теперь он шел прямо на Борю!

Коленки у Бори ослабли от страха, по спине побежали мурашки... Сейчас, сейчас схватит он его за шиворот и выставит из квартиры! И, сам не понимая, что он делает, думая лишь о том, чтоб не зареветь, Боря повернулся к нему, и теперь отец вместе с сыном — это Боря понял чуть попозже — попали под Хитрый глаз.

Отец Андрея остановился, плотные, черные с седыми искорками волосы его встали копной. Он удивленно поднял брови, провел рукой по глазам, будто пытался снять с них невидимую, мешавшую смотреть пелену. Потом усталым движением прикрыл ладонью глаза, точно хотел защититься от ярких, беспощадно прямых лучей солнца.

— Что здесь происходит? — опять спросил он.

— Н-н..., ничего особенного! — даже стал заикаться Боря. Он мечтал об одном: поскорей удрать отсюда.

— Нет, здесь что-то не так... И ты..., ты чего весь трясешься? — спросил у него отец и осекся, и лицо его исказилось, словно ему стоило больших сил бороться с чем-то огромным и цепким, навалившимся на него.

И вместе с Андреем он попятился в другую комнату, а Боря, воспользовавшись замешательством, скользнул в переднюю и, крепко сжав под мышкой коробку с лодкой, выбежал из квартиры.

МОРОЖЕНОЕ

Минут пять приходил Боря в себя. Зачем только сунулся к ним? Но когда он отдышался и весь страх понемногу вышел из него, Боря уже не жалел. Ну, раз Андрей с отцом слабее приборчика, теперь ему некого бояться. Утром еще он горевал от одиночества, обижался, что никто не понимает его, а теперь...

Не хотят — и не нужно! Он не будет больше крутиться возле них — Крутиков не от слова «крутиться», — и кланяться им, и оправдываться. Он не замухрышка, способная лишь чистить перышки Попугаю... Глеб ему больше не нужен. Лодка — у него! И не только лодка!

Осмелится теперь Стасик рисовать на него на уроках карикатуры? А Вова Цыпин со своим чудо-братом — будут они теперь иметь к нему претензии?

От волнений и яркого солнца Боря упарился. По пить бы где-нибудь.

Возле угла, рядом с газетным киоском и палатками с овощами и кондитерскими изделиями, стояла тележка с мороженым. Эх, лизнуть бы сладкого холодка! Боря сунул в карман руку. Нет, денег у него не хватит... «А что... А что, если... А что, если попробовать?» — пришла к нему внезапно мысль, ошеломила его, и от нее Борю вдруг стало знобить.

Он отошел в сторонку. Нет, нельзя этого делать! Ни в коем случае! Это похоже на воровство, на грабеж среди белого дня... Да, но в тележке так много мороженого — всем хватит. И вообще, если всего бояться и думать, что потом будет... Он ведь дал клятву...

Боря незаметно направил левый карман на мороженщицу в белом халате, натянутом на куртку, и в такой же белой шапочке.

У мороженщицы сразу расширились глаза, верхняя с рыжими усиками губа запрыгала, а шапочка вместе с волосами полезла вверх. Боря подошел к ней и робко сказал:

— Дайте, пожалуйста, «Ленинградское»...

— Бери... Бери..., сколько хочешь... — Мороженщица открыла крышку и протянула две порции.

— Спасибо! — Боря отошел от нее, отвернул с конца обеих трубок бумагу и вонзил в холодный шоколад зубы: сначала в одну, потом в другую. И сразу исчез зной, и в пересохшее от бега и

волнений горло потекла приятная прохлада.

«Вот это да! — подумал Боря, глотая большие куски. — Ведь это потрясающе! Теперь у меня всегда-всегда, когда захочу, будет мороженое!»

А может, удастся взять и книгу? Ну хотя бы вон в том киоске...

Боря подошел к киоску, прозрачному, как аквариум, только вместо золотых рыбок или меченосцев в нем сидел лысый мужчина в больших очках и байковой куртке. Сидел в пестром окружении газет, журналов и книг.

Боря стал разглядывать книги. Что бы взять? Вон ту можно, толстую, с павлинами на обложке.

Боря направил на киоскера карман. Киоскер нахмурился, ойкнул, недоуменно завертел головой и стал крутиться на сиденье. Покупатели, бойко разбиравшие газеты, сразу разбежались от киоска, и Боря подошел к окошечку и попросил:

— Дайте, пожалуйста, книгу с павлинами на обложке!

Киоскер подергал плечами, схватил книгу и поспешно подал Боре.

— Спасибо.

Боря сунул книгу за пояс. Значит, и с книгами теперь у него все в порядке — любую бери!

И не успел он это подумать, как ему опять захотелось мороженого...

К своему дому Боря возвращался часа через три. Карманы его куртки сильно оттопыривались.

Вот и их дом — громадный, десятиэтажный, двухкорпусный, в лентах длинных балконов. Тетя Феня подметала перед домом тротуар. Заметив Борю, она замерла, стала оглядываться и, наконец выронив свое основное холодное оружие, юркнула в подъезд.

А думала, самая грозная!

Когда Боря подбегал к лифту, из него как раз выходила Александра Александровна в своей неизменно ветхой шляпке, с тросточкой-зонтиком в одной и с книгой в другой руке, конечно же иностранной, с синим обрезом...

Увидев его, старушка отпрянула назад, захлопнула дверь кабины, и пальцы ее стали прыгать по доске с кнопками разных этажей... Что с ней?

Ах, опять приборчик? Боря мгновенно повернул ся боком.

— Простите... Я нечаянно... — Он густо покраснел и — этого он раньше не делал никогда — открыл перед ней металлическую дверь лифта.

Александра Александровна вышла из кабины, окинула его быстрым взглядом и низким голосом спросила:

— А что это, Борис, капает из тебя?

— Из меня? Ничего! — Голос Бори слегка осип.

— А из кого же? Посмотри — Она показала глазами на пол.

Боря смутился:

— Ой, и правда! Это мороженое!

— Сколько проглотил? Десять порций или двадцать пять?

Боря прямо поразился: не один Гена волшебник в их доме!

— А вы откуда знаете? — Он вдруг испугался. — Ходили за мной? Видели?

— Не видела, а слышу... По голосу!

Боря встревожился: ну и слух у нее! Еще подслушает, что он думает о ней! И он изо всех сил старался как можно лучше думать о ней в эту минуту.

— А тряпку бы надо принести... Смотри, что с полом стало.

Боря молчал.

Старушка вздохнула:

— Не повезло тебе, Борис... Бедный, разнесчастный мальчик!

Боря угрюмо нахохлился:

— Почему?

— Потому, что я рядом живу... Злей ведь старухи на свете не бывает... Правда?

Боря не крикнул «правда», хотя это было сущей правдой. Он нажал кнопку и поехал на свой этаж. Она ошибалась, никакой он теперь не бедный и не разнесчастный. Утром был таким, а сейчас — нет! Сейчас он самый счастливый! У него лодка, и приборчик, и мороженое, — никогда так не везло!

Вот будет рад Костик — когда еще ел столько! И Наташке, пожалуй, можно дать. Чтоб отстала и не преследовала его по пятам... Жалко, что ли?

Наверно, мама не пришла еще с работы, и хорошо: не будет ворчать, что во всем надо знать меру. От двух десятков съеденных порций у Бори побаливало горло, но это пустяк, пройдет.

Боря неслышно открыл дверь — брата, к счастью, в их комнатке не было, — спрятал под кровать коробку и только тогда побежал на кухню и закричал:

— Кость, питайся! — и перед изумленными глазами брата начал вываливать на стол из глубоких карманов куртки крепкие, мягкие и совсем жидкие эскимо, трубки, стаканчики и пачки мороженого.

— Ого сколько! Кто дал? — Костик взял шоколадную трубку и стал разворачивать, а Боря все время старательно следил, чтобы Хитрый глаз смотрел в сторону от него.

— Люди дали... Да ты ешь, ешь... Надо все съесть до мамы, а то не позволит...

— И ты помогай мне... А то растает... Может, ребят со двора позвать? Давай позовем? Всем хватит!...

— Если сами не съедим — тогда, — сказал Боря и подумал: «Не хватало еще... Расскажут всем, и тогда объясняй маме с отцом, откуда взял... И Наташке лучше не давать: тоже может проболтаться...»

Полчаса они жевали, глотали и лизали мороженое — сливочное, молочное, фруктовое, шоколадное, — хрустели вафельными стаканчиками пломбира, обсасывали палочки эскимо. Костик был в восторге. Он и не думал отказываться и убегать. Не то что во время военных игр. Он участвовал почти во всех наземных сражениях и морских баталиях в ванне, и Боря даже иногда присваивал ему звание контр-адмирала и всегда выигрывал. Но однажды смысленность брата сильно огорчила Борю. Костик провел хитроумную операцию и стал одерживать верх, и тогда во избежание полного военного поражения пришлось срочно разжаловать Костика в рядовые и отпустить щелчок в лоб — ведь на четыре года моложе его. Даже в самых яростных сражениях не должен забывать он этого! Костик, разумеется, заревел на весь дом и никогда больше не играл с ним, а убегал...

— Только чтоб маме ни слова, — предупредил его Боря, когда было покончено с последним мороженым.

— Понятно, — хитро улыбнулся брат, так хитро, что Боря на миг подумал: а может, рассказать ему про подводную лодку и приборчик?

— «Понятно»!... А у кого подбородок и нос в шоколаде? — И Боря стал носовым платком вытирать лицо брата, потом подобрал мокрые обертки и палочки.

Нет, ни в коем случае нельзя рассказывать Костику о приборчике! И лодку испытывать при нем нельзя... Еще ляпнет кому-нибудь по доверчивости. Он вроде и смысленный мальчишка, вон как глаза светятся умом, да такие они чистые, прозрачные, все в них видно — и когда говорит правду, и когда при вирает...

— Ну иди, иди погуляй, — сказал Боря. Сытый и довольный, Костик убежал во двор, а Боря тут же нырнул под свою кровать и коснулся рукой синей коробки.

ДЕНЬГИ НА ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ

Но в это время хлопнула наружная дверь — пришла мама, сняла у двери плащ и, что-то напевая, понесла па кухню — в холодильник — покупки. Боря еще глубже задвинул коробку, выглянул из комнатки и пошел за мамой.

Вдруг он услышал звон — у мамы что-то выпало из рук. Боря побежал на кухню: на полу валялась разбитая банка со сметаной, а мама стояла у газовой плиты — глаза закрыты, лицо посерело, волосы вздыбились — и держалась за сердце.

Борю поразило ее вид. Он испугался:

— Что с тобой?

— Сама не знаю, сынок, — сказала она, задыхаясь, — но мне..., мне не по себе... Я..., я очень боюсь... С тобой ничего не случилось? Ничего? — Ее глаза пристально и жалобно смотрели на него.

— Мама, все в порядке.

— А с Костиком? Где Костик? Скажи, где Костик!

— Ну что ты, мама... Он во дворе... Позвать?

— А папа? Как там папа?

Боря стал к ней боком, и мама слегка успокоилась.

«Раззява! Тупица! Бестолочь! Так ты следишь за приборчиком? — выругал себя Боря. — Ты должен всегда помнить, что он у тебя, что мама — это не Глеб и не Андрей!»

С тяжелым сердцем смотрел Боря, как мама выбирает из густой лужи сметаны острые осколки.

И тут в дверях звякнул ключ. Обычно Боря с Костиком, услышав это звяканье, с шумом вылетали навстречу отцу, смеялись, прыгали, висли на его руках, и, случалось, отец доставал что-нибудь из карма-па: новую книжку, блестящий значок с космонавтом или шоколадки в ярких обертках. Шоколадок он обычно покупал не меньше трех и первую всегда давал Костику: «Жуй, малыш номер один!», вторую протягивал Боре и называл его малышом номер два, а третья... Третья предназначалась для мамы — она тоже числилась у него малышом под третьим номером...

Но сейчас Боре ничего не было нужно, ничего! Впрочем...

Он бросился к отцу и выпалил:

— Пап, дай мне деньги на подзорную трубу, ты ведь обещал...

Отец так посмотрел на Борю, что он съежился.

— Я только что встретил тетю Феню, она мне сказала...

«Накапала! — мелькнуло у Бори. — То Александра Александровна, то она...» Он так огорчился, что забыл обо всем, и повернулся к отцу грудью.

— А ты верь ей, верь!

И тотчас с отцом что-то произошло: лицо смягчилось, лоб разгладился и глаза стали испуганно-подвижными. Он беспокойно оглянулся и встал спиной к стене.

— Что с тобой? — спросила мама, вышедшая с мусорным ведром из кухни.

Отец ничего не ответил. Он еще плотней прижался к стенке коридорчика, точно хотел втиснуться, войти в нее, стать незаметным.

— Что-нибудь случилось?

— С-с-случилось, — прошептал отец.

— Но что же? Что? Что с тобой случилось?

— Я..., я сам не пойму...

Отец был большой, сильный, говорил всегда спокойным ровным басом, но сейчас его голос звучал тихо и жалобно.

«Опять! Опять я...» Боря бросился к себе в комнатку, упал на кровать и зарылся головой в подушку — так ему было плохо.

Вошла мама и негромко сказала:

— Ну что ты, Боря... Не переживай так... Вот возьми, папа дал...

— Не надо, не хочу! — сдавленным голосом прошептал Боря.

— Ну возьми и не расстраивайся...

Боря оторвал от подушки голову, с минуту колебался, затем взял из рук мамы три синеньких бумажки.

— Большое спасибо... — И потом спросил:

— А папа сам дал?

— А как же не сам... Я попросила для тебя, он и дал... Как же могло быть иначе?

Боре стало очень грустно: ведь мама ничего не понимала...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Боря не знал, как ему быть. Хорошо, что он нашел этот чудо-приборчик или не очень? Он получил таки наконец подводную лодку и деньги, и досыта наелся мороженого, и класс теперь, наверно, опомнится, оценит его, подберет к нему, но сколько волнений, сколько страхов натерпелся он!

Боря ждал, когда уснет брат, и как только Костик тихонько засопел, достал из кармана коробочку с системой кнопок и циферблатиком, босиком пробрался в ванную и стал изучать их. Как бы приборчик на время выключить? Нажать этот рычажок вниз? А может, он предназначен для другого? И почему утоплена только одна кнопка? И что означает цифра «1» на ней?

Нажать на какую-нибудь другую кнопку Боря боялся: приборчик мог испортиться, перегореть.

Нет, ничего трогать в приборчике нельзя!

Теперь Боря ждал, когда уснут родители. Он готовился к важнейшему эксперименту — испытанию подводной лодки. Он должен пройти совершенно секретно. Мама всегда ложится рано — устает за день, — а вот отец иногда долго сидит: читает или разбирает какие-то чертежи, и тогда темный коридор пересекает узенькая полоска света из-под двери.

Боре пришлось лечь, погасить свет и притвориться, что он спит.

Но он не спал. Ни в одном глазу его не было сна!

Время от времени он вскакивал с постели, босиком выглядывал в коридор и смотрел, не погасла ли желтая полоска на полу.

Наконец она исчезла.

Боря подождал, пока отец уснет, достал из-под кровати коробку и прокрался в ванную. Там он вынул лодку, погладил ее, тронул трехлопастный, красиво изогнутый винт и низкую — чтоб не мешала ходу под водой — рубку с плотно закрытым люком. Он-то, наверно, и распахивается по приказу извне, и из него вырывается ракета.

Но как отдавать ей приказы?

Боря попробовал открыть люк, просунул в тонкую щель ноготь, посопел, но открыть не смог. Он обнаружил еще люки — в носу и в корме, и они тоже не открывались. А ведь где-то внутри, в одном из них, находился крошечный пульт управления, такой же примерно, как и в лайнере. Но где? Где?

Боря поднес лодку к уху и долго слушал. Ни звука. Тишина. Точно и не было там живого экипажа: ловких мотористов, ракетчиков, штурманов и самого командира... А они там были, были! И только по каким-то своим сугубо секретным соображениям не подавали признаков жизни, притаились, наглухо замкнулись в герметической оболочке лодки, чтоб, когда надо, ожить и привести в действие все свои сложнейшие механизмы и системы...

Но как приказать экипажу? Это один Гена знает.

Ведь не пойдешь к Цыпленку и его брату со слезной просьбой: «Объясните, пожалуйста, как работает лодка, которую у вас так ловко выманил Попугай, а у него — я...» Так и будет лежать она у него без дела, как лежала у Глеба...

Нет, не будет! Уж он что-нибудь придумает.

Боря бесшумно набрал в ванну воды и опустил лодку — может, как замороженная рыба из магазина, она оживет в воде и заплывает?

Ничего подобного. Погрузившись на две трети, лодка и винтом не шелохнула. Но стояла строго вертикально. Боря протянул руку и не смог оторвать лодку от воды — такая она вдруг стала тяжелая. Внутри нее что-то щелкнуло, и лодка заработала винтом, двинулась вперед, свернула, обогнула всю ванну и замерла на прежнем месте.

Боря слегка ошалел. Он боялся коснуться ее. Минут десять он ждал, что будет дальше.

Лодка и не дрогнула. Тогда он прокрался вдоль стенки к тому концу ванны, где был кран, за цепочку вытянул пробку из сточной дыры, и вода начала быстро убывать. Лодка оседала все ниже, коснулась килем эмалированного дна и стала заваливаться на левый борт. И наконец совсем легла.

Боря потер кулаком лоб, осторожно приподнял лодку, и она, лишенная воды, опять не выказывала никаких признаков жизни. Не дыша от волнения, Боря спрятал лодку в коробку, осторожно прошел в комнатку и задвинул коробку под свою кровать. В дальний угол...

Утром Боря шел в школу, и приборчик лежал в кармане его непромокаемой куртки с десятком «молний». Шедшие перед ним люди отскакивали вбок, переходили на другую сторону Весенней улицы. Вдруг Боря увидел впереди Вову с Геной и вздрогнул. И пошел медленней. Гена был широкий, в больших квадратных очках и коротко подстрижен. Вот он, главный волшебник их дома, изобретатель и мастер! Ох небось и злится на него! Сильней, чем в прошлом году на Глеба, — ведь лайнер, если говорить честно, не совсем добровольно перешел

в Борины руки...

Боря стал прислушиваться к разговору братьев.

— Ну не надо, — говорил Гена, — я ведь не хотел... Не хотел, понимаешь?

— Чего это он не хотел?» — мелькнуло у Бори.

— Я и не думал, что ты такой обидчивый, — продолжал Гена. — Ну давай мириться. — Он потормошил Цыпленка за плечо. — Слышишь?

Только теперь увидел Боря, что Вова шел свесив голову и, возможно даже, похныкивал. Ага, все ясно:

Гена всыпал ему хорошенько за вчерашнюю дурость, а теперь извиняется.

Ну точно! Стал бы иначе Гена говорить ему:

— Нельзя же, чтоб любой обводил тебя вокруг пальца... Ведь правда?

— Правда. — Вова приподнял голову. — А может, он и приведет еще собачку... Сегодня обещал.

— Жди! Он наглец, твой Борька! — сказал Гена.

Обида захлестнула Борю:

— Не правда, я не наглец! И..., и...

— Что «и»? — спросил Гена, быстро повернувшись к нему.

— И я давно мечтал об этой лодке! Во сне видел целый год! — И Борю понесло, понесло, и он сам уже не понимал, что и зачем кричит.

И тут он увидел, что Гена с Цыпленком отскочили в стороны и пригнули головы, точно Боря собирался бросить в них камень. И с ошалелыми лицами, с виновато-бледными улыбками крутили они головами и не могли сойти с места, будто росли в асфальт.

Приборчик помог! Хитрый глаз выручил!

Обогнав ошеломленных Цыпиных, Боря зашагал к школе.

И тут же понял, что сглупил. Опростоволосился. Надо было наоборот как-то подкатиться к братьям Цыпиным, а он что сделал? Дуралей! Заржавеет его чудо-лодка от полного бездействия, и ее уже не починишь...

Вот и школа. У двери в это время всегда толпится народ. Но сейчас словно рукой всех смахнуло. Боря вошел в сразу опустевший вестибюль и двинулся по опустевшей лестнице вверх.

Вошел в класс. И сразу увидел Андрея.

— Эй, ты! — сказал Андрей и пошел на него. — Ты еще ответишь за лайнер...

Боря побледнел и повернулся к нему вместе с приборчиком, лежавшим теперь в нагрудном

кармане ковбойки под ученической курткой. Андрей прикусил язык, стал медленно приглаживать вставшие торчком волосы, а они не хотели ложиться и снова вставали, точно были проволочные; когда же Боря отвернулся от него, они опустились и — волосок к волоску — заняли свои места.

«А почему он вспомнил только лайнер? — подумал вдруг Боря. — Про лодку забыл? Я ведь сказал ему вчера, что выменял ее... А про мои угрозы тоже забыл? Почему не накинулся на меня сразу с кулаками? Странно. Очень странно! Или приборчик так действует, что никто потом ничего не помнит?»

Скоро в класс вошел Вова. Кинув на Борю беглый взгляд, он тихонько сел за свою парту. Он был сейчас самым нужным Боре человеком, но как к нему подступиться?

На перемене ребята высыпали из класса. И Боря вышел. Повернулся в одну сторону коридора — она сразу опустела, подвернулся в другую сторону — и оттуда все убежали.

Так теперь все и будут от него бегать?

Потом Боря пошел домой. Шел один. И раньше, после случая с лодкой, когда только он не захотел ссориться с Глебом, не всегда удавалось ему по дороге из школы к кому-нибудь примкнуть, а если и удавалось, ребята старались избавиться от него или шли молча. И это еще сильней обижало Борю. Одна Наташка после уроков топталась возле него в раздевалке — очень хотела пойти с ним. Да он убежал от нее. Так же, как мальчишки от него. Но сегодня было еще хуже — все прямо шарахались от Бори, точно он псих или прокаженный, и на десять шагов не подпускали...

И он пошел один.

Вдруг впереди он увидел ярко-красное Наташкино пальто. И так встрепенулся, так обрадовался.

— Наташа, — крикнул он, — подожди! Дело одно есть!

Наташка обернулась, косички ее с белыми бантиками встали, как две палки, над головой, она странно дернулась, подпрыгнула и пустилась от него со всех ног. Боря чертыхнулся, опустил голову и ни к кому не пытался больше пристать.

Что ж это получается? У него есть чудо-приборчик, а ему так грустно. Так одиноко. И деньги, полученные от отца, не радуют, и лодка не плавает, и даже Наташка убегает...

Боря прислонился плечом к забору, не таясь быстро достал из кармана приборчик и в который уже раз посмотрел на утопленную белую кнопку с черной цифрой «1». Что ж теперь делать? Другую надо нажать. Но какую?

Рядом с утопленной кнопкой белела кнопка с цифрой «2».

Боря поежился, нахмурился, закрыл глаза и, замирая от страха, нажал эту кнопку.

ЧТО ЭТО ЗА КНОПКА?

И услышал легкий щелчок. Что теперь его ждет?

С приборчиком ничего не сделалось, но Боря держал его с опаской. И очень боялся заглянуть в

Хитрый глаз. Потом спрятал приборчик в карман и зашагал к дому.

Навстречу, смеясь, шли старшеклассницы и на всю улицу обсуждали кого-то. Боря незаметно повернул к ним карман. И вот диво — они не шарахнулись в сторону, что сделали бы пять минут назад, но сразу прервали смех и даже разговор. И стали застегиваться на все пуговицы, а руки, как по команде, нырнули в карманы плащей и принялись лихорадочно шарить в них. И с лиц исчезли улыбки, и глаза превратились в щелочки — ну совсем как у Глеба!

Что с ними?

Боря прибавил шагу. Открыв дверь своей квартиры, он, даже не скинув куртку, стал набирать на диске телефона Наташкин номер. Надо успокоить ее, чтоб не боялась.

Боря набрал ее номер и затаил дыхание, услышав длинные гудки. И приготовился говорить. Внезапно в трубке появился голос Наташкиной мамы.

Этого Боря не ждал. И все же трубку не бросил.

— Будьте любезны Наташу, — попросил он, стараясь говорить басом, чтоб ее мама не узнала его: наверно, жаловалась, когда он стукнул ее.

— Сейчас, Боря, — сказала Наташкина мама.

А ведь как изменил голос — собственная мать не узнала бы!

И не успел он как следует огорчиться, как в трубке радостно зазвенел комариный голосок:

— Здравствуй, Борь, хоть и виделись уже... Что это ты стал какой-то другой? Ходишь словно проглотил аршин и отворачиваешься от всех. Нарочно?

Вот любопытная! И, не видя ее, можно догадаться, что у нее длиннейший нос! Но Боря был доволен: она ничего не помнит, значит, и вправду действие приборчика довольно быстро проходит, не оставляя следа, и ему нечего бояться мести, и она, конечно, поможет ему убедить Вову.

— Нарочно отворачиваешься? — все допытывалась Наташка.

— Нарочно, — сказал Боря — Слушай, ты не можешь выйти на минутку? Ты, кажется, хотела мне какую-то книжку принести...

— Ну конечно! — воскликнула Наташка. — «Маугли»... В школе на нее очередь! Не оторвешься! А когда? Хочешь, сейчас? Через три минуты!

— Хочу, — сказал Боря и опустил трубку. И не через три, через одну минуту услышал, как распахнулась по ту сторону лестничной площадки дверь.

Но Боря сдерживал себя и ждал. Он слышал, как Наташка, что-то напевая, ходит по площадке — от двери к двери; раз двадцать, наверно, прошла, потом остановилась под их дверью и замерла. И стало так тихо, что Боре показалось, что он слышит, как стучит ее сердце.

Пожалуй, можно было и выходить.

Он потопал ногами, полизгал замком и услышал, как Наташка отпрянула от двери.

Боря вышел. Плечом прислонившись к стене, Наташка в безучастной позе стояла возле лифта. Она была в коротенькой черной юбке и серой кофточке с отложным воротником — собралась куда-нибудь? — и держала в руках книгу. Глаза ее смотрели на него настороженно, исподлобья, но все равно восторженно. Боря все медлил, все не решался направить на нее Хитрый глаз, хотя знал уже, что ничего страшного с Наташкой не будет. Карман куртки смотрел в сторону. Но с чего, с чего начать?...

Все равно с чего, только б не молчать.

— Ты куда так разоделась? — брякнул Боря.

— Как — куда? — Наташка немножко растерялась, почесала книжкой подбородок и печально посмотрела на него из-под челочки, которая, честно говоря, очень ей шла. — Никуда.

Боря старался не смотреть в ее русалочьи глаза.

— Я тебе книгу принесла.

— Вижу... Не ахинея какая-нибудь?

— Что ты! Она...

— Про что? — оборвал ее Боря.

— Это про то... — начала рассказывать Наташка, но тут из их двери высунулось такое же, как и у нее, длинноносое, зеленоглазое, только старое лицо ее мамы, тети Лены, и она пригласила их домой. Боря сразу насупился:

— Да нет, не могу... Я спешу: подзорную трубу пойду покупать...

— Ого! — удивилась Наташка. — Говорят, у тебя теперь тот лайнер, который вчера...

— Да нет его у меня! — ответил Боря и подумал: неужели Андрей не сказал ребятам, что он уже обменял лайнер? — У меня теперь лодка, подводная лодка... Была у Попугая, стала у меня! Разве сравнишь ее с лайнером! Я их здорово проучил...

— Борь, — сказала вдруг Наташка и как-то чудно улыбнулась. — Ты раньше никогда так не хвастал, ты стал совсем другой! Не от Глеба ли нахватался? Тебя не узнать...

Боря на миг онемел.

— Какой же я стал?

— Ты был раньше добрый, звал всех к себе поиграть, говорил, как строить модели, и помогал, а теперь задаешься и грозишь...

— Ничего я не задаюсь! — крикнул Боря.

— Задаешься.

— И никому я не грожу!

— Грозишь... Ты не сердись, Боря, не для этого говорю... — Наташка с грустной улыбкой посмотрела на него. — Лодка ведь не твоя. Не твоя, правда? И ты..., ты должен...

— Ничего я не должен! — вспыхнул Боря. — Моя она теперь — и все, никому не отдам ее! — Подумать только, она опять суется в его личные дела. Она хочет, чтоб Боря остался прежним, чтоб Андрей презрительно стрелял в него глазами-пулями, чтоб из него можно было вить веревки, чтоб...

— Не обижайся, Борь... — продолжала Наташка, но он больше не мог ее слушать.

— Давай книгу! — Он повернулся к ней левым карманом.

Лицо Наташки сразу как-то осунулось, глаза уменьшились, лоб сморщился, пальцы, с силой

прижимавшие к груди книгу, побелели, а вторая рука нырнула в карман кофточки и стала что-то искать там, выворачивать его.

— Дам... Я, конечно, дам... Для того и принесла... Но ее так трудно было достать... Папа купил совсем случайно, — затянула вдруг Наташка нудным, постным голосом, — и, пожалуйста, ничем не залей ее, не закапай и получше мой перед чтением руки, и еще...

— Значит, не дашь почитать? — Боря с тоской смотрел на нее.

— Почему не дам? Дам...

Но Боря видел, как не хочется Наташке давать ему «Маугли» — книгу, на обложке которой рядом с каким-то большим хищным зверем — не то львицей, не то леопардом — бежал голый мальчишка, видел, как подрагивают от скупости ее тонкие пальцы, а глаза уже не вспыхивают прежним восторгом... Где там!

Это сильно задело Борю.

— Не нужна мне твоя книга! — сказал он. — Как-нибудь без нее обойдусь... Всего! — Он резко повернулся и побежал по лестнице вниз, и тотчас вслед за ним полетел полный мольбы голос:

— Борь, Боречка, ну возьми... Тебе же принесла!

— Можешь подавиться ею! — Боря побежал дальше, но где-то уже на уровне пятого этажа пожалел: напрасно обидел ее, она ведь не виновата, что так вела себя, а виноват он и его приборчик...

И что за странная кнопка! «А на меня она подействует?» — подумал вдруг Боря.

Он остановился у окна между третьим и четвертым этажом. Вокруг — никого, все ездят на лифте. Он отвел в сторону «молнию» на кармане куртки и вытащил приборчик. И долго не решался заглянуть в Хитрый глаз. Никто ведь не мог выдержать его взгляда — Хитрый глаз не знал жалости и действовал мгновенно.

И подумать только — вроде обычная пластмассовая коробочка с двумя рядами кнопок и циферблатиком, а какая нечеловеческая силища в ней!

Боря повертел ее в руках, погладил и на мгновение глянул в Хитрый глаз — живой, глубокий, коварный, прямо-таки втягивающий в себя. И не ощутил никаких перемен, будто и не смотрел. Он только почувствовал смутное беспокойство: на месте ли коробка с лодкой, спрятанная под кровать? Не утащил ли ее Костик? А деньги, что дал отец, он не потерял их? Боря поставил приборчик на подоконник, сунул руку в карман и стал пересчитывать бумажки... На месте. А мелочь? Боря лихорадочно пересчитал ее — ни копейки не потерял.

Что это он вдруг вспомнил про деньги?

Боря подольше задержал взгляд на Хитром глазе, и опять ничего не случилось. Только руки без его согласия снова бросились в карманы пересчитывать деньги. А что их пересчитывать — все на месте! Но Боря ничего не мог поделать с собой и опять принялся пересчитывать... До чего же неприятная кнопка!

Хватит! Боря схватил приборчик с подоконника, сунул в карман и побежал вниз, не зная, нажать ли другую кнопку или пока что подождать...

ОЛАДЬИ

Боря вышел на Черемуховый проспект и внезапно увидел Вову — Вову Цыпленка, от которого теперь все зависело. Ведь что получалось: лодка уже вроде его, Бори, и в то же время она не слушалась его, не подчинялась ему и, значит, была не совсем его...

Вот, наверно, почему, когда Боря увидел Вову, в горле у него застрял ком и стало трудно дышать. Цыпленок шел с лопухим рыжим щенком на ремешке, что-то говорил ему, и они громко смеялись — в основном, конечно, смеялся Вова, а щенок только радостно подлаивал ему.

— Проголодался? — спрашивал Вова. — Потерпи, малыш, сейчас вернемся домой, и я устрою тебе пир горой и дам еще свежей колбасы из холодильника... Только не выдавай меня... Хорошо?

«Веселится, — подумал со вздохом Боря, — лишился таких вещей, и еще веселится!...» И, зная, что эта кнопка не в силах ему помочь, Боря все же, прячась за спины прохожих, пошел за Цыпленком.

И сразу Вова стал тише, и руки его тотчас скользнули в карманы. Да и щенок уже не припрыгивал так резво, и его торчащий вверх хвостик чуть опустился и вел себя не так легкомысленно. И смеяться они перестали.

— Вов! — окликнул его Боря — Подожди...

Цыпленок вдруг резко обернулся, и Боря не узнал его: доброе, большеглазое лицо сморщилось, а глаза стали не шире отверстия для монеты в телефоне-автомате.

— Чего тебе? — глухо спросил он.

— Вов... Ну не сердись... Глупо вышло... — начал Боря — Будь другом, попроси у Геннадия бумажку... Чтоб написал, как пускать лодку...

— Не попрошу и не дам! — крикнул Вова. — Ничего не дам! Ничего! Ничего!...

— Вов! — взмолился Боря. — Что хочешь Возьми взамен! Еще одного щенка получишь...

— А первого ты дал? Дал? Скажи? — У Цыпленка совсем пропали на лице глаза — лишь две тоненькие черточки, — и одна рука его все наматывала на себя крученный поводок, чтоб покрепче держать собачонку, а вторая непрерывно обыскивала все карманы, будто из них что-то пропало, а рука не верила этому.

И Вова ушел от него, утягивая щенка. Боря тоже поплелся домой.

Мама жарила на сковородке оладьи. Боря подошел к столу с горкой оладий на тарелке и протянул руку.

— Боря, не смей! — Глаза у мамы сузились, пальцы скользнули вниз по платью, что-то ища в том месте, где обычно бывают карманы.

Никаких карманов на платье не было, но рука ее упорно продолжала искать их.

— Но я..., я умираю с голоду!

Мама посмотрела на него через плечо:

- По тебе этого не скажешь...
- Мам, правда... Я очень хочу есть!
- Подожди. Сейчас придет папа.
- Но они стынут! Я хочу свеженьких!
- А больше ты ничего не хочешь?

У Бори приоткрылся рот. Он перестал дышать, горло что-то сдавило.

Это мог сказать любой — любой, но не мама! Она понимала его, и куда больше, чем отец или Костик, не говоря уже о мальчишках; ей было интересно все, что он говорит, что он делает и думает. И деньги-то чаще давала она — она, а не отец! — на все его танки и торпедные катера... И когда он болел, брала больничный лист и не отходила от его постели; касалась своей прохладной шершавой ладонью его лба и словно вбирала весь жар, и голова не так болела, и он скорее выздоравливал. Случалось даже, когда в самый разгар «войны» Костик удирал от него во двор, мама принимала на себя командование бронетанковыми или морскими силами противника и так азартно играла, ползая по полу или сидя на краю ванны, мокрая от брызг, с растрепанными волосами — на дне валялись шпильки, — что Боря забывал, что она старше его. Не мама, а малыш номер три! Но несмотря на это и на ее боевой азарт, Борины соединения всегда одерживали верх, и мама не расстраивалась, как Костик, и он после сражений чувствовал себя настоящим полководцем.

И вдруг мама сказала такое...

Горка поджаристых оладий на тарелке росла, из большой банки на столе тянуло душистым клубничным вареньем, и Боря едва успевал глотать слюнки.

Он стоял посреди кухни и не знал, что делать. Надуться? Заплакать? Уйти?

Внезапно появился отец. Боря был так раздосадован и обижен, что не услышал, как звякнул в двери ключ. Отец пристально посмотрел на Борю, лицо его потемнело, на лбу и на щеках обозначились морщинки, а глаза его все уменьшались, словно тонули, прикрываясь веками. А руки медленно, как черепахи, поползли к карманам.

— Подойди сюда, — сухо сказал отец, и Боря понял, что кто-то опять пожаловался на него.

Боря не смог стронуться с места. Ему вдруг стало не по себе.

- Ты, я вижу, совсем не знаешь, как достаются деньги... Ловко ты вчера подкатился ко мне!...
- Я..., я не подкатывался. — Боря поперхнулся и отступил от отца.
- А кто у меня деньги выклянчил?

И не успел Боря пикнуть, как отец сгреб его и поставил перед собой. Руки нырнули в его карманы — вначале в брюки, потом в куртку, — и в них очутился Борин кошелек.

Боря застыл. Отцовские пальцы быстро извлекли старательно сложенные драгоценные бумажки, подделка которых, как о том написано на них крошечными буквами, преследуется

по закону, и спрятали деньги в бумажник.

Лицо Бори напряглось, сморщилось, покраснело — вот-вот брызнут слезы.

Он вырвался из отцовских рук, бросился в ванную и заперся на щеколду. И крепился. Изо всех сил крепился, чтоб не зареветь. Нечаянно он наткнулся локтем на что-то твердое на груди: приборчик...

Так вот что виной всему!

Боря тут же вытащил его из кармана и наугад с силой нажал белую кнопку с черной цифрой «6».

ШАГИ В ВОЗДУХЕ

И спрятал приборчик в карман ковбойки, застегнул клапан на пуговку и глянул в зеркало над полочкой. На него смотрело грустное, несчастное лицо.

Боря глубоко вздохнул и... и побежал в комнатку, где Костик рисовал цветными карандашами. Другого выхода не было: лишь на секунду, на миг посмотрит на Костика Хитрый глаз...

Однако мама помешала Боре.

— Мальчики, ужинать! — позвала она.

Боря переложил приборчик в задний карман брюк: в этом положении он совершенно безопасен, даже нечаянно не заденет он теперь маму с отцом...

Ужин прошел легко и весело, точно и не случилось ничего. Глаза отца уже не прятались под веки, а смотрели открыто и добро, а мама только и успевала подкладывать на их тарелки горячие еще, похрустывающие, пропитанные маслом оладьи. Боря взял уже, наверно, десятую оладью и, макая в пахучее варенье, с превеликим удовольствием съел ее. Время от времени он искоса поглядывал то на маму, то на отца — особенно на отца: как мог он отобрать им же данные деньги! Попросить бы их обратно, но язык не поворачивался: ведь отец-то, собственно говоря, и дал ему эти деньги нехотя, под воздействием приборчика, и отобрал их по приказу Хитрого глаза... Кто же виноват?

Ел Боря быстро, торопливо. Он даже в варенье макал не очень старательно. Скорей, скорей узнать, что это за цифра «6»! Наконец он оторвался от оладий и встал. Между тем Костик и не думал вставать. Его губы были вымазаны вареньем, и он весело заглатывал очередную оладью, точно пеликан лягушку, только с еще большим аппетитом. Боря даже немножко рассердился: сколько же можно?

— Смотри, лопнешь.

— А тебе жалко? — спросил отец.

— Вот еще! — Боря примолк.

Когда мама с отцом вышли, Боря сказал:

— Кончай! Слышишь?

— Я сейчас.

И Боря еще минут пятнадцать глотал слюну, глядя, как этот хитрец в отсутствие мамы загребает прямо из вазочки ложку за ложкой варенье и толстым слоем размазывает на оладьях. И когда все терпение вышло, Боря схватил брата за руку и повел из кухни в их комнатку. Костик со смехом стал вырываться, и в коридоре Боря отпустил его. Брат очутился против кармана с Хитрым глазом.

— Борь, а Борь! — крикнул Костик и подпрыгнул, и у Бори от испуга екнуло сердце и отдалось где-то в лопатке: брат взлетел чуть не на метр. Боря спросил в смятении:

— Что, что, Костик?

И увидел сияющее курносое лицо и большие серые глаза, из которых так и брызгало веселье.

— Идем посмотрим, что я нарисовал! Ну идем же, идем же! — Костик схватил его за руку и силой потащил в комнатку.

И это было так странно. Значит, этой кнопки нечего бояться!

— Ну идем же! Идем же! — Костик втащил его в комнатку, все время высоко подпрыгивая, и раза два даже Боря взлетел с ним в воздух.

Чему он так радуется?

— Смотри! — Костик протянул ему раскрытый альбом, на страницах которого цветными карандашами были нарисованы какие-то круглоголовые фигурки с гибкими прутиками вместо хохолков на голове.

— Что это? — спросил Боря — Головастики какие-то! А что это у них за прутики?

— Ничего не понимаешь! — Костик забегал вокруг Бори — нет, не забегал, он, точнее сказать, стал летать вокруг него в воздухе, слегка перебирая ногами.

— А что ж это?

— Это жители Венеры, а на голове у них не прутья, а антенны для радиосвязи. Они могут переговариваться с другими планетами!... — Крикнув это, Костик опустился рядом с Борей.

— Может, и с пашей планетой? И с тобой лично?

— А то как же! Я часто переговариваюсь с ними, и знаешь, о чем они все время спрашивают?

— Знаю, — сказал Боря.

Ему почему-то вдруг стали неприятны эти прыжки в воздухе и восторги брата, может, потому, что сам он не мог так прыгать, да и восторгов особых пока что не испытывал. Какие там восторги — сплошные неудачи преследовали его.

— Давай лучше испытаем нашу установку и запустим ракету с ядерной боеголовкой! — предложил он Костику, и тот не отказался, а еще радостней запрыгал, залетал по комнате:

— Давай!

— И знаешь куда?

— Куда? — На него смотрели полные удивления и восторга глаза.

— Хоть на твою Венеру!

— А если там живут люди?

— Чудак! Это ведь игра! — Боря достал из угла серебристую трубу на круглой подставке; труба была жестяная, с сильной пружиной и кнопкой для пуска — Хочешь нажать? Ракета уже внутри и установка на взводе... Давай палец. — И Боря потянул маленький, испачканный синей краской палец брата к кнопке.

Но Костик отдернул руку.

— Не хочу! — Он отпрыгнул от него, взвился в воздух, и Боря сам нажал кнопку.

В потолок ринулась ракета, раздался оглушительный звон, на них дождем посыпались осколки электрической лампочки, и они вобрали головы в плечи.

— Хорошо! Хорошо! — закричал Костик и так высоко подпрыгнул, что Боря едва не поймал его за туфлю.

— Чего ж здесь хорошего? Лампочку раскокали, и, если у мамы нет запасной, будем сегодня сидеть во тьме... Ты чему радуешься?

— Люди на Венере будут живы!

— Нет там людей, — сказал Боря, — Там такая температура, что все люди погибли бы...

До чего ж Костик еще бывает глуповат! Все у него перемешалось в голове. А какие восторги зато! Не понимает, что, если у старшего брата неважное настроение, нельзя так веселиться и прыгать...

Толку от этой кнопки не было. Ни малейшего! Вот если б у Наташки было такое настроение... Боря даже засмеялся, что ему пришла в голову такая счастливая мысль! Ведь и правда же, если б у нее было такое настроение, сама бы захотела ему помочь... Только намекни, и упрашивать не надо было бы!

Медлить нельзя было ни минуты.

— Костя, — сказал Боря, — ты бы не мог позвать сюда Наташку?

— Пожалуйста! — Костик бросился из комнатки. — Она сейчас играет в мячик у дома...

— Постой, не нужно! — Боря вернул брата и сам побежал к Наташке.

Он вышел из подъезда. Навстречу шли несколько человек с усталыми лицами и о чем-то спорили. Боря повернулся к ним, и в ту же секунду они преобразились: с лиц исчезла усталость, плечи выпрямились, раздался смех. И они уже не шли тяжело и медленно — где там! — они, словно потеряв вес, огромными шагами понеслись вперед, взлетая над тротуаром, перемахивая через лужи; Боря увидел подметки их туфель и металлические подковки у одного...

Ну просто чудо какое-то! Волшебство, и только! Ведь и крыльев-то нет, а как взлетают!

А он еще боялся этой кнопки, и у него прямо тряслись поджилки, когда нажимал ее.

Вон и Наташка с девчонками играет в мячик об стенку, и смешное длинноносое лицо ее серьезное-пресерьезное.

— Эй, Наташк! — крикнул Боря, поточнее наставляя на нее Хитрый глаз. — Тебя можно па минутку?

Наташка, подпрыгнувшая за мячиком, вдруг застыла в воздухе и, повернув к нему голову, засмеялась и звонко крикнула:

— Можно! Конечно, можно! Иду!

И не только она повернулась к нему и засмеялась — девчонки, игравшие с нею, тоже, как по команде, посмотрели на него, засмеялись и высоко запрыгали, замахали руками, точно страшно обрадовались, увидев его. И оглушительно, на всю улицу, закричали, прямо захлебываясь от счастья:

— Боря! Боря пришел! Сам Боря! Верный, преданный рыцарь!

Боря так и присел от страха. Кровь бросилась ему в лицо. Он не знал, что делать, как быть.

А Наташка уже летела к нему, веселая, смеющаяся, едва касаясь носками туфель асфальта. Боря так испугался, что в животе похолодело, и бросился от нее. Он бежал, и ему не хватало дыхания. Он бежал и слышал сзади смех ее подружек. Он догонял его, хлестал по ушам, по щекам, по сердцу...

— Рыцарь! Преданный рыцарь!...

Да как они смеют издеваться над ним?

Через минуту Наташка догнала Борю — она ведь летела по воздуху! — и очутилась впереди, и он увидел перед собой ее лицо.

— Ну что, Боря, что? Я сделаю все, что ты попросишь!

Он оттолкнул ее, кинулся в подъезд, но она уже стояла перед дверью лифта.

— Какой же ты, Боря... Говори!

Он прыгнул в кабину, заперся и поехал па свой шестой этаж и видел через стеклянную дверь, что и она летит по лестничным маршам вверх, обгоняя кабину. И когда лифт остановился и Боря выскочил из него, она стояла у их двери и смотрела на него, и лицо у нее покраснелось и прямо-таки сверкало радостью и дружелюбием... Очень нужны ему ее радость, ее дружелюбие!

— Борь, ну что ты? — улыбнулась Наташка — Скажи, что тебе сделать?

— Уйди! — Боря ринулся в дверь, с грохотом захлопнул ее и тут же, в коридоре, тяжело дыша, вытащил из кармана приборчик и нажал пальцем новую кнопку с цифрой «3».

УШИ, УШИ, УШИ

Несколько минут Боря приходил в себя.

Кто бы мог подумать, что эта невредная, эта, можно сказать, веселая и смешная кнопка так его подведет! Как она полетела за ним! Как птица! А как смеялись девчонки! И вся улица слышала.

Дождется своего! Даром он давал клятву, когда у него еще не было Хитрого глаза? Теперь он есть у пего, но клятва остается в силе: нельзя быть мягкосердечным и бесхарактерным... Иначе и лодка его не будет ходить! И ребята не будут уважать! У пего такой могучий Хитрый глаз, а он ведет себя, как последний хлюпик...

Раз десять прошелся Боря по коридорчику, успокоился и твердо решил отныне и навсегда быть храбрым и ловким.

Боря заглянул в комнатку, где они только что испытывали пусковую установку. Костик сидел на полу и плоскогубцами выпрямлял ось вагончика.

Боря присел на корточки перед братом. Так присел, что Хитрый глаз смотрел на него.

— Ты чего это делаешь?

Лицо Костика оставалось прежним, но... Но что это такое? Что происходит с его ушами?! Они всегда были маленькие, его уши, а сейчас вдруг стали увеличиваться, разрастаться. Вначале вширь и в длину, а потом только в длину... Ну совсем как у зайца... Нет, как у осла... Точно, как у осла!

— Что я делаю? А ничего! — Костик подмигнул ему, скривил нос и уже не выпрямлял тонкую ось вагончика, а потихоньку сплющивал само колесо.

— Ты что это? Хочешь испортить его?

— Хочу!

— Не смей!

Тогда Костик поднес плоскогубцы к кончику собственного курносого носа и, кажется, хотел зажать его. Боря испугался и вырвал из его рук плоскогубцы.

— Делать больше нечего?

— А ты сам говорил, что у меня толстый нос.

— Да мало ли что я говорил!... Прекрати! Или ты спятил?

— Ага, — сказал Костик.

— Что «ага»?

— Спятил! — Костик расхохотался, откинулся на спину, упал на пол и задергал в воздухе ногами, точно ехал на велосипеде и всюду жал на педали.

— Встань, — велел Боря, — выпачкаешь рубашку... И вообще ты мне перестаешь нравиться.

— Ты просто дурак! — Костик показал ему язык. — Ты глупый, преглупый, наипреглупый дурак, — и опять расхохотался и тряхнул длинными ушами.

Борю ударило в краску:

— А разве можно быть умным дураком?

— А вот ты и есть умный дурак, ты и еще Вова, и его Гена, и Наташка — все вы умные дураки...

— А ты знаешь, кто я? — спросил Боря.

— Кто ж этого не знает?

— Ну кто?

— Ты? — Костик мучительно собрал на лбу складки.

— Да, я... Я ведь командир боевой подводной лодки... Правда?

— Ну конечно!... Это все знают, что ты командир...

— А лодка моя сверхсекретная, и никому не известно, в какие рейсы она пойдет... Ведь верно?

— Ну конечно!... Ты скоро будешь генералом всех подводных сил...

Боря встревожился. Раньше Костик не принимал все на веру, не повторял, как попугай. А эти уши! До чего ж нелепые уши! Костик то и дело хмурил свой маленький лобик, точно силился вспомнить что-то очень важное и никак не мог.

Боря отвернулся от брата.

Костик минут пять еще молчал несусветный вздор, потом его речь стала более связной и в ней можно было кое-что понять и уши стали понемножку уменьшаться. А когда мама велела им

ложиться спать, он стал почти нормальным, а уши — прежними. Укладываясь, Боря сунул приборчик под подушку, у самого края ее, к стенке, и направил Хитрым глазом вниз.

Боря долго не мог заснуть. Вдруг вспомнил лайнер — зачем отдал его Глебу? Ведь валяется у него без деда. «А у меня лодка не валяется?» Потом Боря подумал о Костике: как быстро поддался, до чего изменился! А уши! Ужас просто... А ведь кажется, не должен бы — он ведь смысленный мальчишка. Может, оттого, что не подозреваешь, что перед тобой Хитрый глаз, быстрее поддаешься? А если заранее знаешь обо всем и сам не глуп, поддашься или нет?...

***

Утром Боря встал пораньше, поел, собрал учебники и тетради и, как вчера, не поехал вниз на лифте; а добежал до площадки между третьим и четвертым этажом и, чувствуя слабый озноб, пристроил на подоконнике приборчик так, что Хитрый глаз смотрел прямо на него. И только он это сделал, как исчез озноб и все заботы и опасения — стало легко и даже как-то смешно. И ничего страшного! Он увидел в оконном стекле свое сосредоточенное лицо и растущие вверх уши. Лицо было такое важное, задумчивое, что Боря состроил ему рожицу. Стекло ответило тем же. Оно издевалось над ним.

— Ну, ты! — крикнул Боря. — Как стукну сейчас — разлетишься! — Он даже руку занес.

Второй Боря — на стекле — тоже занес руку.

Боря ударил, костяшки кулака занули. Стекло не разлетелось, но рожица в нем скривилась от боли и страха. «То-то! Будет знать, как издеваться и гримасничать». Потом Боре захотелось петь и хохотать. Он попытался даже сделать стойку на руках, но мешал портфель под мышкой, и Боря не знал, как от него избавиться.

Потом он слегка стукнул головой стену — не пробьешь! Стукнул покрепче — голова загудела. Он так обиделся, что ударил стену ботинком, сморщился и запрыгал на одной ноге: даже во время игры в футбол, когда его однажды подковал Глеб, не было так больно.

— Я тебе покажу! — во все горло заорал Боря на стену, трахнул по ней кулаком и еще пуще взвыл. Все они — и стена, и стекло, и подоконник — сговорились против пего и хотели отомстить.

А за что ему мстить? Что он сделал им плохого? Ну бежал по бульвару, а за ним гнались; ну увидел в траве под кустами что-то вроде... Да, что это он увидел в траве? Что?...

Боря уставился на подоконник. Ему в глаза глядело что-то черное, очень-очень черное, сверлящее, холодное, и оно все увеличивалось, становилось все более черным... Ой, что это? Борю вдруг зашатало, и он схватился за перила лестницы. Что с ним? Как очутился он здесь и почему боится этого черного, лежащего на подоконнике? Куда он шел? И зачем? Почему у него под мышкой зажат портфель? Он шел и даже спешил, но куда? Куда-то туда, где шумно, где свист, гам, смех и много ребят, и среди них зазнайка Анд... Ах, вон оно что! Тот очень боялся его из-за... Из-за чего? Из-за какого-то Хитрого... Из-за чего-то, что помещалось в его кар... А что это такое? Боря стал усиленно двигать кожей лба, напрягаться, ухватывая какую-то мысль, но она все ускользала от него... Ага, у него в кармане был, был, был... Кто был? Боря взмахнул рукой, и вдруг пальцы его наткнулись на что-то длинное, холодное, выроставшее из его головы... Уши! Он крикнул, затрясся, вспомнил и рывком схватил с подоконника что-то узкое, гладкое и по привычке стал заталкивать в карман куртки. И совсем обессилел от своих мыслей или оттого, что они так перемешались, перепутались — ничего нельзя понять!

Все-таки поддался... Поддался Хитрому глазу!

Боря прислонился к стене, и потихоньку все в нем приходило в порядок, и странный туман рассеивался, и все становилось более или менее ясно: он шел в «школу с этим приборчиком, в котором была нажата новая кнопка, и...

Как же он с такими ушами выйдет на улицу, пойдет в школу?

Боря стал ощупывать уши — они были чуть не в полметра, раза в три больше, чем у Костика! Боря попробовал пригнуть их и прикрыть фуражкой, но разве спрячешь такие ушищи! Такие безобразно громадные ушищи! Да и больно их пригибать...

Ага, ничего... Все-таки уменьшаются! Уши и в самом деле медленно теряли величину, словно убирались внутрь, и Боря трогал и пробовал их до тех пор, пока уши не стали примерно) такими, какими были десять минут назад.

Вдруг Боря услышал сверху Наташкин голос:

— Хорошо, мамочка, спасибо! — И вслед за тем загудел лифт: кабина пошла вниз.

«Сейчас я тебя награжу ушами! — подумал Боря. — Такие ушки приделаю тебе — не будешь больше летать в воздухе и гнаться за мной! Стыдить перед всеми! Пусть все увидят, какая ты красивая!» И, подождав кабину, направил на нее Хитрый глаз и побежал следом. Он бежал очень быстро — лишь руки касались перил, а ноги летели над ступенями.

У второго этажа он обогнал кабину, и, когда она спустилась вниз, Боря уже ждал Наташку.

— Здорово! — Он увидел, как возле ее косичек уже заострились и уверенно росли вверх ушки.

— Пойдем вместе в школу?

— Пойдем, пойдем! — Наташка хихикнула. — Я очень рада! — Она опять хихикнула, закатила глаза, завертелась на одной ноге и совсем неожиданно хлопнула себя по голове портфелем.

— Почему рада? — Боря помрачнел.

— Ты ловкий, ты энергичный, ты быстрый, ты...

— Храбрый, — вставил вдруг Боря: ему так хотелось всегда быть храбрым.

— Храбрый! — охотно повторила Наташка, и Боре очень приятно было слышать это, и он добавил:

— И ты молодец, что выменял подводную лодку, и Вова с Геной должны помочь тебе...

Она и это повторила, слово в слово!

Почище Костика...

Теперь ему бояться нечего: ребята будут делать все, что он прикажет им, и никто не посмеет поколотить его за лайнер и лодку...

Наташка всю дорогу тараторила, крутилась перед ним то на одной, то на другой ноге, вонзала в воздух свой длиннющий нос, точно хотела протаранить муху, потряхивала ушами. Ее красное пальто металось перед его глазами, и Боре было очень смешно. А потом стало жаль ее: и она

это вроде, Наташка, его давняя знакомая — сколько живет он, столько и помнит ее, — и вроде совсем не она... Разве была она когда-нибудь такой глупенькой и с такими ушами?

— Не дурачься! — Боря удержал ее за руку.

Наташка с такой силой снова уколола носом воздух, что едва не упала.

Боря отвел Хитрый глаз в сторону. У школы им повстречался Стасик.

— Эй, куда скачешь? — крикнула Наташка этому коротышке. — Постой! Ты знаешь, как мы теперь дружим с Борей?

— Ты дружить с Борей? — удивился Стасик, и Боря, слегка бледнея, повернулся к нему.

Стасик подскочил, прыгнул через школьный порог и, двинув высоченного десятиклассника головой в живот, метнулся в вестибюль. Даже уши его не успели увеличиться.

— Что это он? — Наташка хихикнула на всю школу, и Боря отошел от нее. Но она тут же поймала его за полу куртки и со смехом задержала:

— Не пуцу, не пуцу!...

Боря залился краской:

— Дай раздеться!

Он снял куртку, переложил приборчик в карман ковбойки под пиджаком и, пока Наташка, нелепо подпрыгивая, выдергивала руки из рукавов пальто, побежал на второй этаж.

Да, Наташку ему было жаль. Но других? Они отворачивались от него, презирали, не считали за человека, убегали, чтоб не идти вместе домой, грозили, а он будет жалеть их? Уж эта кнопка должна помочь ему...

МЕСТЬ

В дверях стоял Глеб. Его всегда бодрое, надменно-толстое лицо сейчас было вялым и безнадежно кислым. «Жадина, хитрец, все мои беды из-за тебя!» — подумал Боря и увидел, как под прямым взглядом приборчика узкие глаза Глеба мгновенно расширились — вот-вот выскочат из глазниц! А уши стремительно полезли вверх.

И Боря безжалостно приказал:

— А ну, Попугай, покажи классу, как ты можешь кричать по-попугайски!

Глаза Глеба блеснули готовностью, тонкие губы улыбнулись, и он резким, птичьим голосом прокричал на весь коридор:

— Ко-ко-ко... Я Попка-дурак, Попка-дурак, Попка...

— Хватит, — прервал его Боря, испуганно озираясь. — Ты не в коридоре, ты в классе покричи.

— Пожалуйста! — Глеб ворвался в класс.

Он бегал по рядам и оглушал всех птичьим воплем. Боря тем временем повернулся к Андрею.

Тот зашевелил, задергал бровями, надвигая их на самые глаза, потом принялся сжимать губы, силясь изобразить на лице свирепое мужество, и его уши нехотя, но тоже начали увеличиваться.

— Андрей, ты слышишь меня? — спросил Боря.

— Ну? — Андрей ни на миг не прекращал сжимать губы, выпячивать нижнюю челюсть, хмуриться, нагонять на лицо отвагу и свирепость, точно ему было очень важно уж если не испугать кого-то, то, во всяком случае, убедить в своей силе и мужестве.

— Выжми стул! — сказал Боря.

— Да это мне плюнуть! — Андрей решительно подошел к стулу, стоявшему у стола, взял его за заднюю ножку и на вытянутой руке легко оторвал от пола.

— Молодец! — сказал Боря. — А ты можешь поднять стул, посадив на него Цыпленка?

— Чтоб все смеялись? — Вова надулся.

— Иди к нему! — сказал Боря.

— Не хочу! Ты отдай мне сначала лайнер...

— Значит, не хочешь, чтоб этот храбрый и мужественный человек...

— Вот именно! — Андрей внушительно стукнул себя кулаком по груди.

— ...поднял тебя со стулом одной рукой и пронес по всему классу?

Вова завертелся на парте и нехотя подошел к Андрею.

И тут Боря опять спохватился: ну зачем прицепился к Цыпленку?

Прозвенел звонок.

В класс вошла Нина Петровна, учительница русского языка, и начался урок. Боря сидел на парте криво, полуобернувшись карманом к окну, чтоб никого больше не задеть Хитрым глазом. И так ребята не пришли еще в себя: переговаривались, посмеивались. Но уши у всех почти достигли обычных размеров.

— Что с вами, приятели? — спросила Нина Петровна. — Бас как подменили!

— Нет, — гордо заявил Андрей, — нас никто не мог подменить, — это мы, и мы не отступим и не покоримся ему!

— Кому? — поинтересовалась учительница.

— Тому, кто хочет с нами что-то сделать... Не отступим!

— Я что-то не очень понимаю тебя... Нельзя ли ясней?

«Он еще не совсем в себе, — подумал Боря, — но о чем-то догадывается».

— Нельзя.

Нина Петровна уставилась на ребят.

— А ты, Крутиков, чего скособочился? Боря не сдвинулся с места.

— Почему ты не смотришь в лицо, когда с тобой говорят?

Боря до боли в шее повернул к учительнице голову, а корпус с приборчиком в кармане оставался повернутым к окну.

— Я..., я..., я..., не могу! — вырвалось у него, и Андрей засмеялся; ага, значит, действие Хитрого глаза уже кончилось!

Лишь только учительница отвернулась, Боря соскользнул на пол, вытащил из кармана приборчик, положил в парту Хитрым глазом вверх и снова сел.

В школе было тихо, шли занятия, но вот вверху, над головой, где был седьмой «В», стал нарастать непонятный шум. Он становился все громче — кто-то резво прокричал петухом, застучал крышкой парты, засвистел, забил ногами в пол, точно отплясывал чечетку. С потолка на Борину парту упал кусочек побелки.

— Да что они там? — спросила Нина Петровна. — Ведь так нельзя вести урок. Учитель заболел?

— Не знаю, — сказал Вова.

— А ну-ка, Цыпин, сбегай проверь.

И Вова исчез за дверью.

Минут через пять он вернулся, очень бледный. Только уши его — обыкновенные маленькие уши — были красные.

— Что там? — спросила Нина Петровна.

— Не знаю, — пробормотал Вова. — Они там все кричат, и пляшут, и бросаются учебниками. Я открыл дверь, и в меня чуть не попали... И уши у них...

— Но учитель? — спросила Нина Петровна. — У них есть в классе учитель?

— Есть, — сказал Вова и замолк, проглотив слюну.

— Что же он смотрит?

— Он... Он тоже пляшет с ними, и у него тоже...

Сердце у Бори екнуло, и он мгновенно положил приборчик Хитрым глазом вниз. Шум над головой пошел на спад, и уже можно было продолжать урок. Но странное дело: чем спокойнее становилось над головой, тем громче давал себя знать шестой «В» — класс, расположенный под ними; оттуда доносился хохот, визг.

Брови Нины Петровны сошлись на переносице.

— А там что творится?

Боря тут же переложил приборчик из парты в карман брюк, и шум внизу стал затихать.

Больше всего Боря боялся, что его вызовут к доске: сможет ли он стоять так, чтоб Хитрый глаз ни на кого не смотрел? Да и уроки он не сделал.

Борю не вызвали. Он сидел и думал: как быть дальше? Ну хорошо, он отомстил — ох как отомстил всем за свои страдания! — но ведь через час они обо всем забудут и все останется по-прежнему: неприязнь к нему и..., и его лодка по-прежнему не ходит и не погружается... Какой же ему от всего этого толк?

ПОТРЯСАЮЩАЯ ДОГАДКА

И Боря стал думать, что бы такое ему предпринять.

Никогда еще не думал он так много. И так тяжело. Прямо голова вспухла.

Он сунул руку в карман брюк и вдруг наткнулся на маленького парашютиста, опутанного стропами, — забыл дома спрятать, — и тут его пронзила одна мысль... Как только раньше не догадался! «А что, если... — подумал он, и сердце его часто-часто забилось. Так просто и необыкновенно было бы это... И так потрясающе!

Если, конечно, получится. А для этого надо было забыть про всякую жалость и заняться Глебом. Он колотит маленьких, обманывает всех, боится дать на пять минут велосипед. А его еще жалеть?

Глеб сидел впереди, и Боря весь последний урок держал его под Хитрым глазом. Глеб, к счастью, вел себя прилично: не кричал, не бросался ни на кого с кулаками, а только непрерывно кривил свои узкие язвительные губы и подмаргивал Коле, сидевшему перед ним.

Как только прозвенел звонок с последнего урока, Боря очутился возле него.

— Попугай, — сказал он, — ты должен немедленно вернуть мне мой лайнер.

— Хоть сейчас! — тряхнул ушами Глеб.

— Тогда беги за ним, и чем быстрее, тем лучше... Принесешь к нашему дому, к Вовиному подъезду... Ты не забыл, где мы живем?

— Нет.

— Ну так беги!

И Глеб побежал. Он забыл даже положить в сумку учебники и тетради. Боря так торопил его потому, что опасался, что действие Хитрого глаза кончится, пока Глеб добежит до дому и с лайнером помчится назад. Ведь если Глеб хоть на треть лишится этого действия, он ни за что не отдаст ему лайнер! А если действие будет продолжаться, у Бори будет еще одна великолепная вещь.

Но это была только часть плана...

Главное — не робеть. Боря подошел к Вове и спросил:

— Слушай, ты умеешь запускать подводную лодку?

На него исподлобья глянули глуповато-ясные глаза.

— А тебе что?

Боря сразу понял: не умеет, иначе зачем же звал он тогда брата на пруд? Боря стал нервничать.

— Геннадий сегодня работает?

— А тебе зачем? — Вова, стоя на одной ноге, коленом другой попытался почесать подбородок: все сильнее действовал на него Хитрый глаз.

«Видно, он дома», — подумал Боря и не стал объяснять, зачем ему нужен Гена.

Поняв, что больше от Цыпленка толку не добиться, Боря провел карманом по мальчишкам.

— Ребята! — крикнул он. — Я хочу еще раз показать вам удивительное зрелище... Помните, как ныряла подводная лодка? Сейчас будет еще удивительней! Идите же за мной! Вперед!

Боря ринулся к дверям. И почти все, кто был в классе, кинулись за ним. Они бежали с криками радости и восхищения, толпой вырвались из класса, с тяжелым, слоновьим топотом пронеслись по коридору и затопали по лестнице вниз, не обращая внимания на учителей, шедших из классов с журналами и картами в учительскую.

У раздевалки Боря окриком остановил ребят, потому что все они забыли про свои пальто и куртки и даже Андрей — про черную кожанку.

— Одевайтесь!

Потом они помчались к его дому. Они бежали с такой скоростью, что Боря не мог угнаться за ними — а уж он-то как бегал! — и скоро очутился в хвосте, а потом отстал метров на десять.

Вот и их дом. И Вовин подъезд. Чтоб ребята не разбежались, выйдя из-под влияния Хитрого глаза, Боря не сразу пошел с Вовой за его братом, а минут десять, собрав всех в подъезде, где они тесно сбились, и повернувшись к ним грудью, подробно разъяснял предстоящее зрелище.

Вдруг сильно стукнула дверь, и в подъезд, обливаясь потом, ворвался Глеб с коробкой в руках. Лицо у него было такое же, как всегда, и тонкие губы почти не кривились, и уши стали обычными. И глаза смотрели по-прежнему — холодно и зло.

Боря растолкал ребят и выхватил из рук Глеба коробку. Удалось! Получилось! Обе вещи теперь

у него! И громко сказал:

— Ждите нас здесь. Через пять минут мы с Вовой и Геннадием выйдем... Ура!

— Урра! — подхватил класс.

— Веди, — сказал он Цыпленку и подтолкнул его к двери.

Вова постучал. Открыла Вовина мама. Она сразу заметила перемену в сыне.

— Ты что так улыбаешься? А уши? Боже мой!

— У него сегодня хорошее настроение, а уши — временно, — тут же ввернул Боря, скромно стоявший с коробкой под мышкой за Вовой. — Он хочет спросить, не ушел ли Геннадий...

— Мамочка, Гена не ушел? — спросил Вова и расхохотался. — Где он?

— У себя. — Мама недоверчиво посмотрела на Борю.

Боре было не по себе: ведь не к кому-то идет — к Геннадию!

Идти к нему было страшно. Очень. Удрать? Но тогда все пропало!

И тут Вова схватил Борю за руку и, подпрыгивая на одной ноге, потащил его в другую комнату, где он еще не был, и распахнул дверь. Здесь некогда помещалась комнатуха-чулан, а сейчас... Сейчас это было великолепное конструкторское бюро и завод одновременно: полки с инструментами, сильная лампа на шарнирной ножке и даже маленькая чертежная доска. Гена, в синем халате с засученными рукавами (совсем не похожий на седобородого волшебника из сказок, но все равно волшебник!), сидел за верстаком и напряженно рассматривал внутренности неведомой, перевернутой машины: путаница многоцветных проводов, крошечных сопротивлений, полупроводников, конденсаторов. Не повернув к ним головы — не заметил? — Гена стал что-то паять тонким электропаяльником. С серебристого кончика его шел острый запах и вверх раскручивалась синяя спираль дымка.

Здесь уже пахло но щенками, птицами или водорослями из аквариума. Здесь замечательно било в нос краской, жженой резиной, кислотами и плавящимся металлом.

Гена сидел к ним боком, и Боря видел его широкий, склоненный над верстаком лоб, острый блеск его квадратных очков и жесткие короткие волосы. И боялся дохнуть.

— Хи-хи, — произнес Вова. — Ха-ха-ха!

— В клоуны решил пойти? — сказал Гена, не отрываясь.

— А это тоже почетная профессия, — выжал из себя Боря, и Вова, очевидно довольный его ответом, расхохотался, запрыгал и нечаянно поддел головой одну из полок; на ней что-то угрожающе задребезжало.

— Тебя по мозгам чокнули? — спросил Гена.

— Что вы! У него просто такое настроение...

— Ты уверен?

Боря весь съезжился. Ох как было опасно! Геннадий все видит и чувствует. Куда больше Андрея... И нельзя больше медлить.

— Геннадий... — начал он, весь вспотев. — Скажите, пожалуйста, как приводится в действие двигатель подводной лодки, как она управляется и как...

— Выходит из воды ракета?

— Ага. Я хотел у Вовы...

— У кого сейчас лодка? — строго спросил Гена.

И Борю облил холод; он понял: добром тут ничего не решить, и медленно повернулся к нему карманом. Дымок сразу перестал струиться из-под кончи-ка паяльника.

— Я..., я хочу, чтоб вы помогли мне завести лодку...

Гена, видно под влиянием Хитрого глаза, поднял к нему свое широкое, уже не такое сосредоточенное лицо... И уши... И у него медленно полезли вверх уши!

— Зна-зна-значит, она у тебя?

— У меня. — Боря все ближе поддвигался к Геннадию, обдавая его потоком невидимой энергии, бьющей из Хитрого глаза.

— У-ух ты! — тяжело сказал вдруг Гена и скрипнул, точно от злости, зубами. — Придется... Что это у тебя такое? — Встал и пошел к двери.

Боря совсем перепугался. Даже сердце вдруг закололо.

Стиснув губы, двинулся он за ним.

— Что с вами? — спросила мама — Куда вы? И в халате?

В подъезде все так же толпился их класс. Боря попросил ребят выходить и двигаться к пруду. А сам помчался домой, нырнул на животе под свою кровать, задвинул подальше коробку с лайнером и достал другую коробку. В лифте обдул с нее пыль.

ЛОДКА УХОДИТ В ГЛУБИНУ

Ребят перед домом уже не было, и ему пришлось поднапрячь все силы, чтоб догнать их. Они толпой валили по улице, ведущей к пустырю с прудом, и при этом хохотали и пели. И над ними молодой рощей упруго покачивались большущие уши. Сзади всех понуро брел Гена в своем синем халате с закатанными рукавами, и вид у него был почти обычный. Сбоку от него мчалась ярко-красная длинноухая Наташка — уж вот кто мгновенно поддавался действию Хитрого глаза! — и еще несколько девчонок из их класса.

Проходившие мимо люди неодобрительно косились на эту шумную толпу.

— Тише вы! — крикнул Боря и заткнул уши, единственно нормальные уши во всей этой компании, и слегка отвернулся. И пошел боком. Но долго идти отвернувшись было рискованно: ребята могли выйти из повиновения.

Минуты через две они были у большого пруда, берега которого поросли мелкой травкой. Боря

подозвал Гену, достал из коробки лодку и с боязнью подал ему. Гена положил ее на колени, вынул из кармана складной ножичек, открыл узенькую лопаточку, просунул в щелочку носового люка, и люк откинулся.

Боря стоял рядом и наблюдал: хотел запомнить все.

Он заглянул в люк и увидел крошечные циферблатики со стрелочками, какие-то винтики и рычажки. Гена что-то сделал там, что-то переставил, передвинул; делал он все так быстро, что Боря не мог уследить и запомнить, а это было так важно. Что за лодка, которая не плавает? Что за лайнер, который не летает?

Наконец Гена закрыл люк. Лицо его хмурилось, очки подрагивали на носу.

— А вы..., вы напишете мне на бумажке?

— Чего тебе написать? — Как она заводится... По порядку все...

Лицо Гены сердито напряглось.

— Тебе мало того, что заставил меня прийти на этот пруд? Тебе еще бумажка нужна? Бумажка нужна? Бумажка... И может, с печатью? И на бланке? На блан...

— Нет, что вы! — заверил его Боря. — Можно без печати...

— Бери! — Гена протянул ему лодку.

— Значит, можно пускать? — робко спросил Боря, беря лодку.

— Пускай.

Восторженные крики вокруг не умолкали: «Ур-ра Крутикову!», и это раздражало Борю, потому что он готовился сейчас к ответственнейшему моменту — пуску лодки...

Боря спустился к самой воде, и так ему стало вдруг жалко расставаться с ней, так жалко... Он вытянул руку с лодкой над водой, обернулся к Гене и еще раз спросил:

— Значит, пускать?

Гена кивнул.

— Ур-ра Крутикову! — доносилось из-за спины.

— Хватит вам! Будьте людьми! — крикнул Боря и вынес руку с лодкой вперед. Киль ее с винтом на корме коснулся воды, и лодка вдруг чудесно ожила — загудела, и тонкая, умная дрожь ее передалась его пальцам, руке, всему телу.

Боря разжал пальцы.

Лодка ринулась вперед. У острого носа ее закипел маленький бурунчик, у кормы заходила, завихрилась вода. Лодка летела вперед, и в оба конца пруда пошли от нее волны, все ширясь и ширясь, и минуту назад мертвый, неподвижный пруд оживился: по нему заплясали зайчики, он весь заискрился, заиграл, заулыбался.

Вот лодка почти достигла того берега и помчалась вдоль него, а за пей — ребята, топя ногами,

хлопая в ладоши и подпрыгивая. А лодка уже мчалась от того берега сюда, покачиваясь на собственных волнах...

Вдруг она исчезла, пропала.

Боря беспокойно обернулся к Гене:

— Где она? Ее нет! Нет ее!

— Она же подводная! — сказал Гена и вдруг плюнул в него сквозь туго сжатые зубы, и Боря едва успел отпрыгнуть в сторону.

Это так было непохоже на него. Или Хитрый глаз подействовал на Гену таким образом, что ему хочется плевать? Но почему он плюнул именно в него? Ведь не плюнул же в своего брата или в Андрея... Нет, не совсем, видно, потерял он власть над собой.

Боря отошел от Гены и опять уставился на пруд. Лодки на нем не было, но еще чувствовалось на воде волнение. Может, лодка носилась в глубине?

Вдруг Боря увидел, как из воды вынырнуло что-то узкое, тонкое и врезалось в воздух. И взорвалось. И лопнуло ярко-синим фейерверком. От взрыва даже уши слегка заложило. И Боря понял: лодка не пропала.

— Ура, — закричал он, — ура! — и запрыгал по берегу.

И вслед за ним, в точности повторяя его движения, запрыгали все двадцать пять ребят из его класса. Все, кроме Гены, который и не думал прыгать, а как-то мрачно поглядывал вокруг. От радости Боря не заметил, как из воды, уже в другой части пруда, вырвалась новая ракета. Он только услышал взрыв над прудом и увидел, как разлетаются во все стороны зеленые искорки, и еще пуще принялся отплясывать на берегу.

Внезапно к пруду вышел незнакомый человек с большой собакой на поводке.

— Ой, — вскрикнул Вова, — дог, какой замечательный дог!

И тут раздался третий взрыв, совсем в другом месте, — значит, лодка продолжала двигаться! В воду, шипя, полетели ярко-желтые огоньки.

— Мальчишки, что это? — поразился незнакомый мужчина, а дог сердито тявкнул.

— Секрет! — Боря отвернулся от него. — И, пожалуйста, не мешайте нам!

Минут десять ждал Боря появления лодки, потом не выдержал и подошел к Гене.

— Геннадий, — запинаясь, спросил он, — почему она не всплывает?

— А куда ей торопиться?

Затем Гена глянул на часы и с силой хлопнул себя ладонью по лбу, словно хотел прикончить присевшего комара.

— Идиот я! — Лицо его мучительно скривилось.

— А что?

— А то, что я включил двигатели, задал направление и пуск ракет, а вот возвращение на базу не поставил. И всплытие... Что-то нашло на меня... А ребята... Разве это прежние ребята? Ты что-то...

— Нет, что вы! Нет, — поспешил Боря, — это не я... Я ничего..., я ничего такого не делал.

— Не лги.

— Я не лгу, Геннадий... Как же теперь быть с лодкой?

— Никак... Может, сама еще выбросится на берег. Впрочем, нет, я задал ей круговой курс... Пиши пропало!... А ты скажи мне честно...

— Что? — с испугом спросил Боря и попятился. Он уже знал, что спросит Гена, но не знал, как ответить ему на это. Ведь Гена, кажется, догадался, в чем дело.

И Боря, не медля больше ни секунды, повернулся к нему карманом.

Гена еще сильнее насупился, положил руку на лоб и вдруг снова плюнул в Борю, но и на этот раз Боря успел отскочить.

И тут он страшно разозлился. На Гену, на себя, на всех ребят. Они паясничают, вытворяют черт знает что, а ведь лодка, лодка почти пропала... Он думал, она надежнее лайнера — он мог улететь куда-то или разбиться, — и совсем не подумал, что подводная лодка может утонуть... Ведь не подумал же! И вот она лежит где-то на дне — и попробуй достань ее! Вода холодна, пруд илист, и в нем, кроме карасиков, наверно, водятся и пиявки. Брр!... Но надо достать лодку... Надо! Может, она еще движется, и ее удастся поймать на ходу. А может, она легла где-то недалеко...

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

— Слушайте! — крикнул Боря. — Нужно спасти лодку... Вы понимаете? Пруд неглубок.

И тут он увидел, что Наташка, сбросив свое огненное с деревянными пуговицами-палочками пальто на траву, подбежала к пруду и ладонями принялась вычерпывать воду па берег. И другие ребята, особенно девчонки, стали делать то же.

— Вы что это? — крикнул Боря. — Очумели?

— А мы сейчас всю воду выльем! — ответила Наташка. — Вот увидишь!

Вода между тем благополучно стекала обратно в пруд.

— Прекратите! — напряг голос Боря. — Кто из вас умеет плавать, немедленно раздевайтесь и ищите лодку...

Наташка первая стала стаскивать с себя платье.

— Стоп, только не ты! — испугался Боря. — Все, кроме девчонок!

Мальчишки как в лихорадке принялись снимать туфли, скидывать куртки и рубахи. Боря посмотрел на небо: солнце грело сильно, пожалуй, не простудятся... Да и вода в пруду непроточная и уже, наверно, успела прогреться.

Первым, скинув кожанку, брюки и рубаху, нырнул Андрей, за ним, весь белый, полноватый, но плотный, плюхнулся Глеб, потом, как лягушата, сиганули Митя с Витей, затем другие ребята, и все они, баламутя воду, стали барахтаться, хохотать, хватать друг друга за ноги, фыркать, подныривать друг под друга.

«Не утонули бы», — подумал Боря и крикнул:

— Занимайтесь делом, а не балуйтесь! Поглубже ныряйте!

В воздухе раздался вдруг новый взрыв. Ребята бросились врассыпную к берегу, и над ними медленно опадали фиолетовые хлопья.

— Что я натворил! — Гена стукнул себя кулаками по лбу. — Я не помню, сколько запрограммировал выстрелов! Лодка вышла из повиновения и стала неуправляемой... И это все ты, ты! — Он показал пальцем на Борю, а Боря на всякий случай отпрыгнул еще метров на пять от него.

— Куда вы, вперед! — напустился на ребят Боря, опасаясь, что из-за этих ракет прекратятся спасательные работы. — Вперед! На поиски!

— А сам чего не идешь? — крикнул вдруг Андрей, выскакивая на берег, облепленный трусами, в пупырышках гусиной кожи, с дрожащими посиневшими губами. — Ребята, за мной!

И не успел Боря опомниться, как его схватили, подняли, и он, качаясь, поплыл в воздухе.

— Что вы делаете?! — взвыл он, дергаясь и плача. — У меня же приборчик!...

Но вокруг были сердитые глаза, мокрые, слипшиеся челки па лбах, сведенные холодом трясущиеся губы. И уши... Уши, уши, уши! Его схватили за руки и за ноги и, не с самого берега, а метрах в трех от него, стали раскачивать, считая вслух: «Раз, два...» На счет «три» Боря взлетел в воздух и, прежде чем зажмуриться, увидел на мгновение, как к нему бежит мужчина с собакой, и со всего размаха шлепнулся в воду. И пошел на дно. Холод скрутил дыхание. Стал задыхаться. Схватился за горло... Выдохнул! И сразу вскочил. Руку — на карман с приборчиком: на месте! И, утопая в вязком илистом дне, весь заоченевший и тяжелый, побежал к берегу. С него текло, от холода и страха зуб не попадал на зуб, фуражки на голове не было — утонула, видно, — одежда жала, связывала движения, а с берега на него наступали мальчишки, и рты их были разинуты в крике, уши напряжены, глаза вытаращены. Они что-то кричали и, кажется, не хотели выпускать его на берег, а требовали, чтоб он сам искал свою лодку, чтоб он нырял, шарил по дну руками и глотал пиявок...

Боря побежал от них вдоль берега, по воде... С разгона хотел одолеть небольшой откос, но здесь на него налетел Глеб, крича что-то бессвязное, и руками стал толкать в грудь. И, наверно, столкнулся бы, если бы не тот человек с догом.

Человек дернул Глеба за руку, Боря выбрался из пруда и побежал с этого пустыря к улице, к своему дому. Там было спасение. Он несся изо всех сил, а за ним бежали они. Он летел, не чужая под собой ног и собственного веса. И уже увидел впереди людей.

Но что это? Люди, заметив Борю и мальчишек, преследовавших его, остановились, захохотали, показывая на него пальцами, и один даже бросил па землю, в лужу, свой портфель и в приступе смеха запрыгал в туче брызг по воде. Хитрый глаз — он опять виной всему! Все страдания из-за него!

И, не снижая скорости, Боря вытащил из кармана мокрый приборчик и, тяжело дыша, можно сказать, задыхаясь, нажал другую белую кнопку — с черной цифрой «4».

УРА, СПАСЕН!

Спасет его эта кнопка? Или будет еще хуже? Да может ли быть хуже?!

Боря па огромной скорости сунул в карман приборчик. И удивительное дело: люди, показавшиеся впереди, стали потягиваться, позевывать, а головы их клониться к плечам. А один прислонился к забору и, сдвинув на глаза кепку, чтоб солнце не било в глаза, и, поплеывая, принялся с любопытством наблюдать, как Боря, чуть не падая от усталости, с перекошенным лицом проносится мимо, и голова его тоже прилегла на плечо...

А топот сзади не умолкал. Он летел за ним. Был все ближе и ближе. Голоса Андрея и Глеба били его по ушам:

— Стой! Держите его!...

— За пятки ловите! За уши!...

— Ты не уйдешь!...

Андрей — он раньше терпеть не мог Глеба, а теперь он заодно с ним...

Что делать? Как уйти? Обмануть бы их! Успеть бы на красный свет перебежать проспект. Далеко до проспекта — догонят.

Но почему стоящие впереди не хотят ему помочь? Преградили б им путь, вызвали б милицию...

Или... Или опять все дело в Хитром глазе?...

И Боря с ослабевшими ногами и колотящимся сердцем вдруг резко повернулся лицом к преследователям. И сразу мальчишки — в мокрых трусах, босые, взъерошенные — умерили бег, и бежали они теперь, судя по всему, только по инерции. И головы их клонились то вправо, то влево. Боря — бледный, трясущийся, тоже весь мокрый — па всякий случай пятился, отходил назад.

Скоро толпа мальчишек и девчонок остановилась. А когда Боря увидел, что они потеряли к нему всякий интерес и не кучно, а вразброд, поодиночке поплелись обратно к пруду, где лежала их одежда, показал им спину и помчался домой.

Ура, спасен! Приборчик чуть не погубил его, но он же и спас. Уж, видно, новая кнопка ничем не грозит ему. А не поможет ли она ему в чем-нибудь?

В чем? Нужно достать подводную лодку, и это главное!

И Боря решил не идти домой, а тайком, в обход, сбегать на пруд и посмотреть. Может, и правда, лишенная точного управления, выбросилась она где-то па берег, и ее могут увидеть и забрать мальчишки или даже тот человек с собакой. Но от холода ногу его сводила судорога, и Боря побежал к своему подъезду.

Хорошо хоть, никого, кроме Костика, не было дома.

Боря шел по коридору, и с него сильно текло на паркет.

— Угодил под поливалку, — сказал он Костик. — Чтоб маме ни слова. И подотри, пожалуйста.

И стал переодеваться. Быстро выкрутил над ванной одежду и, чтоб не сразу бросилась она маме в глаза, свернул в узел и сунул на дно ящика для грязного белья. Вместо любимой куртки с «молниями» Боря надел тесноватый старый пиджак, переобулся, переложил приборчик и выбежал из дому.

На пруду — ни души, только босые ребячьи следы да оттиснутые на свежем песке собачьи подушечки. Озираясь по сторонам, Боря стал обходить пруд. Он всматривался в воду у берега и, где поглубже, в водоросли: может, лодка запуталась в них, как в войну запутывались подводные лодки в специально расставленных стальных противолодочных сетях.

Нашел палку и стал ковыряться в этих водорослях... Напрасно!

Ни волнения, ни даже ряби на пруду — тихая мертвая гладь. Наверно, лодка перестала двигаться. Где она сейчас лежит? Как ее экипаж — ракетчики, штурманы, командир? Не задохнулись?.

Боря присел на берег, Ох и дела... Ох, ох, ох! Лучше б дома лежала, в коробке под кроватью...

А что, если самому понырять? Он вскочил с земли. Ведь он будет нырять с толком, с умом!

Боря сунул в воду кончики пальцев — их обожгло холодом.

У-у-ух!... Он стал растирать пальцы.

И все тело его стало ломить от одной мысли, что он снова полезет в воду — уже ведь искупался.

Боря походил вокруг пруда, повздыхал, по-прежнему приглядываясь к воде, и побрел к дому. Он был убит. Хотелось плакать, но не было слез.

Придя домой, Боря прикрыл дверь комнатки и нырнул под кровать — коробка с лайнером была на месте. Боря задвинул ее подальше, в угол. В горле запершило: опять одна коробка осталась! Только с час, не дольше, было у пего их две...

Скоро пришла с работы мама, разделась у вешалки и зевнула.

Что это сегодня все такие сонные?

— Мам, я хочу чаю, — сказал Боря.

— И я не прочь. — Мама снова длинно зевнула. — На, отнеси па кухню — покупки — Она протянула ему сумку с хлебом и какими-то кулками. — И поставь, пожалуйста, чайник...

Боря насупился: вот еще новости — он должен ставить чайник!

— А ты что?

— Что-то глаза у меня закрываются и разморило всю — едва голову держу. Пойду-ка я полежу немножко. Ты позови, когда будет готов...

Надув губы, Боря поплелся на кухню.

Вечером, укладываясь спать, Боря, как всегда, положил приборчик под подушку. Когда он проснулся, Костик ворочался на кровати, громко зевал и потягивался, точно был под прицелом Хитрого глаза, а когда Боря в самом деле направил на него через одеяло приборчик, зазевал еще громче и заявил маме, что не пойдет сегодня в школу — надоело; что она должна принести ему в постель завтрак — лень подыматься, а если она хочет, чтоб он соизволил встать, пусть оденет его и зашнурует туфли, потому что он ненавидит эту процедуру из-за слишком узких дырочек.

— Ого, — возмутился Боря и тотчас убрал приборчик, — барин какой! Тебе лакеи нужны?

— Могу обойтись и без лакеев, — сказал Костик, — если ты согласишься завязывать мне бантики на шнурках и подносить еду.

— Да знаешь, что я с тобой сделаю! — Выскочив из-под одеяла, Боря легонько двинул его по заднему месту голый пяткой.

mir-knigi.org

Утром Боря едва плелся в школу. Впереди, как всегда, шли ребята с портфелями, ранцами, сумками. Было поздновато, и они торопились. Но Хитрый глаз заставил их поубавить шаг; воздух огласился зевотой, и Боря быстро обогнал всех. В классе его поразило вот что: со всех сторон доносились кашель и чиханье. Громче всех кашлял Андрей.

Глеб не расставался с носовым платком, так сильно текло у него из носа. Митя во время разговора усиленно чихал на Витю, а Витя на Митю, и они сердились.

А Стасик совсем не пришел в школу: уж очень он был худенький, слабенький, и, видно,

простуда свалила его в постель. На Наташку он не смотрел — просто неловко было вспоминать, как старалась она вчера для него...

И вообще все было очень плохо.

ОТЧАЯНИЕ

Ясное дело, ребята ничего не помнят. Смотрят обычно, не очень, конечно, нежно и ласково — этого никогда еще не было! — но и не очень сердито. В общем, равнодушно. И ни о чем не догадываются.

Ну хорошо, он вроде бы сильнее их... А толку? Чего он добился? Лодка, его великолепная лодка до сих пор лежит па дне этого проклятого пивачного пруда! А то, что все они кашляют, сморкаются и вздыхают, а Стасик совсем слег — разве это победа? Бить его за это надо, и хорошенько бить!

Внезапно к Боре подошел Глеб.

— Слушай, ты не знаешь, где мой лайнер? — тихо спросил он.

— Откуда же мне знать?

— Весь дом перерыл — нет. Он мне так нужен. И тут Боря не вытерпел:

— Зачем нужен? Чтоб ржавел?

— Нет. И запомни: если он у тебя, жалеть потом будешь! — зло блеснул глазами Глеб и сжал кулаки.

Он еще грозит ему, он, которого Боря с такой легкостью превратил в последнего труса!

И Боря слегка провел по Глебу карманом, и кулаки у того сразу разжались и губы растянулись от длинной зевоты.

И Андрей, наверно, не страшен ему теперь.

Боря спросил у него с наигранной веселостью:

— Ну, как делишки?

— Так себе. — Андрей с вялой улыбкой потянулся, хотя обычно не только не вступал с Борей в разговоры, но и вообще старался не смотреть па него. А теперь он говорил доверчиво, дружелюбно. Вон как потептели его глаза! И с лица исчезла всякая натянутость. Хоть возьми и расскажи ему, в чем дело... Но разве можно! А если подтрунить над ним — не обидится?

— А как твоя куртка? — спросил Боря.

— А что?

— Ты счастливеец, что имеешь ее.

— Почему?

— А потому, что если вдруг будешь когда-нибудь умирать с голоду, сварить ее в котле с водой,

она как-никак немножко съедобная, и будешь жевать — надолго хватит!

Андрей расхохотался.

Его губы утратили твердость, стали мягкими, беспечно добрыми, и это было так непривычно, что Боря даже огорчился: Андрей немножко перестал быть Андреем — поскучнел, поглупел. А Наташка... Подумать только, Наташка посапывала на своей парте, и довольно громко, и ее никто не будил.

И они ничего не помнят, ничего-ничего! Они даже забыли про вчерашнюю катастрофу на пруду! И, вспомнив о лодке, Боря так расстроился, вот-вот слезы потекут... Но плакать, владея таким мощным Хитрым глазом, — разве это не позор?

— А вы знаете, — крикнул он в отчаянии, — что подводная лодка не вернулась на базу и утонула в пруду?! Вы это знаете?

— Ты разыгрываешь нас! — сказал Глеб и обернулся к Андрею, точно тот был его лучшим другом.

Неужели этот проклятый Хитрый глаз так смягчил, сгладил, отменил их вражду?

— Честное слово, нет! — Боря ударил себя кулаком в грудь. — Она утонула. Утонула, потому что Геннадий забыл запрограммировать возвращение ее и не правильно передвинул какие-то рычажки управления...

— Ну и остряк ты стал! — Андрей зевнул, подмигнул Глебу, положил голову на плечо и, кажется, уснул.

— Захотел нас подурочить? — сказал Митя. — Но...

— Но не выйдет! — продолжил Витя.

Боря отошел от них. Он говорил им правду, а они не верили. Дурачил — верили, а сказал правду — не хотят верить, и еще засыпают у него на глазах. А ведь без них не достать лодки!

— Вы люди или нет? — крикнул Боря.

— А ты? — спросил кто-то.

— Она на дне пруда, эта лодка, — устало, со вздохом сказал Боря, — и надо достать ее... Помогли бы... Одному ведь трудно. Понимаете?

В классе раздался хохот. Боря схватил с парты портфель и выскочил из класса, потом из школы. Он больше не мог. Им даже лень противоречить, спорить! Ненавидеть! Они ничему не верят, ничего не хотят. И даже если ты будешь погибать, им, наверно, лень будет шевельнуть пальцем!...

Боря бежал по тротуару. Люди перед ним едва тащились и мешали ему, а одна старушка, с картошкой в авоське, почти остановилась, преградив ему путь. Боря хотел обойти ее справа, но она тоже подвинулась вправо, он подался влево, и она передвинулась влево.

Боря чертыхнулся, прыгнул с тротуара на проезжую часть улицы и побежал. У подъезда столкнулся с тетей Феней. Дворничиха энергично подметала тротуар, пока не попала под Хитрый глаз. А как попала под него, метла ее точно застыла в воздухе и ветер понес в лицо

Бори пыль. Он чихнул и отскочил в сторону.

Уже в кабине лифта Боря вытащил из кармана приборчик и решительно нажал кнопку с цифрой «5».

«5»-ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Боря водворил на место приборчик и вошел в квартиру.

— Костик, ты здесь? — и прислушался к тишине.

— Здесь, — донеслось из их комнаты, и Боря заглянул в нее.

Костик сидел за маленьким столиком и, по-взрослому подперев кулачками лоб, рассматривал какую-то сложную радиосхему на листе бумаги. Вид у него был страшно задумчивый. Углубленный.

— Это что еще такое? — спросил Боря, больше привыкший к его художествам.

— Да вот Гена нам предлагает...

Боря прямо вздрогнул, услышав это имя.

— Ты... Ты был у него?

— Был... А что?

Его встречи с Геной пугали Борю. Нет того, чтоб Костику дружить с этим собаководом, птицеводом и черепаховодом, так ему понадобился сам Гена...

— Ну и что он тебе предлагает?

— Провести в нашу квартиру телефон, и он будет не обычный, а с каким-то усовершенствованием...

Не хватало еще! Гена подкатывается к нему, чтоб забрать назад свои вещи... У Бори так и заныло все, только он вспомнил, что подводная лодка на дне грязного пруда; у нее, может, уже вышли из строя сложнейшие механизмы, открывающие люк и пускающие ракеты, регулирующие работу двигателя. И еще было неприятно, что Глеб завел разговор о пропавшем из дому лайнере. Не миновать драки...

— Не надо, — сказал Боря.

— Почему?

— Занимайся рисованием, это у тебя больше выходит...

— Нет, не больше!

Это вывело Борю из себя, и он повернулся к Костику, к его глазам с точечками зрачков — хитрющим и веселым.

И сразу исчезла из глаз брата хитрость, растаяла живость, и они стали холодные, почти ледяные. Точно крепкий мороз застудил журчащую воду ручейка. Личико все задергалось,

зрачки еще больше сузились. А нос... Его нос, маленький курносый нос, начал быстро краснеть.

Боре стало не по себе от его голоса, от его красного носа.

— Я буду делать, что хочу! — Личико Костика злобно скривилось, и он, встав с табуретки, надвинулся на Борю.

Боря слегка отступил.

— Но-но, — сказал он, — потише.

— А чего потише? Вот как стукну сейчас., тогда будешь знать, как потише...

— Что-то ты сегодня разошелся?

И вдруг Костик схватил Борю за куртку и так потряс, что голова его мотнулась из стороны в сторону и он едва не прикусил язык. Ого сколько, оказывается, силы в этом малыше!

Боря стал поспешно отрывать от себя его руки.

— Но-но, ты... Хочешь заработать?...

— Хочу. — Костик еще крепче ухватил его за куртку, ухватил так, что она туго натянулась, сжав все тело, и Боре даже стало трудно дышать. И тут он рассердился:

— Уходи, ну? Я не хочу с тобой шутить!

— И я!

Боря ткнул его, правда не очень сильно, кулаком в грудь и получил затрещину. Боря обомлел. Лицо его пылало.

Костика так и распирало всего от злобы к нему, и нос его, как гребень у индюка, еще больше покраснел.

— Слушай, я не хочу с тобой ссориться, — сказал Боря. — Чего ты на меня вдруг взъелся?

— И не один я! И не вдруг!

— Замолкни! — сказал Боря, а сам подумал: «Неужели это Гена подговорил его?» — Ты ничего не понимаешь!

— Зато ты все понимаешь! — Костик кинулся на него, но Боря выставил колено и не подпустил его к себе. Тогда Костик схватил с Бориной полки маленький жестяной истребитель и швырнул в него — Боря едва успел прикрыть ладонью глаза.

Больше он не мог. Он выскочил из комнаты и побежал на кухню.

И все это из-за кнопки, которую он нажал пять минут назад? Не может быть!

В дверь позвонили. Боря открыл и увидел тетю Лену, Наташкину мать.

— Мама дома? — спросила она.

— Нет.

— А газета с таблицей лотереи у вас сохранилась?

— Пожалуйста. — Боря принес ей газету и спросил:

— А Наташа дома?

— Дома... Простыла вчера... Может, навестишь ее?

Через минуту он увидел Наташку — в синем халатике и, видно, в наскоро надетых тапочках.

— Входи, Боря, входи...

Боря вошел, и тут, судя по всему, карман его глянул на Наташку. Она примолкла, отошла в глубину комнаты, села на тахту и посмотрела на него исподлобья. И..., и нос ее тоже стал слегка краснеть.

— Ну, что скажешь? — спросила она.

Боря пожал плечами и вымученно улыбнулся:

— А..., а..., а что тебе сказать?

— А то, как ты Вову обманул! Как колотишь Костика! Как насмехаешься над Александрой Александровной! А сам боишься всех! Тебе верят, а ты... Бессовестный!

«Что она говорит? Ведь это все не правда, почти не правда!» — подумал Боря и все-таки обмер от ее слов. Ему стало не по себе: кто-кто, а Наташка никогда не обижала его, говорила ему и о нем в классе только хорошее, и даже гораздо больше, чем он заслуживал.

— Откуда ты взяла? — спросил Боря. — Совсем я не насмехаюсь и не боюсь. А вот ты, ты мне даже немножко... — И тут же Боря осекся: нечего ей это говорить. — Откуда ты взяла?

— Оттуда! И не прикидывайся овечкой, я вижу тебя насквозь!

Из-под ее челочки Боря жгли круглые, огромные, занимавшие половину лица глаза, и, говоря все это, Наташка выбрасывала вперед свою маленькую тонкую руку, и чувства ее были так сильны, что длинный и красный, как перец, нос ее подрагивал, а худые коленки подскакивали над краем тахты — то одно, то другое.

Боря съежился, прижался спиной к стене и, не выдержав, выбежал из квартиры. За ним захлопнулась дверь.

«Что мне теперь делать? — подумал Боря. — Кто меня защитит? У кого попрошу почитать книгу?»

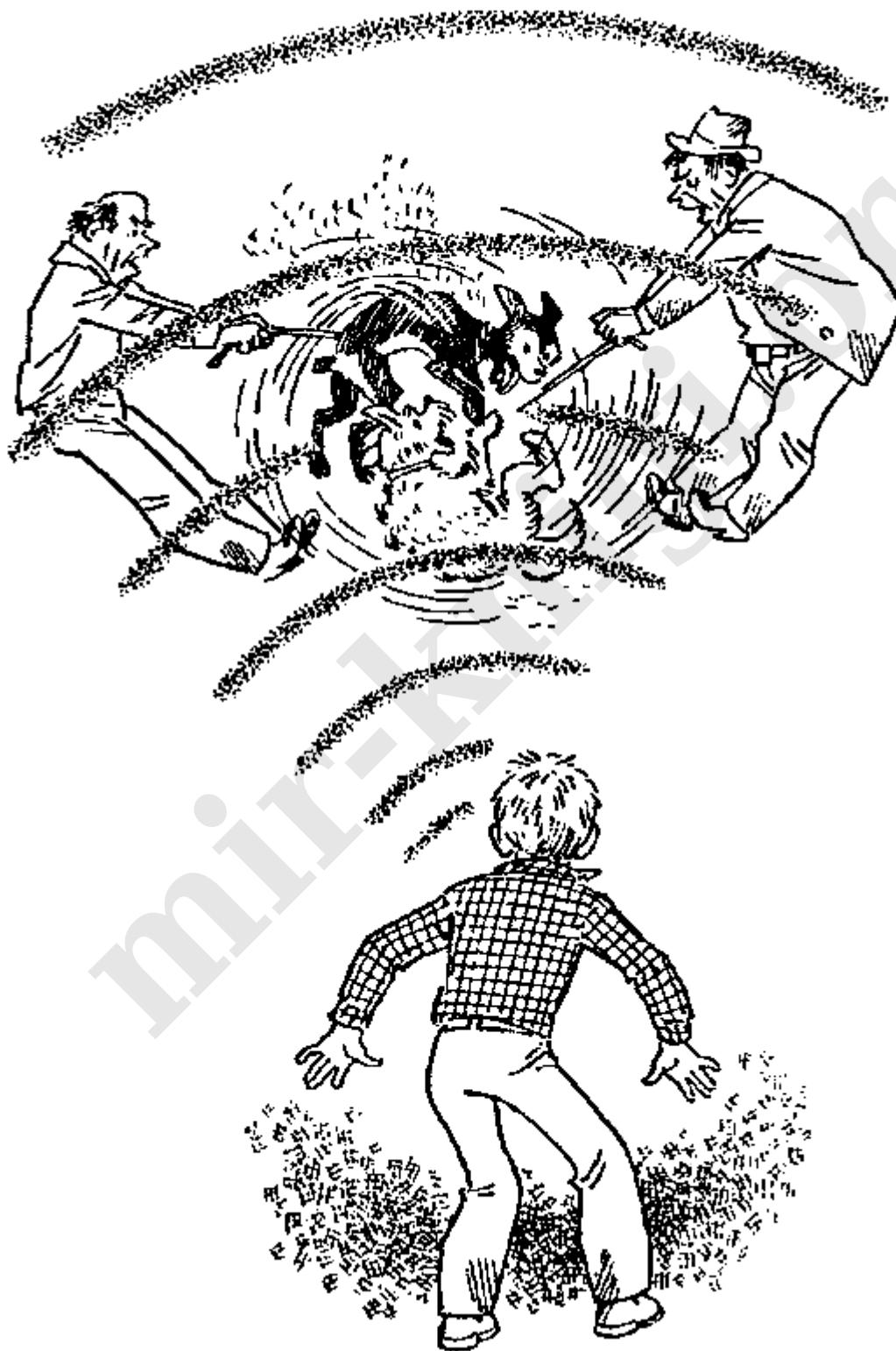
И все из-за кнопки. Ни одна не хочет помочь ему. Не хочет, и все. И сколько же будет лежать па дне пруда лодка?

На улице было тепло и солнечно.

У дома два их жильца прогуливали на поводках собак: одна — белая, мохнатая, как овца, вторая — совершенно гладкая, черная. Собаки дружелюбно обнюхивали друг друга, и морды у

них при этом были улыбочивые. «Умницы», — подумал Боря и уставился на них.

И в ту же секунду собаки зарычали, бросились друг на друга, залязгали зубами, и в стороны полетели клочья шерсти — белой и черной. Боря отскочил к подъезду, а хозяева закричали на них, натянули поводки и, упираясь каблуками в тротуар, стали растаскивать разъяренных собак.

«Пойду-ка я лучше домой», — подумал Боря, вспомнив вдруг огромные, полные ненависти Наташкины глаза и крики Костика. Он твердо решил ни на ком больше не пробовать

приборчик. Никогда. Ни за что. Хватит того, что было!

Переступив порог квартиры, он переложил приборчик в задний карман. За столом, как и вчера, было шумно. У мамы, отца и Костика было хорошее настроение. И только мама слегка рассердилась на Борю за то, что уже пятый день не может он вымыться в ванной, — неужели и об этом надо просить?

— Мама, ну хоть сейчас! — сказал Боря.

— Очень хорошо... Я прошу тебя.

Боря раньше других допил чай, взял чистое белье и побежал в ванную. За стеной слышались шутки отца, смех мамы и Костика. Боря повесил брюки на крючок, влез в ванну, задернул прозрачную занавеску, чтоб вода не брызгалась по всей ванной, и встал под душ.

Теплый дождик уперся ему в голову. Боря блаженно зажмурился и слушал, как тугие струйки бьют в макушку, в плечи, в спину и, щекоча кожу, сбегают вниз. Внезапно смех на кухне прекратился.

За стеной затопали ноги, кто-то крикнул, и у Бори упало сердце: приборчик! Он потянулся к брюкам, чтобы взглянуть на его положение в кармане.

Не успел. Дверь в ванную, с шумом отворилась.

— Так вот ты где! Опять ты всех задираешь! — отец отдернул занавеску.

И не успел Боря что-то сообразить, решить, сказать, как отец замахнулся. Но тут появилась мама. Она вцепилась в отцовскую руку и стала вытаскивать его из ванной:

— Не смей, Витя, не смей! Я сама его накажу!

Дверь захлопнулась, шум продолжался в коридоре. Борю вдруг прорвало, слезы хлынули двумя потоками по щекам. Он заревел в голос, — так было горько и обидно.

Он выскочил из ванны и повернул брюки так, чтобы Хитрый глаз смотрел в другую сторону. Нет, этого было мало. Дрожащими руками он вытащил из кармана приборчик и, роняя на него слезы, посмотрел на кнопки, уже знакомые ему и совсем новые... Скорей, скорей другую! И Боря, коротко вздохнув, нажал маленькую белую кнопку с черной цифрой «7».

ЗВЕЗДЫ

И с ужасом посмотрел на приборчик: Хитрый глаз казался сейчас особенно черным и ядовитым...

Страшно было и краем глаза глянуть в него, даже на его отражение в зеркале: а вдруг оно обдаст его волной и подействует?

Боря с величайшей осторожностью засунул приборчик в карман брюк так, что Хитрый глаз был направлен в пол. И быстро смыл с себя мыло. В квартире было тихо, семейство благополучно допивало на кухне чай, и никто уже, конечно, не помнил о том, что было только что.

Весь вечер Боря ходил в нерешительности по дому. Опять попробовать? Нет, ни за что, ни за что! Потом, услышав во дворе визг и смех, высунулся из окна. Ребята играли в прятки.

А если на полсекунды?...

Ни за что!

Но ведь совсем безопасно... Нельзя!

Скоро уснул и слабенько засопел Костик, и Боря просто не знал, что делать. Ведь он наставит приборчик на такой короткий срок, что и произойти ничего не успеет...

Боря незаметно направил приборчик в сумеречный двор. На полмига! И если б за эти полмига Хитрый глаз подействовал на ребят как-нибудь не так, они бы ничего не сделали Боре. И никому другому.

Однако ничего не случилось. Только смеха чуть поубавилось.

Вдруг Костик перестал сопеть. Не проснулся ли?

Боря спрятал приборчик и покосился на брата.

Глаза у него были закрыты, а голова на подушке неудобно повернута к нему, точно он специально подсматривал за ним. Не сказал ли ему Гена о своих подозрениях?

Ох как надо его остерегаться!

Утром Боря проснулся раньше брата и направил на него — ведь совсем неопасно! — из-под подушки приборчик. Костик и не шелохнулся, только брови его дрогнули на переносье и кожа на лбу нахмурилась, а губы сжались.

Внезапно он зашевелился и проговорил:

— Нет! Я вам сказал — нет! Я приказываю изменить курс!

Боря так и присел па кровати, услышав это.

— До земли не дотянуть... Сядем на льдину! — Глаза Костика были туго сомкнуты, лоб по-прежнему мучительно напряжен. — Что-что? Ничего, выдержит! Вы слышали? — крикнул Костик, так крикнул, что кровать его скрипнула и пошатнулась. — Я начальник экспедиции и все беру на себя!

Вдруг он открыл глаза, и Боря чуть не вскрикнул. Глаза брата ослепительно вспыхнули и ярко засветились, точно в них горело по звезде. И еще в них была отвага и решительность. И губы его еще не успели разжаться.

Вот так кнопка!

Боря пристально смотрел на брата. Костик оглядел комнату, залитую солнечным светом, теплую, уютную, с книжными полками и картинками на стенах, и па лице его появилась досада.

— Ты куда это летел? — спросил Боря. — Самолет вышел из строя?

— Да, — угрюмо ответил брат. Куда делась его беспечность, вечная готовность улыбнуться и нашалить. В лице его — спокойствие, во взгляде — новая, непонятная цель. Словно он знал что-то такое, чего Боря не знает и не в силах узнать.

— Как же вы теперь? — спросил Боря. Костик отвернулся к стенке: 9 -Меня еще могут вызвать отсюда телеграммой...

— Чудак! Во сне же все... И твой самолет, может, лежит уже на дне Ледовитого океана...

Сказал это Боря и вспомнил про свою лодку, настоящую лодку, которая лежит сейчас в настоящем или настоящего пруда. Водить самолет и отдавать во сне храбрые приказы — это каждый сможет, а вот вытащить лодку...

Вдруг Костик рывком откинул одеяло и сел на кровати. Глаза его снова вспыхнули, да так, что Боря моргнул.

— Долго будешь валяться? — В голосе брата зазвучало презрение. — Долго, я спрашиваю?

Только этого не хватало! А что, если схитрить, притвориться, что он во всем готов слушаться малыша?

— Кость, а ты мог бы включить меня в свою экспедицию? — робко попросил Боря.

— Тебя? — Костик пристально посмотрел на него своими горящими глазами. — Пожалуй, нет.

— Что так? Я бы так хотел!

— Не подойдешь. Нам нужны верные и твердые люди...

— Ну, Кость, — взмолился Боря. — Я исправлюсь... Даю тебе слово!...

— Тогда и будем говорить. — Брат вскочил с кровати и пошел мыться.

Ничего себе, у Костика просто мания величия!

На кухне все было готово. Отец, обжигаясь, торопливо пил чай, спешила и мама. Приглаживая после умывания мокрые на макушке волосы, Боря легонько задел ее Хитрым глазом. Мамино лицо оставалось прежним, только глаза, как и у Костика, засветились и тоже ярко вспыхнули. И все. Значит, эта кнопка ничем ему не грозит! Боря осмелел и задержал Хитрый глаз на отце. И опять — вспышка! И лицо отца стало суровей, и чай он пил медленней и не обжигаясь. И в глубине его глаз тоже ярко горели две спокойные, уверенные звезды. И это было так красиво, так неожиданно и загадочно!

И у Наташки, наверно, вспыхнут!

Первым ушел отец, потом мама, за ней Костик. Боря надел куртку с Хитрым глазом, собрал портфель. Но он не уходил. Чуть приоткрыв дверь, он ждал, когда выскочит Наташка. Тогда-то и он выйдет, и они будто случайно встретятся, и он разыграет удивление... Ждать пришлось долго, в куртке было жарко, и даже глаза заболели смотреть на ее дверь — темную, молчащую, с синим почтовым ящиком. Ну что она там? Опять выскочит в последнюю минуту и они рысью помчатся к школе? Или захворала?

Но Боря ждал.

Потом он набрал на телефонном диске ее номер и услышал тоненький голосок: «Да, я слушаю».

Ух как хотелось крикнуть: «Ну выходи же! Выходи, я устал тебя ждать!»

Но Боря ничего не крикнул, а быстро положил трубку на рычаг, словно она жгла его руку. Значит, здорова. И не успел Боря это подумать, как скрипнула ее дверь, и, не убедившись даже, что это Наташка, а не ее мама или папа, он прыгнул через порог и захлопнул свою дверь, отрезав все пути к отступлению.

И, суетясь, дергая руками, шмыгая носом, подбежал к кнопке вызова лифта и нажал. Так сильно нажал, что чуть не раздавил. И вот появилась Наташка. Боря повернулся к ней, к ее огненно-красному пальто, к ее широкой — до ушей и даже шире — улыбке.

— Здравствуй. — Боря открыл перед ним тяжелую дверь подошедшего лифта.

— Доброе утро.

И он увидел в ее глазах звезды. Да, да, звезды! Две яркие и зеленые, они так и сияли, освещая ее лицо, и тоже вспыхнули! Лицо ее странно преобразилось; Боря не мог выдержать ее взгляда. Минуту еще ничего, можно, а потом ему становилось вдруг почему-то так совестно, так стыдно, — и он упирает глаза в землю.

Почему?

Они вышли из подъезда и зашагали вдоль дома к Весенней улице.

Наташка держалась сегодня более прямо, чем всегда, и не старалась заглянуть ему в глаза, и не посмеивалась своим мелким частым смешком. Что-то в ней стало другим, будто, как и Костик, она узнала какую-то тайну, которую не знал он, и не торопилась поделиться ею, И куда-то исчезла ее суета. И нос хоть и оставался по-прежнему длинным, но он уже не стремился так лихорадочно вперед, чтоб первым все пронюхать...

А может, она оставалась прежней, просто он не замечал раньше?

Боря шел с Наташкой и не знал, о чем с ней теперь говорить, и она не лезла, как обычно, с расспросами, со своими девчоночьими охами и ахами, не жалела его и не предлагала новых книг. И так странно было идти с ней, совсем другой Наташкой, и ему почему-то показалось, что, шагая вместе, уже не он, а она делала ему одолжение...

И все, все это потому, что в глазах у нее горели звезды, которые время от времени вспыхивают, а у него нет этих звезд!

А ведь, если разобраться, звезды у нее не совсем настоящие, их дал ей Хитрый глаз. Ей дал, а ему нет. И у него вдруг появилось странное чувство, что эта кнопка насмехается над ним, слегка предает его...

В школе Боря сел за парту и перевел дух.

Спрятать приборчик подальше? Еще попробовать?

Вот вошел Андрей. Боря повернулся к нему.

У Андрея тоже вспыхнули карие звезды. Он оглядел класс и тотчас спросил у Вовы:

— Получил свой лайнер?

Вова промолчал.

— А собачку? -Ну чего молчишь?

Вова почесал круглую голову, вздохнул и отвернулся от Андрея.

— Ну говори, не бойся... Получил?

Боря на всякий случай отвел от Андрея Хитрый глаз: как бы опять не помешал.

— Получил, — проямлил Вова.

— Что? — не отставал Андрей.

— Мяч и ручку со стержнями... Лайнер теперь его, что там говорить...

— Я кого-нибудь другого подыщу ему, — отозвался Боря, — дядя Шура раздумал давать того щенка...

— Врать ты горазд! — опять вспыхнул звездами Андрей. — И умеешь играть на слабых струнках человека. «Собачку дам»... У Попугая научился?

— А тебе что? — обиженно спросил Боря и грудью лег на парту, потому что не хотел, чтоб Хитрый глаз зажигал у других эти звезды. Ведь против него действует! Они еще хуже относятся к нему, и Наташка, Наташка все это слышит...

Боря лежал на парте и смотрел на классную доску. И думал. В нем собиралась обида и боль: вон какие все стали храбрые... Уж лучше б никогда не находил он этого приборчика! Уж лучше бы...

Что лучше бы? Нет, не лучше! Это здорово, это замечательно, что нашел он его!

Да, да. Сейчас они все убедятся в этом.

НАКОНЕЦ-ТО!

Они храбрые? Хорошо! А не могут ли они стать еще храбрее?

Весь последний урок Боря старательно водил по ребятам Хитрым глазом. Класс изменился: ни подсказок на арифметике, ни кривлянья девчонок, ни шушуканья, ни обстрела друг друга из стеклянных трубочек жеваной промокашкой... Только звезды, звезды сверкают у всех в глазах!

Тишина. Спокойствие. Внимание, А когда прозвенел с урока звонок, никто не запрыгал, не захлопал партами. И только ушел учитель, Боря встал — заставил себя оторваться от сиденья! — и открыл рот — заставил себя открыть его! — и громко — заставил так зазвучать свой голос! — сказал:

— Андрей, слушай меня!

И не только Андрей, весь класс притих.

— Недавно на пруду, — продолжал Боря, — произошло кораблекрушение — погибла лодка..., подводная... Чудо, а не лодка!...

— Неужели? — Звезды еще ярче разгорелись в глазах Андрея, вспыхнули, как магний, и взглядом, полным иронии и удивления, он посмотрел на Борю. — Что ж ты не достал ее?

Боря растерялся. И не один Андрей, весь класс жег его прямыми и беспощадными звездами.

— А как? Как ее можно достать?

— Нырять.

— Но ведь еще холодно! И неизвестно, где она лежит...

Боря с новой силой стал водить Хитрым глазом по Андрею, по мальчишкам и даже по девчонкам, чтобы не визжали, не отговаривали мальчишек.

— Ребятки, вы слышали? Ему прохладно! — повернулся к классу Андрей.

И класс покатился со смеху.

— А может, нырять еще и мокро? — едко спросил у Бори Глеб, тускло мерцая глазами-звездами: ярче, ярче — вспышка! Подумать только: Глеб, Попка-дурак, вспыхивает...

От нового взрыва хохота качнулась люстра.

— Тише вы, сейчас я нарисую его! — Стасик выскочил из-за парты к доске. — Нарисую его храбрую физиономию...

— Не надо! — сказала вдруг Наташка, и Боря со страхом посмотрел на ее разгоревшееся лицо, в ее необыкновенно яркие зеленые глаза. — Разве это по-мужски — смеяться над одним? Вот увидите, и Боря скоро не будет бояться нырять в холодную воду, и будет сам принимать трудные решения, и лучше понимать, с кем надо дружить... Но ведь он так любит технику!

— Ну и что? — сухо спросил Андрей. — Какое это имеет отношение ко всему, что случилось?

— Самое прямое! — крикнула Наташка. — Как ты не понимаешь? И вы тоже, — она обратилась к классу, — вы тоже не понимаете?

Класс не отвечал.

— Знаете, что я предлагаю? — в полной тишине спросила Наташка.

— Знаем, — сказал Андрей, — можешь садиться... Итак, ровно через тридцать минут всем быть у пруда. Захватите с собой полотенца, маски для ныряния. Ты, Наташа, возьми одеколон для обтирания, ты, Вова, принеси надувной матрас, а с вас, Коля и Стасик, по полущубку... Итак, ровно через тридцать...

Боря молчал, прятал глаза. Ну и Наташка!...

Все решится сегодня, и все зависит от него, Бори, от его терпения и выдержки. И от Хитрого глаза!

Все стали выходить из класса, но и теперь Боря посылал вдогонку им невидимую энергию приборчика. Ребята шли по коридору спокойно, совсем не так, как в тот день, когда он направил их к пруду испытывать лодку, — тогда это была разноголосая толпа длинноухих...

Боря ни к кому не подходил, он издали направлял на ребят Хитрый глаз. Он даже прошел часть дороги за Андреем — к его дому: он — главный, и что будет, если он не придет?

Потом Боря повернул к пруду. Туда уже сходились ребята. Боря тихонько стоял в сторонке. Плохо было ему. Хоть сам лезь в воду! И полез бы. Но кто же, кто же тогда поддержит в них храбрость и решимость?

Хорошо все-таки быть храбрым, независимым! Но без Хитрого глаза, а самому по себе. Тогда не надо было бы все время хитрить, мучить себя и других и бояться каждой кнопки...

У воды на травке лежали два больших полушубка. Рядом с ними Андрей качал ногой насос, и гигантский синий матрас для плавания оживал, расправляя складки, и каждую минуту толстел и приподымался над землей. Стасик с Вовой протирали стекла масок.

Митя и Витя деловито ходили вокруг пруда и пытались проникнуть взглядом в воду.

— Начнем? — Андрей кончил качать. — Нырять будем вчетвером, каждый в своем квадрате, и чтоб не баламутить воду...

— А как же Боречка? — неожиданно спросил Глеб. — Так и будет стоять в сторонке?

— Это его личное дело, — резко прервал его Андрей. — Ты будешь нырять в правом углу пруда.

— А Боречка? Ради него ведь стараемся...

— Надевай маску и иди первым! — приказал Андрей, и Боря, глотнув обиду, направил на обоих Хитрый глаз.

Надо было терпеть и не поддаваться. Терпеть до последнего.

— А я предлагаю силой раздеть его и заставить пырять! — не унимался Глеб.

— Какой принципиальный! — со смехом сказала Наташка и потрясла бутылочкой, в которой забулькал тройной одеколон. — Отправляйся скорей в пруд и не бойся! Уж потом я так разотру тебя...

— А кто боится? — запетушился Глеб, кольнул Борю глазами-звездами и стал сбрасывать с себя одежду.

«Ну и Наташка! — опять подумал Боря. — Как все-таки по-разному действует эта кнопка на ребят! Одни его ругают, другие — наоборот. И Глеба терпят. Забыли про его обман, что ли? Или простили?»

— И чтоб воду не баламутил! — повторил Андрей. — Ничего тогда не найдем.

Мальчишки, в ластах и масках, вошли в воду, поплыли и стали осторожно нырять. И сквозь воду светились их звезды!

— Ну, есть? — спрашивал Вова, когда кто-нибудь из ребят выныривал.

— Нет!

Ребята снова погружались.

И тут Боря впервые подумал, и эта мысль обожгла его болью: а что, если они найдут лодку и Андрей отдаст ее Вове? Ведь отдаст... Отдаст, и дело с концом! А потом Вова вернет ему тот мяч и трехцветную ручку с запасными стержнями...

Точно. Так оно и будет. А он-то, дурак, думал, строил планы.

Лучше уйти отсюда, убежать!

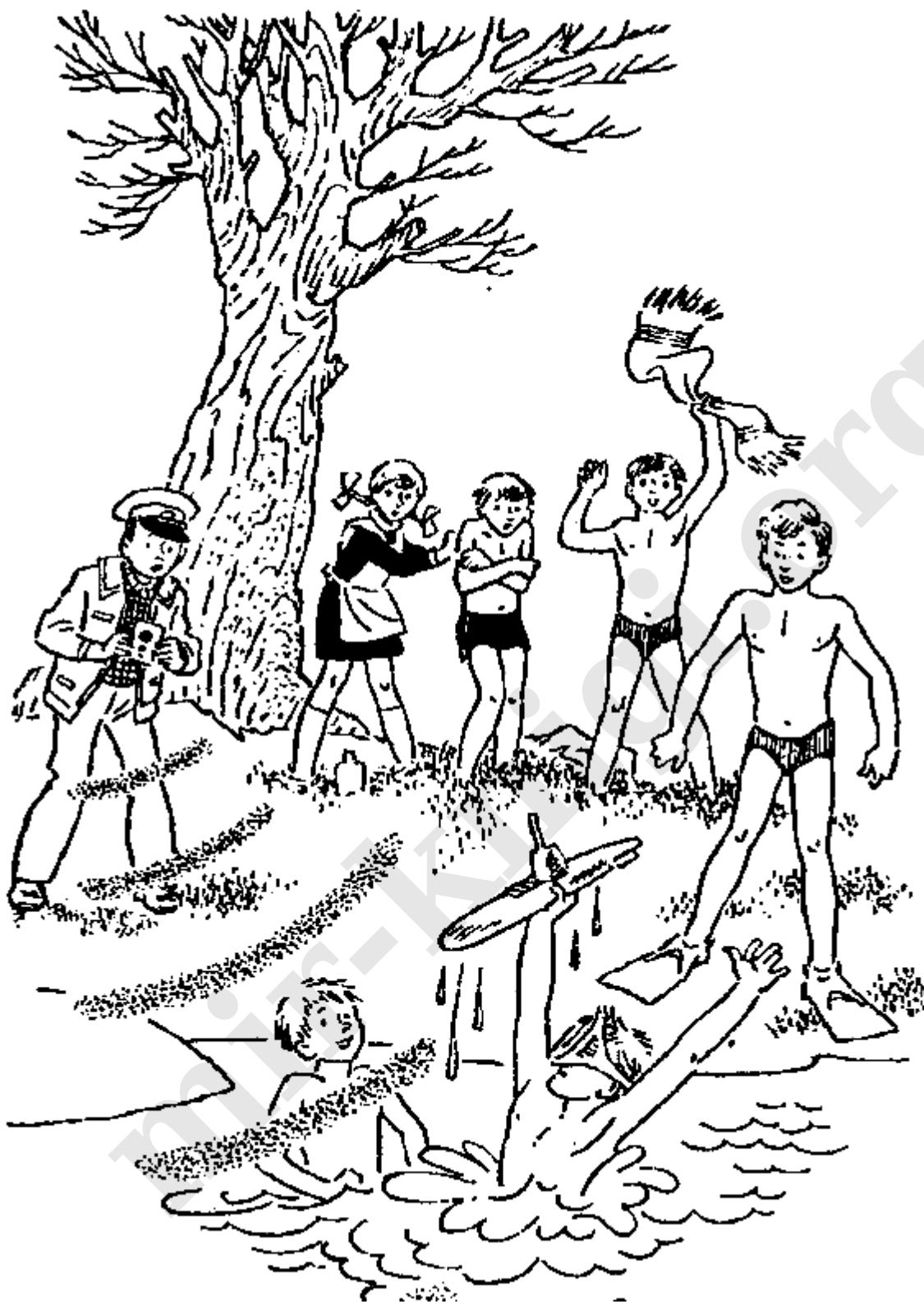
Но его ноги словно приросли к земле, и он не уходил, не убегал. С горьким упрямством продолжал он водить Хитрым глазом по ребятам, по тем, кто был на берегу, на воде и под водой, кто, отдыхая, придерживался за матрас.

— На берег! Новая очередь в воду! — отдал команду Андрей, и все четверо поплыли к берегу. И пока они вытирались полотенцами, делали зарядку, кутались в полушубки и давали Наташке растирать свои замерзшие спины и грудь, в воду вошли другие ребята и стали прочесывать новые квадраты пруда.

И вдруг Боря увидел лодку. Это была она, она! Она высунулась из воды и приподнялась вверх — узкая, грозная, с острым носом и маленьким винтом на корме. Ее держала над водой чья-то рука, -Урра, урра! — закричал он и запрыгал по берегу. — Нашли! Ур-ра!

— А что здесь такого? — направил на него свои карие звезды Андрей. — Иначе и быть не могло.

С лодкой в поднятой руке к берегу плыл Митя, а за ним быстро гнал надутый матрас Витя, чтоб Митя положил на него лодку. Но Митя не хотел показать, что устал, и продолжал держать лодку на весу.

«Что теперь делать? — в смятении думал Боря. — Как поступить?»

Вова уже стоит у самой воды и даже наклонился вперед.

Подойти сзади? Подойти, вырвать лодку — и деру?

Нет... Не годится так... Нельзя...

Надо попросить, и получше! Они сейчас странные. Могут отдать просто так.

Вот уже все ныряльщики на берегу. Наскоро вытираются полотенцами, растираются, одеваются. Все уже потрогали лодку. Она высохла, и солнце сверкает на ее боевой рубке, а Боря все не решается приблизиться к ней.

Потом решился, потянулся к ней одним пальцем.

— Ребята, можно?

— Чего тебе? — спросил Андрей, и Боря глотнул слюну: сказать или нет?

И вдруг решился — скажу!

— Можно взять ее?... Она ведь...

Внезапно к лодке прыгнул Глеб, вырвал ее из Митиных рук и бросился от пруда. Ребята и опомниться не успели, как Боря тремя прыжками догнал его и повис на толстой спине, пытаясь повалить на траву, а Глеб задергал плечами, чтоб стряхнуть его с себя.

Тотчас их окружили ребята, и Андрей без всякого труда выдернул из судорожно сжатых пальцев Глеба лодку и так его стукнул, что Глеб перекувырнулся через голову.

— Ты опять за свое? — сказал Андрей. Глеб поднялся и вытер ладонью нос. В глазах его уже не было и намека на звезды, а была одна злость.

— Я еще покажу вам!... — процедил он. — И особенно тебе! — Он ткнул пальцем в Борю. — Обманщик, подхалим, трус!

Боря прямо задрожал весь от обиды и ненависти.

— У меня и лайнер исчез из дому... — продолжал Глеб. — Не у тебя ли он?

— У меня! — крикнул Боря. — А ты еще больший трус и обманщик... Я хоть отдал Воле мяч и трехцветную ручку со стерженьками, а ты что? И лайнер тебе не нужен, и лодка не нужна... А я... Я мечтал! Всю жизнь мечтал!... Ребята!...

Сильный удар сбил Борю с ног. Он вскочил весь в слезах, с ссадиной на щеке, в испачканной куртке и с грязными от земли руками, вскочил и бросился на Глеба. Но того уже крепко держали за руки ребята, и Андрей швырял в него слова:

— Так... Хватит... Вон отсюда! Ну? Услышав эти слова, Боря подскочил к Глебу и замахнулся, но Андрей повернул к нему свое лицо.

Глеб медленно побрел от них.

— Ребята, дайте мне лодку, — жалобно попросил Боря. — Ну дайте...

— Вова, твое слово! — сказал Андрей. — Что тебе дороже: мяч и ручка или лодка?

— Собачка... Да ладно, пусть берет.

Боря схватил лодку обеими руками и прижал к куртке.

— Жаден до чего, — сказал Стасик, — «Мечтал»! А для кого мечтал? Для себя ведь.

— И ты уходи, — проговорил Митя.

— И не попадайся нам больше, — добавил Витя.

— Что вы... — с волнением сказал Боря и глянул на Наташку, которая держала в руках почти пустой пузырек и смотрела под ноги. — Я ведь не хотел... И вы..., вы не знаете меня!... Не понимаете!

И увидел, как погрузнело, осунулось, потемнело от страдания ее лицо.

— Иди, — сказала она. Тихо так сказала, беззлобно, с участием, даже с болью, и это было хуже всего. — Иди, Боря...

Боря отвернулся от них и пошел. Сначала он шел быстро, еще не осознавая всего, что произошло, а потом пошел медленнее, труднее, спотыкаясь на каждом бугорке.

Потом он увидел впереди себя Глеба. Он шагал, посвистывая и ногой отбрасывая с дороги камешки, точно и не случилось ничего. Услышав Борины шаги, Глеб обернулся.

— Ах, и тебя поперли! — радостно крикнул он. — Поздравляю! — Глеб остановился, потер кулак о кулак. — Иди сюда, получай добавку... Обещаю оставить в живых!

Боря замедлил шаг.

— Ну ладно, не буду бить. Пожалее. Так сказать, друзья по несчастью... Иди же сюда!

Боря пошел еще тише, потом остановился.

— Иди же! — бодро повторил Глеб. — Не буду бить... И лодку не буду отбирать, и лайнер просить... Даю слово!

— У тебя нет слова, — сказал Боря.

— Ну не сердись... Давай знаешь что? — Глеб посмотрел на пруд, и глаза его блеснули холодной злобой. — Я ненавижу их! А ты?

— А я... А я... — Боря выбирал слова, чтоб покрепче задеть Глеба. — А я люблю.

— Их? Нет, ты серьезно?

— Серьезно.

— Врешь! — закричал Глеб.

Конечно, Боря и вправду немножко врал. И не так уж немножко.

— Не вру, — сказал он.

— А я-то хотел тебе предложить...

— Уходи от меня, — сказал Боря, сжал кулаки и пошел на него, и Глеб, тяжелый, толстощекий, отпрыгнул от него и побежал, и у него при этом сильно тряслись щеки.

И вот тогда, когда Глеб исчез и уже не было видно ребят у пруда, из глаз Бори вдруг брызнули

слезы и он заревел от обиды и горя. Все у него ушло, все пропало, исчезло... Все-все! Как он теперь посмотрит ребятам в глаза? Что скажет? И Наташке, и другим...

И тут Боря вспомнил о Хитром глазе. Много от него толку? Не было бы его — не на что было бы надеяться, а то ведь все время на что-то надеешься, думаешь, ждешь... Выбросить его надо! Швырнуть в пруд. Разбить об стену дома... Но... Но что, если среди этих кнопок все-таки есть хоть одна счастливая, которая сможет все изменить?

Но какая? Какая? В последний раз нажмет.

И он наугад нажал кнопку с цифрой 8».

МОЖЕТ, ЭТА СЧАСТЛИВАЯ?

Боря шел домой, ощущая под мышкой округло-твердую лодку, но радости не чувствовал.

Какая там радость! Он не знал, куда деться, и слезы текли по его лицу. Уж лучше б не искали лодку. И он не просил. И они б не отдали... А то ведь как все получилось... Даже Наташка... А Глеб..., вот наглец!... Ах, как все плохо!

Вот и его дом. Боря вытер рукавом куртки глаза и двинулся к своему подъезду. По тротуару медленно прогуливалась Александра Александровна — ну конечно, где ж ей еще быть! — и на ходу читала книжку с красным обрезом. Воздухом дышит. Это Врачи ей прописали, по словам мамы, побольше дышать свежим воздухом. Увидев Борю, она оторвала от книги голову и, слегка поклонившись, улыбнулась ему краешками своих старых, бесцветных губ и поздоровалась.

Боря ответил и поспешил к подъезду, потому что боялся сказать или сделать что-нибудь не так — сам потом рад не будешь. И вспомнил про Хитрый глаз: может, и улыбается только по его приказу?

— Как дела, Борис? — спросила вдруг старушка и, видя, что он не останавливается, вздохнула и с грустью сказала:

— Запомни: вырастешь, будешь в отъезде, и надолго, — не ленись писать домой письма...

Что это она?

Боря еще больше испугался и, не решаясь расспрашивать у нее, почему он должен будет не лениться писать, сказал: «Ладно», и побежал к лифту. А ведь лицо у нее было ничего, она улыбалась... Что с ней такое?

«А Костик улыбнется?» — подумал он в лифте.

В их комнате был шум и гам: опять нагрянули сверстники брата.

Боря стал в дверях. Ребята лепили из пластилина большого, вставшего на хвост кита. Взбрело же!

— Уйти? — Голос брата прозвучал так мягко, на губах его застыла такая виноватая и неловкая улыбка, его приятели посмотрели на Борю такими чистыми понимающими глазами, что Боря ответил:

— Оставайтесь...

— А мы тебе не будем мешать? — спросил Костик. — Или ты хочешь позаниматься?

— Ничего-ничего, — сказал Боря. (Что это брат стал такой странный?) — Лепите...

Он ушел в комнату родителей с лодкой и стал оглядывать ее со всех сторон. Вроде в целостности: ни царапины на корпусе, ни ржавчины на винте, сверкает никелем, только несколько тоненьких, как волоски, водорослей опутало винт. Боря снял их. И снова ему захотелось открыть люки — и тот, в котором находится крошечный пульт управления, и тот, большой, который по приказу извне автоматически открывается под водой, чтоб выпустить ракету.

И опять не сумел. Видно, без Гены и лодка не поплывет, и лайнер не взлетит...

Скоро ребята ушли. Боря слышал, как Костик провожал их до лифта, потом вернулся и сунул в комнату голову.

— Борь, ты опять принес лодку?

— А что?

— Просто так. — Он посмотрел на Борю ясными, слегка жалеющими глазами, и это Боре не понравилось. — И как это Геннадий их мастерит?

— У него опроси. Ему лучше знать... Опять бегал к нему?

— Ходил... Знаешь, какой он замечательный! Однажды я сказал ему, что...

— Что у тебя с ним общего? — перебил брата Боря. — Разве ты товарищ ему?

— А он сказал, что от меня в технике больше толку, чем от Вовы, и я несколько раз помогал Геннадию... — И глаза Костика опять пожалели Борю. Почему?

— Поиграем в войну? — спросил у него Боря, но тут же раздумал: расхотелось. Как, бывало, уговаривал брата принять участие в игре, давал ему даже танки и артиллерию новейшего образца, а сейчас вдруг сам расхотел.

— Давай! — Глаза у Костика загорелись готовностью. Что это он?

— В другой раз, — сказал Боря. — Можешь идти... И не советую больше шататься к ним... Занялся бы ты разведением золотых рыбок... Купить тебе аквариум?

— Не надо, Боря... Я...

— Иди. — И тут же Боря постыдился своей резкости, потому что глаза Костика, как никогда, светились добротой и доверием.

Брат ушел, мягко, словно в укор ему, прикрыв за собой дверь, и Боря вздохнул.

Что это за новая кнопка? Надо ее остерегаться или нет?

На Костика она, можно сказать, не подействовала, а если и подействовала, то каким-то непонятным образом — сделала более обходительным, понимающим.

Позвонить бы Наташке — сразу бы все стало ясно. Но вернулась ли она с пруда? Да и как

звонить ей после всего, что случилось...

И тут пришла мама, а часа через два и отец. Однако на родителей приборчик совершенно не подействовал. Правда, они улыбались больше обычного и как-то очень мягко, очень сдержанно, и глаза их смотрели на него открыто, внимательно и..., и слегка жалеюще. Да, да, в глубине их глаз, как и у Костика, появилась непонятная жалость к нему, и это опять очень задело Боря.

Что ж это получается? Всегда, как только люди попадали под Хитрый глаз, с ними делалось что-то такое, что внезапно отделяло их от него, и он вдруг переставал понимать их, а вот они его — не переставали, они еще больше понимали его. И это было мучительно...

ПРОПАЖА

Костик, как всегда, лег спать пораньше, Боря — часом позже. Укладываясь, он положил приборчик под подушку.

Боря долго не мог уснуть. Он ворочался, скрипел пружиной и все думал, думал: что ему теперь делать, как быть? Как вести себя с Наташкой, с Глебом, с Андреем, с Вовой?

Проснувшись, Боря по привычке сунул руку под подушку.

Приборчика там не было. Пальцы полезли глубже. Но и там его не было. У Бори перехватило дыхание. Он принялся шарить еще глубже — напрасно.

Упал? Разбился?

Свесив голову, Боря с тяжело бьющимся сердцем стал осматривать пол..., нет. Тогда Боря соскочил с кровати и сунул под нее голову... Пусто!

Лоб его покрылся испариной. Пропал? Но кто ж мог его взять?

Боря глянул на кроватку Костика. Брат спокойно посапывал, одеяло на его спине слегка сбилось, и виднелся краешек зеленой пижамы.

Боря сел и провел рукой по лбу.

И вдруг ему в голову пришла шальная мысль: а что, если ночью он так сильно ворочался, что направил на себя Хитрый глаз и нечаянно нажал годовой какую-то кнопку и она так повлияла на него, что приборчик стал невидимым?

Боря быстро поднял подушку — даже вмятины от приборчика не осталось.

А может, его и не было у него и все это чистейшая фантазия? Сон? Куда бы он делся иначе?

Из кухни доносился шум воды из крана — мама готовила завтрак, а из ванной легкое жужжанье электробритвы — отец брился у зеркала. Боря подпер кулаком подбородок. Как теперь быть? Что делать? Может, самые лучшие кнопки еще не были нажаты, кнопки, которые принесли бы все-все, чего пока что так не хватает ему...

Боря пошел на кухню.

— Ты что такой? Не заболел? — спросила мама.

— Какой? — вяло спросил Боря и тут же ответил:

— Нет.

Вот отец вышел из ванной. Свежий, довольный, гладко выбритый.

— Ты что?

— Ничего! — Боря отвернулся от отца и пошел в свою комнатку.

Не скажешь же им, в чем дело!

Костик сидел на кровати и одевался, Боря уставился на Костика.

Брат не смотрел на него. Он зашнуровывал туфли и, как показалось Боре, слегка улыбался. Внутри у Бори что-то сдвинулось, и он не спускал с брата глаз. Костик не поднимал лица.

— Доброе утро, — выразительно сказал Боря.

— Утро доброе. — Костик поднял голову, и по его мордашке, большеглазой и сметливой, опять пробежала подозрительная улыбка.

— Ты что? — тяжело спросил Боря.

Костик в недоумении приподнял брови.

— Улыбаешься почему? — уточнил Боря.

— Хочешь, чтоб я плакал?

— Ты ничего не находил в комнате? — напрямик спросил Боря.

— А что я мог найти? — Костик еще более подозрительно моргнул ресницами.

— Ну что-нибудь.

— Ничего.

— Тогда иди умываться, и быстро!

Костик быстро, подозрительно быстро выбежал из комнаты. Боря запер дверь на крючок и принялся обыскивать его кровать, потом все углы, ящики, книжные полки. Приборчика нигде не было. Исчез, пропал приборчик с его глубоким, с его живым и опасным Хитрым глазом.

Не было приборчика, и все!

Нигде не было.

В школе Боря был хмур и неразговорчив. Ребят сторонился и побаивался больше прежнего: а вдруг помнят все, что он с ними проделывал? Нет, кажется, не помнили... Они, как и раньше, мало обращали на него внимания, точно и не было его в классе.

Одна Наташка ела его на уроках глазами, будто и не случилось ничего, и не вставали у нее кверху дыбом волосы, не вырастали громадные уши, и не превращался в огненно-красный перец ее нос. Она даже улыбалась ему. Но Боря тотчас упирал глаза в парту: она-то все забыла, а он помнил, ах как хорошо он помнил все, что она говорила ему, как помогла Андрею

прогнать его с пруда...

От кого теперь ждать помощи и спасения? Карман под пиджаком был пуст, и при резких поворотах тела ковбойка не натягивалась на груди на том месте, где лежал приборчик...

После уроков Наташка подошла к нему.

— Боря, пойдем домой вместе? — тихо и как-то сочувственно, точно он перенес тяжелую болезнь, спросила она.

— Мне надо еще в магазин! — Боря выскочил из класса и ринулся домой.

И когда он вбегал в свою комнатку, ему показалось вдруг, что может произойти чудо: сейчас он откинет подушку и увидит там...

Ничего он там не увидел.

Ничего.

Боря нехотя разогрел обед, кое-как пожевал и стал ходить по пустой квартире и вздыхать. Потом сел и застыл. Ничего не хотелось делать, даже думать. Скоро в дверь позвонили — брат. Боря но тронулся с места: не хотелось вставать. В дверь снова позвонили.

«Опять забыл ключ?» — Боря бросился к двери.

И в самом деле на пороге Костик.

— Разиня! — в сердцах сказал Боря, — Бол... — и не докончил. Не хотелось больше кричать: ну забыл и забыл, подумаешь...

Костик смотрел на него и улыбался, маленький такой, а уже серьезный. И откуда он взял, что у брата всегда хитрющие глаза? Ничего подобного. Очень ясные, добрые, верящие и в твою доброту. Но не такие наивные и жалостливые, как у Цыпленка.

И с Борей стало что-то делаться. Что-то стало с ним не так.

— Заходи. — Он пропустил брата в коридор и запер за ним дверь, хотя раньше только открывал замок, недовольно фыркал и быстро уходил к себе.

Сейчас ему даже захотелось расспросить Костика про его жизнь. А что спрашивать, и так все ясно. А хотелось. «Не буду», — твердо решил Боря и тут же спросил:

— Как дела, Кость?

— Какие? Школьные? Рисовальные?

— Все сразу.

— Плохо.

— А чего?

— Так... — Ответил, а сам смотрит прямо в глаза.

— Что так быстро прибежал?

— Скучно стало без тебя...

— Сочиняй! — сказал Боря, и что-то новое вдруг хлынуло в его душу и стало разливаться по всему телу, по всем жилам. И жечь его. И он впервые понял, как часто обижал брата, кричал на него и даже бил, выгонял его приятелей. А ведь он не плохой, и не ябедник: никогда не рассказывал маме про его проделки. Даже просить об этом его не надо!

— Идем, я покажу тебе что-то, — сказал Костик, и они пошли в свою комнатку.

Брат достал из кармана спичечный коробок, приоткрыл его и высыпал на ладонку несколько медных полустертых монет.

— Мне Алик подарил. Смотри, вот эта времен Петра, а эта, тяжелая, — екатерининская...

Боря слушал, и его начинал жечь странный огонь, и что-то щемило, жало, и было не по себе.

— Кто подарил тебе? — спросил Боря.

— А я уже сказал — Алик. Хорошие, правда? — Костик поднял на него глаза.

Боря не вытерпел его взгляда, отошел к окну, раздавил о стекло нос и стал смотреть во двор. Но тут же вернулся к брату. И снова отскочил от него, от его глаз, и опять — к окну. Ну что им надо от него, его глазам? Чего уставились так?

Или он, Боря, в чем-то виноват?

НЕМЕДЛЕННО!

Боря вернулся к брату и неожиданно для себя бросился па колени, нырнул под кровать и вытащил из дальнего угла две покрытые пылью коробки.

— Ты знаешь, что в них? — спросил Боря.

— Знаю.

— И знаешь, как они мне достались?

— Не совсем, но...

— Так вот что... Я должен их сегодня..., сейчас..., немедленно отнести Геннадию. — А в голове пронеслось: «Что ты делаешь, опомнись!» Но Боря продолжал еще более уверенно:

— И отнесу, а Глебу — фигу с маслом!

— И не жалко? — спросил Костик. — Совсем не жалко?

— Но ведь они же его! Как я могу держать их у себя? Я не знаю даже, как они работают... — И только сказал это Боря, как жечь его стало чуть поменьше.

Он принялся вытаскивать из коробок лодку и лайнер.

— Ух какие! — Глаза у Костика разгорелись, прямо-таки раскалились. — Давай оставим их у

себя? Ну давай!

— Нельзя...

И Боря подумал: к Геннадию надо пойти не одному, а с Костиком. Легче так. Они ведь вроде сдружились... Только с ним!

— Поможешь мне отнести? — спросил Боря.

— Ну, если ты так решил... — По лицу Костика скользнула довольная улыбка. — Ты еще подумай...

— Сейчас Гена дома? — спросил Боря.

— А ты позвони.

Геннадий оказался дома, и скоро они с двумя коробками под мышкой вышли из квартиры.

— Ну иди, иди вперед, а я за тобой, — сказал у Вовиноного подъезда Боря, которого вдруг охватила робость: отдавать было очень трудно — надо было что-то говорить, оправдываться...

— Нет, ты иди вперед.

— Нет, ты! — проговорил Боря.

— Но ты ведь старший, а старшие идут впереди, — упрямылся Костик, отставая от Бори. И тут уж с ним ничего нельзя было поделаться.

Не станешь же ему объяснять, что идти вторым чуточку легче: можно успеть кое-что обдумать и проще решиться сказать все, что надо. А если ты идешь первый, можно не найти нужных слов и напутать.

Дрожащей рукой дотянулся Боря до кнопки звонка и нажал.

И замер — что будет? И не дышал — как встретит? И язык прилип к небу — сбежать?

Открыла мать Гены, и опять в нос ударил резкий запах водорослей и птичьего помета.

— Здравствуйте, — уверенно пискнул Костик из-за Бориной спины. — Пожалуйста, Геннадия.

К ним вышел Гена, волшебник в знакомом рабочем халате с закатанными выше локтя рукавами. Сквозь квадратные стекла остро смотрели карие глаза. Боря сразу забыл длинную речь, которую приготовил за дорогу, глотнул слюну, поперхнулся, покраснел и протянул ему сразу обе коробки.

Но руки Гены и не двинулись к ним.

— Узнаю, — сказал Гена, — мое производство... Зачем приволок?

— Они ведь ваши.

— Наши? — удивленно и даже сердито спросил Гена. — Были наши! Разве ты даром взял лайнер? Да и тот парень... Как его?

— Глеб, — произнес Боря.

— Ну точно, Глеб... Вовка мне говорил... Он разве даром? Братец захотел... Пусть сам все и расхлебывает, я тут ни при чем. И я бы на твоём месте не отдавал ничего... Эй, Вовка, встречай приятелей! — И Гена неизбежно щелкнул Борю по носу, а Костику улыбнулся.

И ушел.

А Боря стоял у двери, неловко подхватив руками коробки, и не мог даже вытереть носа, из которого вдруг сильно побежало. Он громко шмыгнул им. Все начиналось не так. Не так, как он думал. Он думал, Гена обрадуется, схватит обеими руками свой чудо-лайнер и чудо-лодку, а они ему вроде и не нужны. И даже советует не отдавать! Ничего нельзя попятить.

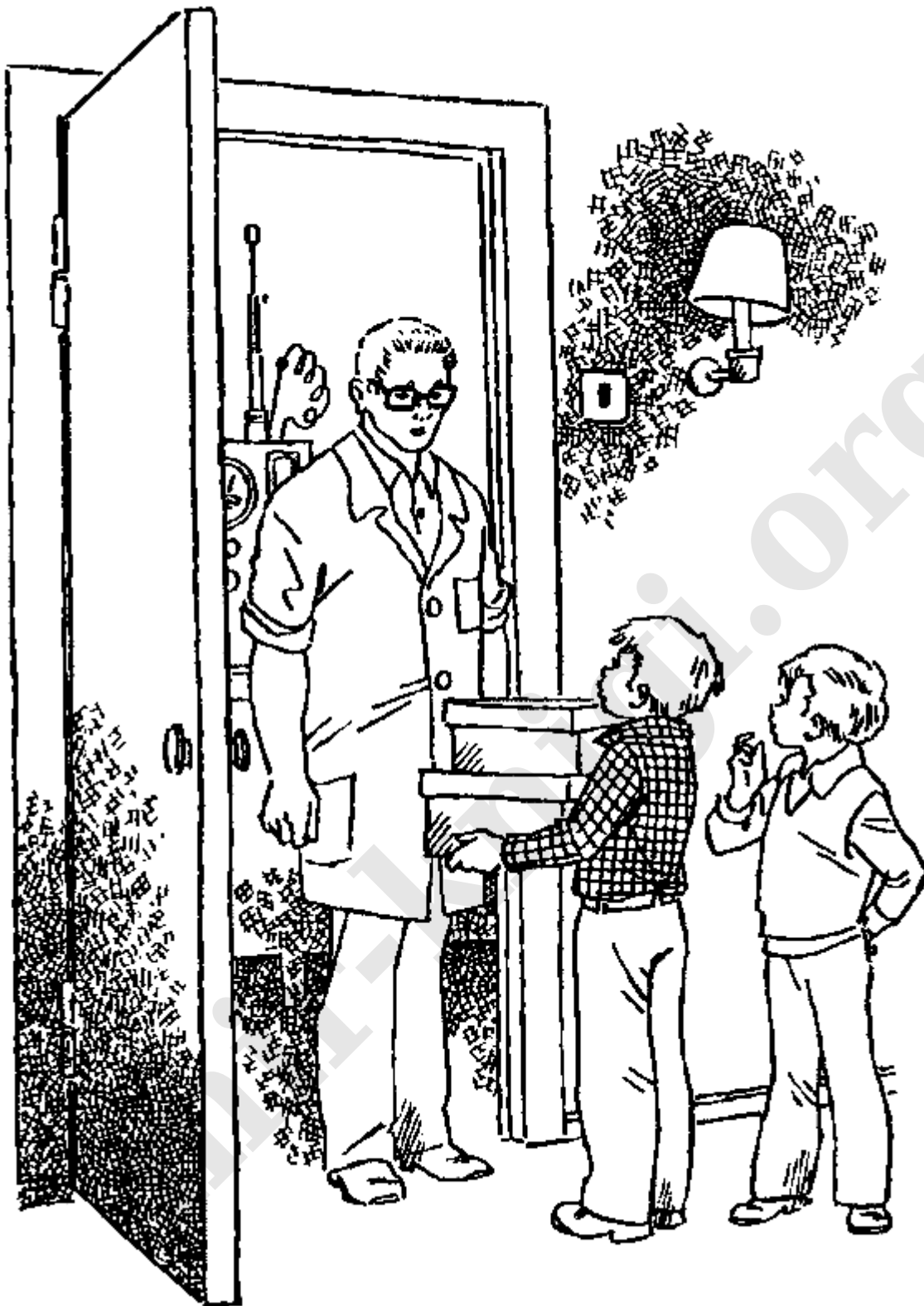
— Заходи! — долетел из комнаты Вовин голос, и Боря шепнул Костику:

— Ну давай двигайся.

— Нет, ты первый...

Эх, Костик, раньше он был расторопней!

Боря первый вошел в комнату, в мир аквариумов, клеток, лая, щебета и рыбьих всплесков. Вова не выбежал к ним сразу, потому что стоял на стуле и чистил подвешенную к стене клетку с какой-то крохотной серенькой птичкой.

Увидев Борю с коробками, он сделал большие глаза и спрыгнул на пол:

— Ты что это?

— И не обижайся, пожалуйста, за то, что я...

— Потасишь обратно, — предупредил Вова и стал поглаживать щенка, который минуту назад с ликующим визгом носился по комнате.

Тогда Боря положил коробки на пол, подвинул к стене, и, странное дело, расставаясь с ними,

не ощутил никакой жалости. И только сказал:

— Все... Теперь полный порядок.

— Ну что же, если так, — ответил Вова и выкатил из-под кровати синий мяч с синтетической, в бугорках, покрывшей, который дал ему за лайнер Боря, и достал из письменного столика трехцветную ручку:

— Забирай.

— Не надо, — отрезал Боря и сам удивился своей резкости и тому, что не берет то, что теперь по праву принадлежит ему. — Я не возьму... Спасибо.

— Но это ж ведь твое! — вскричал Вова, так вскричал, что рыбки в аквариуме стремительно шарахнулись в темный гротик.

— Не возьму...

Ему в самом деле не очень нужны были этот мяч и эта ручка, пусть останутся у Вовы: ведь он необычный мальчишка — стал бы другой возиться с этими увечными щенками и птахами?...

Вова громко позвал Гену, и тот явился с отверткой в руке.

— Ну чего тут?

— Он ничего не берет, — сказал Вова. — Даже своего не желает брать!...

— Безобразие! — Гена блеснул очками.

— Нет, — сказал Боря.

— Что «нет»? — Гена, крутнув, подкинул и лихо поймал отвертку.

— Никакого безобразия... Пусть Вова играет.

— Но ручку ты можешь взять?

— А вам не пригодится? Для каких-нибудь чертежей, где нужны разные цвета...

Геннадий внимательно посмотрел на него, и Боре захотелось смеяться. От глаз ли Геннадия, от этих ли рыбок и птиц, оттого ли, что он вот так запросто взял и принес лайнер с лодкой.

— Ведь пригодится ручка? — умоляюще спросил Боря.

И Гена кивнул в знак согласия. Глаза у Бори загорелись.

— А можно когда-нибудь помочь вам? Поддержать деталь, когда вы паяете, завинтить какой-нибудь шуруп, очистить провод, просверлить дырочки...

— Почему ж нельзя? — Гена даже поворошил своей твердой рукой Борины волосы.

И тут Боря впервые заметил, что пальцы у него особые, совсем не такие, как, скажем, у Василия — слесаря из домоуправления, — хотя тоже имеют дело с инструментом, не кургузые и красные, а длинные, тонкие и чуткие.

— А когда? — спросил Боря.

— Нетерпеливый! — сказал Гена. — Хорошо, приходи послезавтра. Ведь этого субъекта и клещами не оторвешь от собак и рыб: то кашку им варит, то меряет рыбкам температуру (здесь Костик хмыкнул), то смазывает разными мазями... Как только находит время ходить в школу...

— Слушай ты его, — сказал Вова.

— А мы с тобой, Боря, одну штуковину сделаем через месяц-другой...

— Какую?

— Тогда увидишь... Лайнер и лодка по сравнению с ней прошлый век... И не прошлый — пещерный!

Боря даже немножко испугался:

— Правда?

— Разумеется... Так зайдешь?

— Конечно! Только долго ждать... — вздохнул Боря и понял, что ничего бы этого не было, если бы он не решил вдруг вернуть им лайнер и лодку.

А Костик все еще стоял на порожке комнаты и глядел на них, и особенно на него, Борю, щурился на солнце, и лицо у него было светлое и хитрющее-прехитрющее! И это было хорошо: ведь хитрость его всегда была такая добрая, такая нехитрая.

Боря понял: надо уходить, у Гены, наверно, дел по горло.

— Ну, мы пошли, — сказал он, — до послезавтра. — И Гена протянул на прощание руку, небольшую, сильную, с тонкими точными пальцами, и Боря с удовольствием пожал ее, а потом пожал Вовину руку — маленькую и почему-то липкую, не то от какой-то мази, не то от маминого варенья. В первый раз пожал он их руки и заметил, как Гена подмигнул Костику: когда успели так подружиться?

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА

Братья вышли на улицу, и сразу Борю покинула легкость, и что-то задергало, зашипало внутри, будто кому-то он что-то обещал и не выполнил, провел, обманул...

Ну что бы это могло быть? А что, если все это из-за нее?

Нет, вряд ли... А все-таки?

— Кость, — сказал Боря, — как там Александра Александровна?

— А что? — спросил Костик.

— Ничего.

Ну что он понимал, Костик, в жизни? Ведь прожил-то столько, что никому не успел сделать плохого.

— Нет, ты что-то хотел сказать.

— Ничего!

Боря и в самом деле не знал в точности, почему подумал вдруг об Александре Александровне, но уж слишком ныло и дергало внутри. Он проговорил:

— Плохо получилось у меня с ней... И что меня толкало? Зачем?

— Ну возьми тогда и зайди к ней, — просто сказал Костик. — Разве это трудно?

Это предложение прямо ошеломило Борю, и он с удивлением посмотрел на брата. А может, и правда зайти? Надо бы... Но это трудно, это так трудно, и Костик этого никогда не поймет.

— И ты со мной? — осторожно спросил Боря.

— Могу, если хочешь, — безучастно сказал Костик.

Боря дернул его за ухо:

— Ты что отстаешь? Иди быстрее.

— Я устал, — заявил брат и продолжал идти, слегка отставая, но с большим достоинством.

Даже когда Боря открыл дверь лифта и подтолкнул в нее Костика, тот заартачился и пришлось войти первому.

Самое страшное было нажать кнопку рядом с дверью Александры Александровны. Куда страшней, чем к Геннадию. Ведь даже подумать дико — он идет к ней! Сам идет, не из-под палки... Она терпеть его не может за хлопанье дверями лифта, за того голубя, она требует, чтоб он мыл закапанный мороженым пол, велит почему-то, чтобы он, когда вырастет, не ленился писать домой письма, а он идет к ней... Ведь набросится же, накричит и такое потом наговорит отцу... Но идти надо. На душе лежала тяжесть, она ворочалась, давила, грозила совсем раздавить его.

— Сейчас позвоню, — сказал Боря, набираясь сил и оглядываясь, точно ища поддержку у брата.

— Конечно... Давай!

И Боря позвонил. И услышал за дверью шаркающие шаги.

— Только ты не убегай, не оставляй меня...

— Что ты!

Дверь открылась, и они увидели худое, морщинистое лицо, маленькую, в седых кудряшках голову.

— Простите... — начал Боря, слегка запинаясь. — Это мы... Я и Костик...

— А-а, братья Крутиковы! — своим низким, хриплым голосом сказала Александра Александровна. — Вижу... В полном составе... Случилось что-нибудь? Заходите...

Они вошли и сразу очутились не в обыкновенной комнате, а в каком-то книгохранилище. Книги стояли везде, даже в коридорчике, стояли от пола до потолка на специальных стеллажах, лежали стопками на подоконнике и на столе.

«Ого, — подумал Боря, — неужели прочитала все? Возможно. Ведь ни разу не встречал ее возле дома без книги...» Он смотрел на это несметное множество книжных корешков, забыв про все. Про то, например, что нельзя же вот так неожиданно ворваться в квартиру и молчать...

Наконец он отвернулся от книг и взглянул на нее, на старое, усталое лицо с пристальными глазами. И эти глаза, не отрываясь, смотрели на него, и в них не было ничего осуждающего, едкого, но Боря еще больше смутился.

— Александра Александровна, — начал он, — я бы хотел... Мы бы с Костей... — Он совсем не знал, что бы он хотел с Костиком.

— Ага, я вас поняла, — улыбнулась Александра Александровна, — ты бы хотел с братом навещать меня... — и еще внимательнее посмотрела на Борю.

— Ну конечно! Очень! — поспешил Боря. — Правда, Костя, мы давно хотели зайти к Александре Александровне?...

— Правда, — поддержал его брат, не расставаясь, однако, со своей странной улыбкой. — Вы живете совсем одна и, наверно, иногда...

— ...вам бывает очень грустно, — закончил Боря, и его понесло, понесло. — И здоровье у вас не очень...

— Не очень, — подтвердила Александра Александровна, — Сердце иногда так жмет — рукой не повернуть. В утиль бы сдала, да не примут... — и опять ее глаза замерли на его лице.

— Ну зачем вы так говорите, — краснея от этого взгляда, возразил Боря, — надо беречься... — И, не думая долго, предложил:

— Хотите, я сбегаю в аптеку? Хоть сейчас. Можем сразу в две: в одну я, в дру... -Ну зачем же в две? — Александра Александровна вдруг рассмеялась. — И в одну не нужно... Спасибо... Сейчас мне ничего...

— Тогда, может, в магазин? — Ему надо было спросить, почему она так смотрит на него, а он лез с какими-то пустяками.

— Благодарю... С утра все купила... В другой бы раз не отказалась...

— А вы позвоните тогда! — не унимался Боря. — Позвоните нам, и я сразу сбегаю... Куда хотите! А если меня не будет дома, Костя сбегает... Сбегаешь?

Брат утвердительно мотнул головой.

— Вы знаете наш телефон? Нет? Так запишите, пожалуйста, — захлебываясь от непонятого волнения, Боря продиктовал Александре Александровне номер своего телефона.

Она записала в книжечку и подняла на Борю глаза. И сказала:

— Борис... — Она так произнесла его имя, что он весь притих в ожидании чего-то неведомого.

— Ты... Я тебя просто не узнаю сегодня!

— Почему? — глухо спросил он.

— Ты сегодня какой-то удивительный... — Я? Да что вы! Нет... Нет-нет...

— Не нет, а да, — неуступчиво сказала Александра Александровна. — Я ведь вижу.

И по ее тону Боря понял, что это хорошо, что он стал сегодня какой-то другой, он и по себе чувствовал: что-то случилось с ним, что-то произошло... Но что же? Что?

Спросить у нее об этом он не мог.

— Дочь у меня долго не пишет — три месяца ни слова, — сказала вдруг старушка, не глядя на Бору, и всхлипнула, но без слез. — Что бы это могло быть?

Боря оцепенел. Он не знал, что ответить ей, как помочь.

— Скажите, а вы любите читать? — внезапно спросила старушка, и голос и лицо ее уже были обычными.

— Еще как! — отозвался Костик.

— Так у меня же гора книг для вас... Еще мои дети с ними росли — смотрите, сколько! — Она показала рукой на восемь полок у двери: там были книги с разноцветными корешками, потертые и новенькие. — Можете взять хоть сейчас!

— Что вы, — сказал Боря. — Мы в другой раз зайдем.

— Зачем в другой? Берите сейчас... И не думайте, что они устарели — хорошие книги никогда не устаревают. Вот «Алиса в стране чудес», вот «Маугли», вот «Бемби», вот «Таинственный остров», вот «Золотой ключик или...» — и она, не договорив, стала снимать с полок книги и давать им.

Боре вдруг стало грустно.

— Спасибо... Зачем так много?

— Читайте, читайте... Проживете не одну, а сотню жизней, и не на одном своем континенте, и не только сейчас, а и в прошлом, и в будущем, здесь и на других планетах, в сказке, в мечте, и не только в них... А когда вырастете — сами будете делать сказки...

— Конечно, будем! — не утерпел Костик, а Боря молчал.

Но у него даже лоб слегка взмок от ее слов.

Потом Александра Александровна проворно шмыгнула на кухню, вернулась и, когда Боря с Костиком уже собрались уходить, заявила, что никуда их не пустит, не напоив чаем.

А чай растянулся на час, и они энергично хрустели миндальным печеньем, московскими хлебцами, попробовали три вида варенья — из айвы, клубники и яблок — и слушали рассказы про ее «ребятишек»: сына, ныне доктора наук по кибернетике, и дочь, геолога, которая отыскивает какие-то редчайшие ископаемые в Африке, и даже показала письмо от нее. На конвертах были наклеены красивые марки — пучеглазые полосатые рыбки плавают меж водорослей; из воды высовывает свою пасть крокодил; жираф, ростом с высотный дом, надменно озирает саванну с ее более низкорослыми обитателями...

— Какие марочки! — прошептал Костик, от восхищения почесал ухо и посмотрел на Борю. — А вон и обезьяны на хвостах висят...

— Цыпленок бы с ума спятил, — сказал Боря. — Ты как считаешь?

— Спятил бы...

— А вы возьмите их. — Александра Александровна принесла ножницы. — Вырежьте, а потом отмочите...

— Спасибо! — сказал Боря. — Отнесем Вове...

— Вместо той собачки, которую ты ему обещал, — сказал Костик.

Боря нахмурился и не ответил.

Еще через час, после рассказов об Африке, нагруженные книгами, братья вышли от нее.

— Эти книги, кроме «Алисы в стране чудес», можете оставить себе, — сказала Александра Александровна, провожая их до лифта, — а эту верните — муж подарил мне еще до революции.

ЧТО ЖЕ С НИМ СТАЛО?

— Ну и бабушка! — сказал Боря дома, разглядывая картинки в книге «Маугли» и марки. — Никогда бы не подумал!

— А я и раньше это знал.

— Ты все знаешь раньше других! — Боря провел ладонью по его круглой, теплой голове.

Брат улыбнулся.

— Смотри только, если она позвонит, чтоб все сделал... Понял? Чтоб все! А встретишь на улице — сам спроси, надо ли что... Обещаешь?

— Будь спокоен.

И тогда Боря спросил:

— Слушай, а почему Александра Александровна сказала..., ну, сказала, что я стал какой-то другой?... Ну, ты помнишь это слово?...

— Удивительный?

— Ну да. — Боря поморщился от неловкости. — Что она имела в виду?

А кто ее знает! — Костик пожал плечами, но глаза его старательно скрывали улыбку.

Тогда Боря незаметно, чтоб Костик не догадался, пошел в ванную и, не зажигая света, встал у зеркала над полочкой, на которой стояли разные баночки, тюбики с мамиными кремами и пастами, а из стаканчиков торчали четыре зубные щетки — всего их семейства. И увидел в зеркале себя. Не изменился: лицо по-прежнему худое и глаза по-прежнему серые, но не такие лихорадочные, и губы стали спокойные... А все остальное как было!

Скоро пришла с работы мама. С узлом в руках. Ей открыл Костик. Он все время крутился возле и смотрел, как Боря примеряет пальто, перешитое из отцовского. Мама отошла от Бори, глянула на него, и глаза ее вдруг вспыхнули.

— Боря, что с тобой?

— А что? — Боря даже испугался немножко. — Что-нибудь не так, да?

— Нет, нет-нет, все так...

«Что ж это такое? — напряженно думал Боря. — Не только Александра Александровна, но и мама что-то увидела во мне... Но что? Что? Почему они не говорят, что с ним стало?»

Боря позволял себя в новом пальто вертеть в любые стороны, а сам украдкой поглядывал на маму, на ее лицо, на тоненькие морщинки у рта и носа. А вчера они были у нее? Не замечал. А под глазами у нее усталая синева. Да и сами глаза вроде бы помутнели от усталости.

«Мам, иди отдохай», — хотел сказать Боря, но не сказал: почему-то было очень стыдно сказать это — ведь никогда не говорил. И разве дело только в отдыхе? Он не знал, что делать. Он вышел на кухню и увидел ведро, полное мусора. Он схватил его и побежал на лестничную площадку к мусоропроводу. И услышал сзади мамин голос: «Ну что ты, Боря, я сама», — и ему стало еще хуже, ведь это была такая мелочь. А что же не мелочь? Что настоящее?

И Боря спросил:

— Может, купить надо чего?

— Все есть, — ответила мама, — и хлеб, и масло... Вот, правда, картошки маловато. Но ничего, авось до завтра хватит. Да и тяжелая она...

— Давай я сбегаю, — сказал Боря. — Хоть десять кило...

— Ну да! Не донесешь... Лучше отдохай... Ты уроки сделал?

— А я ему помогу, — тут же вмешался Костик.

— Без тебя справлюсь.

— Ну возьми и меня, Борь, мне скучно без тебя, — захныкал Костик, и пришлось отправиться в магазин вместе с братом.

Боря приволок целых двенадцать килограммов картошки, и мама захохала, увидев, как глубоко

врезались в его пальцы ручки авоськи, оставив белые следы.

— Жив еще? — Мама пристально посмотрела на него.

— Тоже скажешь! — немножко даже обиделся Боря. — За кого ты меня принимаешь? Что еще сделать?

— Ничего больше не надо, Боря... Что это с тобой?

— А что?

— Да я так... Ничего... Ну иди к себе, поиграй с Костей.

Уходить не хотелось, но Боря ушел: ничего стоящего ведь не сделал, а надо бы что-то сделать. Но что и как? Вон какое у мамы замученное лицо; это не только потому, что у нее много дел... Боря ушел, и на сердце у него стало немного легче — совсем немножко! Но голова была ясная, спокойная. Однако не прошло и получаса, как опять в сердце пробилась и застряла какая-то тревога.

Боря уже догадывался, в чем дело. Но так не хотелось, так боязно было звонить в ее дверь — это ведь не к Геннадию и не к Александре Александровне... А надо было... Иначе не будет ему радости и веселья...

Надо!

И на следующий день, в воскресенье, Боря сказал брату:

— Может, к Наташке сходить?

— Идея! — закричал Костик. — Она так будет рада!

Боря слегка насторожился:

— Это почему же?

— Потому! — выпалил Костик. — Ты ведь давно у нее не был...

— А ты откуда знаешь?

— Хочешь, пойдем вместе?

— Нет, ты скажи, откуда ты знаешь, что я давно у нее не был?

— Да ничего я не знаю... Просто так сказал...

— А-а-а, — немного успокоился Боря, но решил ни в коем случае не брать с собой брата: не к старушке ведь идет и делать ему там нечего.

Но как пойти к ней? Что сказать? Как объяснить все? Может, на улице случайно встретится. Там все проще...

— Пойду прогуляюсь, — сказал Боря.

— А мне можно?

— Иди.

В самом деле, пусть идет, на улице он не помешает.

Они вышли. Было свежо, солнечно и не очень шумно. Костик шел рядом с ним и не мешал думать. А внутри по-прежнему что-то жгло и жгло Борю, и ему казалось, что в жизни его все не так, что он черствый, жестокий и никчемный человек. Чего-то основного, большого и главного он не сделал и даже не знал, что это и как это можно сделать...

Наташка все не попадалась. «Ну и не надо! — подумал Боря, шагая к дому. — Если она не встречается мне, то я сам пойду к ней... Да-да, пойду!»

«ЭТО Я, БОРЯ...»

Дома Боря стал разыскивать во всех углах и на полках Наташкины книжки — набралась целая стопка, — бутылочку с чернилами для авторучки, которую вот уже месяц не возвращал, и чернил за это время уменьшилось ровно наполовину; сунул в карман ее складной ножичек с синей перламутровой ручкой, рогатого чертика на резинке и решительно пошел к двери.

— Ты куда? — догнал его голос Костика.

— Скоро вернусь.

— А я? Возьми и меня... Ну возьми!

— И не проси.

— Ну, Борь... Как шел к Гене и к бабушке, так я был нужен...

— Не могу.

Боря вышел из квартиры и пошел к Наташкиной двери. В одной руке он держал ее книжки, другой потянулся к кнопке звонка и услышал, что Костик вышел из квартиры и стал возле лифта.

— Борь... Всегда ведь брал... Возьми!

— Уйди!

— Кто там? — громко спросила Наташка.

Боря открыл рот, но что-то внутри заело, и он какое-то мгновение стоял с разинутым ртом и не мог произнести ни звука. Потом произнес:

— Это я, Боря...

Дверь открылась, и он ступил через порог. Глаза его встретились с ее глазами, удивленными и немигающими. И в них блеснула радость:

— Борь, ты?

Как будто сама не видела — или не верила? — что это он. Или, черт побери, он все еще не похож на себя?

На кого же он тогда похож?

— А кто же? — спросил он. — Кто, если не я?

— Но ты..., ты такой красивый! Ты...

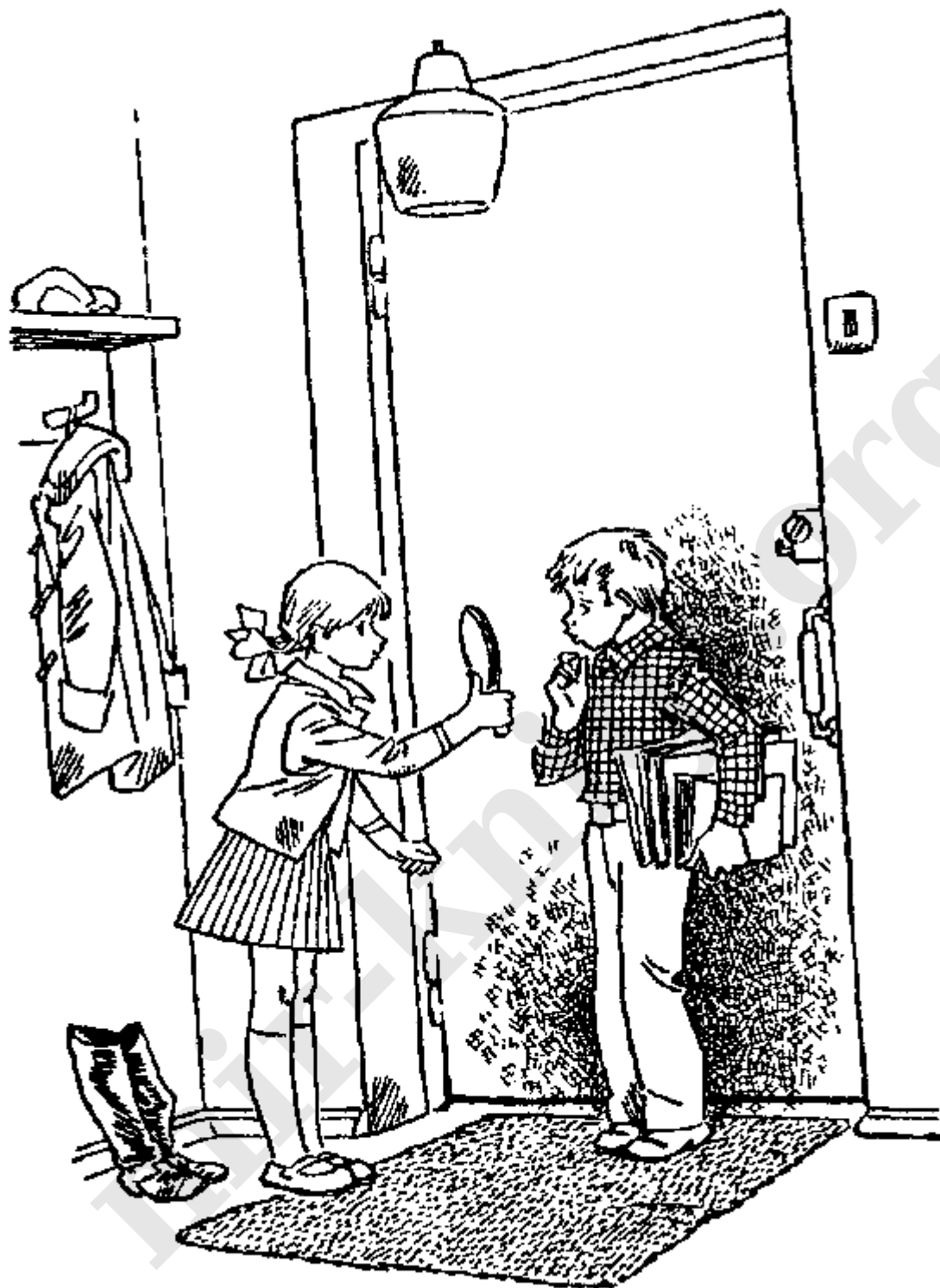
— Откуда ты взяла? — сказал Боря. — Какой был, такой и есть!

— Нет, совсем не такой... Ты и раньше был..., но сейчас не сравнить... Я так и знала! Посмотри!

— И она протянула ему круглое зеркальце, и Боря не узнал себя: это был он — и совсем не он!

И глаза, и нос, и губы — все прежнее и все другое! Встреть он себя па улице — не сказал бы, что это он, Боря Крутиков: в глазах — блеск, спокойствие, сила, на губах — улыбка, и никакой суеты в лице!

mir-knigi.org

— Выдумываешь ты все, — сказал Боря.

— Нет, Боря, правда... Я ведь всегда знала, что ты такой... Другой, чем кажешься, что Глебу далеко до тебя и что у вас с ним все было случайно и не по-настоящему...

— Ты о чем?

— Сам понимаешь... Ты что так нагрузился?

Боря шел к столу, а она за ним.

Тихо шла, бесшумно. Удивленно.

Никого, кроме нее, в квартире не было.

Он положил на стол книги и стал выгружать карманы.

— Что это за ножик? — спросила Наташка.

— Уже забыла? Не сердись на меня... Он..., ну завалялся... И за чернила...

В ее глаза вдруг появилась грусть.

— А зачем ты все сразу? Ну зачем?

Боря промолчал.

— Книжки-то хоть прочел?

Боря хотел соврать, но не смог. Он напрягся и, весь краснея, выдавил:

— Не все... Ты прости, что кой-какие потрепались...

— Какие пустяки! — воскликнула Наташка. — Они такие и были!

— Как-нибудь вместе починим... Заклеим... Хорошо?

— Хорошо... — Из ее глаз сразу исчезла грусть.

— И знаешь, что я хотел тебе еще сказать? — проговорил Боря и вдруг запнулся.

— Что? — Наташка очень заинтересованно посмотрела на него, а Боря не знал, с чего начать, с какого слова, — совсем как начинающий шахматист не знает, с какой фигуры лучше пойти. И еще больше запинаясь и краснея. И Наташка не торопила его, не подгоняла, а терпеливо ждала.

— А то, — вдруг прорвало Борю, — ты не думай... Я..., я... Я умею дружить, я не такой... И никому в обиду не дам... И...

— Ну конечно, — обрадовалась Наташка, и не скрывала этого, и тоже вся залилась краской. — Я всегда это знала...

И тут, конечно, Боре надо было немедленно что-то сказать, как-то условиться и уже начать дружить По-новому, по-настоящему, а не так, как раньше, но Боря опять не знал — как, с чего начать.

— Приходи к нам когда-нибудь, — выпалил он и понял, что говорит чушь: почему «когда-нибудь»? Надо точно сказать когда, и вообще пусть приходит, когда хочет...

— И ты приходи, — тут же вставила Наташка. Что это она? Ведь он уже пришел к ней... И вдруг он понял, что надо скорей уходить. Обо всем этом надо поговорить в другой раз и лучше всего на улице...

— Ну, я пошел, — сказал он. — Уже? — прямо-таки вырвалось из нее. — Я очень спешу сейчас.

Боря пошел — не пошел, а почти побежал к двери, распахнул ее, и она с размаху ударилась в кого-то.

ЛИЛОВАЯ ВСПЫШКА

— Костик? — вскрикнул Боря, — Ты что здесь делаешь? Зашиб тебя?

И, увидев, что Костик сморщился от боли, обнял его.

— Ну прости, братишка, я нечаянно...

Боря стал гладить его плечо, спину, и внезапно его рука наткнулась на что-то твердое — узкое, граненое и такое знакомое на ощупь — на груди брата. И почувствовал сильную дрожь: это было... Это было не что-то... Это был приборчик, его приборчик!

Боря захлопнул Наташкину дверь, запустил под рубаху брата руку и вытащил теплый от его тела приборчик. И сразу все понял: так вот почему Костик неотступно следовал за ним! Вот почему он стоял сейчас за дверью! Небось нажал какую-то новую кнопку, которая так изменила его, Борю...

Схватив Костика за руку, он повел его в их квартиру.

— Значит, это ты его стащил?

— Я... — Брови Костика дрогнули. — Я не мог иначе... Ты мне сам приказал...

— Я? Я приказал тебе?

— Да — Ты... — упрямо твердил брат.

Боря посадил его на кровать, а сам сел на табуретку.

— Как я мог приказать тебе?

По лицу брата вдруг побежали слезы:

— А там была нажата такая кнопка...

— Какая?

— С цифрой «восемь»...

— А что это за кнопка? Откуда ты это знаешь? — Боря стал ошалело вертеть в руках приборчик — тяжеленький, с двумя рядами кнопок и пронзительным Хитрым глазом, который был направлен в сторону. — Ты откуда знаешь все? Откуда? Сам дошел или кто-нибудь...

Борю трясло. Он положил приборчик на ладонь.

— А что это за рычажок внизу? — спросил он и сдвинул его.

— Включение.

— А что значит эта кнопка? — Боря нажал кнопку с цифрой 12», и раздался легкий щелчок.

— Не нужно, — попросил Костик, но Боря уже не слушал его.

— А эта? — Он нажал кнопку с цифрой 10», и опять приборчик слабо щелкнул. — А эта? — Он опустил указательный палец на кнопку с черным крестиком, расположенную под циферблатом.

— Не смей! — закричал Костик, изменившись в лице. — Эту не смей!

Но Боря уже нажал. И оба они зажмурились от лиловой вспышки, сильной и резкой, как молния. Костик закрыл рукой глаза, Боря тоже долго не мог открыть свои. Он держал приборчик на ладони и внезапно почувствовал, что тяжесть его пропала. Он стал легкий, как

пустая мыльница.

Боря разжал веки.

— Все, — сказал Костик, — все. — Он больше не плакал.

— Что «все»?

— Пережег..., уничтожил... Это было величайшее изобретение!

Боря глянул на приборчик, и холод подрал его по коже: Хитрый глаз перестал быть черным. Перестал быть живым, глубоким, язвительным, загадочным. Он стал плоским, бесстрастным, пепельно-серым, точно в самом деле подернулся пеплом...

— А ты откуда знаешь, что он был величайшим изобретением? — закричал Боря. — Кто тебе сказал это? Он?

— Он, — ответил Костик.

— Так вот зачем ходил ты к Геннадию, а потом конвоировал везде меня!... Сделал своим подопытным кроликом? Сделал, да?

— Ты не кролик, — сказал Костик. — Ведь я выключил приборчик. После того, как мы ушли от Александры Александровны.

Боря обалдело смотрел на него.

— А зачем таскался везде со мной?

— Наблюдал, — признался брат.

— И под дверью торчал, чтоб подслушать?

Глаза Костика стали наполняться слезами:

— Не обижайся на меня... — Костик моргнул, и слезинки скатились по его щекам.

— Ладно, прощаю... Но скажи: почему приборчик был с тобой? Боялся, что пропадет?

Костик кивнул.

— Как же ты у меня все-таки стащил его?

— А кнопка с цифрой «восемь»?

Боря ничего не понимал, и его опять стало трясти.

— А что это за кнопка?

— А ты прочитай.

— Где?

— А вот здесь есть «Инструкция». Отодвинь дощечку и прочитай. — Костик показал на боковую стенку приборчика.

Боря, оглушенный случившимся, неуклюже вертел в руках приборчик и плохо понимал брата. Костик взял из его рук приборчик, привычно, точно делал это не один раз, нажал большим пальцем его стенку, тонкая щечка приборчика поехала вперед, и Костик извлек изнутри аккуратно сложенный листок прозрачной бумаги. Развернул.

— Читай.

Боря поднес листок к глазам и стал читать:

ИНСТРУКЦИЯ

По эксплуатации ЭМЧ-1 — экспериментального микрогенератора чувств.

Кнопки на пульте управления генератора обозначают:

1 — Страх

2 — Жадность

3 — Глупость

4 — Лень

5 — Ненависть

6 — Радость

7 — Мужество

8 — Благородство

9 — Доброта

10 — Ум

11 — Юмор

12 — Трудолюбие

X — уничтожение ЭМЧ-1.

Буквы на циферблате обозначают продолжительность действия генератора: О — нерабочее положение, Ч — час, Д — день, М — месяц, Г — год, Н — навсегда. Рычаг под циферблатом — включение и выключение микрогенератора.

Работа с ЭМЧ-1 требует крайней осторожности и добросовестности, нажимать кнопки с недостойными целями строжайше запрещено.

***

— Слушай, — спросил Боря, обмирая, — неужели все это правда?

— Да, — сказал Костик.

«А я... Я нажимал кнопки с недостойными целями? — неожиданно подумал Боря. — Кажется,

нет... Но ведь я хотел с помощью приборчика получить лодку и лайнер, хотел использовать в собственных целях его мощь, которой нельзя сопротивляться, и при этом иногда страдал не только Глеб, а и хорошие люди. Но и на Глеба, наверно, нельзя было наставлять его, а если и можно было, то очень осторожно, во всех тонкостях зная устройство приборчика, понимая его действие... Нет, если уж говорить напрямую, цели мои были не очень достойны, и, наверно, поэтому приборчик и погиб...»

— Слушай, Костик, — спросил Боря, — значит, кнопка с цифрой «восемь» — Благородство?

— Да. А что?

— А то, что эта кнопка была нажата на генераторе и Хитрый глаз направлен на тебя в тот последний вечер...

— Так вот потому-то я взял его! — сказал Костик. — Ну не мог я не взять его, не мог! Ведь всю ночь приборчик приказывал мне: «Возьми, возьми меня, ведь я работаю впустую».

— Значит, ты стащил приборчик из благородства?

— Выходит. — Костик уткнул глаза в одеяло.

— А как ты об этом догадался?

— Гена как-то учуял и велел мне понаблюдать за тобой, ну, а потом, когда я взял приборчик, он исследовал его у себя, нашел «Инструкцию», испытал, нарисовал какую-то схему...

— И велел тебе подействовать на меня Хитрым глазом?

— Ну не велел... Сказал, что было бы очень хорошо, очень важно...

— И какую же кнопку он нажал?

— Кнопку с цифрой «девять».

— Доброту?

— Да.

— И от этой кнопки я стал такой, что все обратили на меня внимание?

Костик кивнул:

— Геннадий сказал, что люди, делающие добро, даже внешне становятся красивыми...

Боря молчал. Подавленно. Убито. Он не мог даже вообразить, что было в его руках! Какая вещь! И как не правильно вел он себя... Эх, если б он раньше узнал про эту «Инструкцию»... Теперь ведь так все ясно: и почему при нажатии кнопки с цифрой «1» все его так боялись и вставляли дыбом волосы, — от Страх; и почему при нажатии кнопки с цифрой «2» все вокруг стали такими мелочными и скупыми и непрерывно проверяли свои карманы, — от Жадности; и почему толпой длинноухих бежали ребята на пруд и даже Гена позабыл, как правильно пустить подводную лодку, — от Глупости (кнопка «3»), И только из чувства Ненависти, которое приборчик внушил окружающим (кнопка «5»), лез в драку Костик и едва не ударил его отец... А кнопка «6» — это ведь Радость! Радость, когда люди, не чувствуя под собой ног, отрывались от земли...

Как теперь все понятно! А кнопки с цифрами «7» и «8» — это же Мужество и Благородство! Выходит, он мог навечно сделать благородным даже Попку-дурака — Глеба, а Стасика — мужественным, Андрея — более мягким и терпимым... И всем-всем другим мог дать то, чего им не хватало, — а всем чего-то не хватало! Навсегда дать, стоило только стрелку на циферблате поставить на букву «Н»...

Мог, а не дал!

И все потому, что вне себя от волнения нажал он эту кнопку с крестиком и погубил приборчик — странный, удивительный, волшебный!

Чего только не было с Борей в эти дни! Как колотилось его сердце от страха и восторга! Сколько неожиданных мыслей приходило на ум, сколько чувств распирало его! Прошли, навсегда прошли эти семь дней, и каких семь дней!

Семь дней чудес!

Что ж теперь делать? Может, Гена исправит приборчик?

Нет... Перегорел его живой, его мудрый и опасный Хитрый глаз, и ничего теперь не сделаешь... Ничего!

Конец теперь всем его надеждам... Конец! Конец!

КОНЕЦ? НЕТ, НАЧАЛО!

Боря вскочил, закричал и хотел уже стукнуть Костика — почему не предупредил его про «Инструкцию»! Но даже руки вскинуть не сумел — не поднималась; хотел поддать ему коленцем — нога и с места не сдвинулась. И в сердце его вдруг растаяла, исчезла, точно и не было ее, вся досада. Вся обида и боль.

«Ох и трудно будет теперь жить! — подумал Боря. — И не обмани никого, и не ударь, и жалей всех, и помогай, будь всегда добрым, отважным, справедливым...»

И все это оттого, что приборчик подействовал на него, оттого, что он так много нового понял за эти дни...

Может, скоро пройдет его действие?

Однако минул час, и два, и пять, а ничего не изменилось.

Но хуже ему от этого не стало. Где там хуже! Ему было легко и радостно.

***

Уже вечером позвонил телефон, и Боря бросился в коридор.

— Да, я вас слушаю.

В трубке, где-то совсем близко, задышал низкий голос Александры Александровны:

— Это я, Боря...

— Да-да. Как вы себя чувствуете? Надо что-нибудь сделать?

— Спасибо, Борис, ничего... Как твои дела?

— Мои? — Боря даже на миг растерялся. — Как всегда... Обыкновенно... Спасибо... А что?

— Да я просто так... Просто так.

Боря не на шутку встревожился: стала бы она звонить просто так!

— А с сердцем ничего? — спросил он. — Не жмет, как вчера?

— Нет, Борис, все в порядке, — бодро ответила Трубка, но голос в ней был такой грустный, такой надтреснутый, что Боря не знал, как и быть, что делать. Наверно, ей сейчас было очень грустно, очень одиноко — все еще нет письма или что-то другое, — а на свете не должно быть людей — ни одного человека! — которому было бы грустно, или одиноко, или очень больно, которого прошибал бы страх, который хотел бы унижить, побить или обмануть другого, у которого не хватило бы мужества драться за справедливость, за честь и за правду...

— Александра Александровна, — сказал Боря, — можно прийти к вам сейчас?

***

И Боря, забыв обо всем, ринулся к ней. И уже у лифта, нажав кнопку вызова — она вспыхнула красным светом, — покосился па Наташкину дверь, и сердце его внезапно сдавилось от счастья. Да, погиб Хитрый глаз, сгорел, испепелился жаль его, очень жаль, но ведь не напрасно нашел он его... Впереди так много прекрасного: и дружба с Наташкой, и работа с Геной, и споры с Андреем, и встречи с Александрой Александровной, и улыбки отца, и блеск маминых глаз, и острые дальние звезды в небе, и чистый весенний ветер, и огромный шумный город, полный людей...

